This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

HDI
HL 40GX 5

COMP
919
DOR

Digitized by Google

A7
Dormidontov, G.F
Ob otvlzetstvennosti...

Bd. Nov. 1931

HARVARD LAW LIBRARY

Received SEP 29 1931

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Михаилу Николаевичу Капустину автора

2

362

ОБЪ ОТВѢТСТВЕННОСТИ НАСЛѢДНИКОВЪ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМЪ ОСТАВИТЕЛЯ НАСЛѢДСТВА.

«*Hominum causa omne jus constitutum est*». Ulp.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Г. Дормидонтова.

Вып. I.

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1881.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОБЪ
ОТВѢТСТВЕННОСТИ НАСЛѢДНИКОВЪ
ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМЪ
ОСТАВИТЕЛЯ НАСЛѢДСТВА.

«*Hominum causa omne jus constitutum est*». Ulp.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Г. Дормидонтова.

Grigorii Fedorovich Dormidontov

ВЫП. I.

№ 489

COMP
919
DOR

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1881.

PRINTED IN RUSSIA.

Digitized by Google

По опредѣленію Юридическаго Факультета Императорскаго Казанскаго Университета, печатать дозволяется. Казань, 25 мая 1881 г.

Деканъ *Н. Кремлевъ.*

SEP 29 1931
9/29/31

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вопросъ объ отвѣтственности наслѣдниковъ по долгамъ наслѣдодателя принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу наиболѣе спорныхъ въ наукѣ гражданскаго права. Въ виду этого, попытка подойти къ рѣшенію указаннаго вопроса при помощи метода историко-сравнительнаго не можетъ быть сочтена излишней. Достоинство и значеніе названнаго метода въ юриспруденціи настолько уже выяснились, что автору, примѣняющему его въ своемъ изслѣдованіи, нѣтъ надобности оговариваться на этотъ счетъ. Насколько окажется удачнымъ примѣненіе этого метода въ данномъ случаѣ, можетъ окончательно выясниться только въ концѣ работы.

Само собою разумѣется, что исторія одного какого либо юридическаго института не можетъ быть изучаема отдѣльно, ибо, говоря словами г. Ковалевскаго, „всѣ отношенія народнаго юридическаго быта тѣсно связаны между собой, и ни одинъ институтъ частнаго или публичнаго права не стоитъ одиноко самъ по себѣ, но обусловленъ въ своемъ существованіи всею суммою правовыхъ нормъ изучаемаго народа“. („Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи“. Москва. 1880. Стр. 33). Это обстоятельство избавляетъ насъ

Digitized by Google

отъ упрека въ томъ, что мы вышли изъ рамокъ нашего изслѣдованія.

Промахи и ошибки неизбѣжны во всякомъ трудѣ подобнаго рода, и серьезное указаніе на нихъ будетъ принято нами съ благодарностью.

Авторъ.

25-го декабря
1881 г.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

перваго выпуска.

Стр.

Предисловіе.

Введеніе . . . . . 1—20.

ГЛАВА I.

Наслѣдственное право древнихъ народовъ и постановленія этого права объ отвѣтственности наслѣдниковъ за долги наслѣдодателя . . . . . 21.

Индія . . . . . 27.

Китай . . . . . 85.

Греція . . . . . 116.

Дополненія . . . . . 222.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВВЕДЕНІЕ.

Разсматривая постановленія современныхъ кодексовъ гражданскаго права, касающіяся послѣдствій пріобрѣтенія наслѣдства, мы всюду встрѣчаемся съ обязанностью наслѣдника платить всѣ долги оставителя, хотя-бы эти долги далеко превосходили активъ наслѣдственнаго имущества и для уплаты ихъ приходилось-бы наслѣднику лишиться своего собственнаго достоянія. Такимъ образомъ пріобрѣтеніе наслѣдства часто можетъ оказаться совсѣмъ невыгоднымъ; принявшій его наслѣдникъ можетъ даже, вслѣдствіе этого пріобрѣтенія, сдѣлаться несостоятельнымъ.

Спрашивается: гдѣ-же причины того, что законодательство возлагаетъ такую строгую отвѣтственность на наслѣдника? На чемъ основана эта тягостная и, повидимому, противорѣчащая чувству справедливости обязанность платиться за чужіе долги собственнымъ имуществомъ?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ лежитъ въ томъ взглядѣ на сущность наслѣдственнаго перехода, какой усвоила себѣ юриспруденція.

Наслѣдственное преемство называютъ преемствомъ универсальнымъ.

Универсальное преемство есть принятіе на себя разомъ, *uno ictu*, всей совокупности способныхъ къ перенесенію правъ и обязанностей извѣстнаго лица, связанныхъ въ одно цѣлое въ силу факта одновременной сопринадлежности ихъ одному субъекту.

Наслѣдство и понимается юриспруденціей, какъ такая universitas juris. Говорятъ, что юридическія отношенія умершаго, въ чемъ-бы они ни заключались и на что̀бы они ни простирались, теряютъ въ моментъ смерти лица всѣ тѣ свои различныя свойства и качества, въ силу которыхъ они, смотря по содержанію своему и предметамъ, при жизни

Digitized by Google

ихъ обладателя получаютъ индивидуальное значеніе и характеръ, напр. право собственности, обязательство, права на чужую вещь и т. д., обезразличиваются и сливаются въ ту общую мысль, въ то общее понятіе, *потен*, что всѣ они теперь образуютъ одно посмертное достояніе умершаго. Въ чемъ именно состоитъ это достояніе: въ правахъ-ли на имущество, или на дѣйствія другихъ лицъ, или-же въ обязанностяхъ, и будетъ-ли оно заключать въ себѣ имущество въ собственномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ вещей движимыхъ и недвижимыхъ,—это для понятія наслѣдства совершенно однозначительно. Равнымъ образомъ для понятія наслѣдства не имѣетъ значенія и взаимное отношеніе тѣхъ правъ и обязанностей, которыя могутъ заключаться въ немъ: обязанности умершаго могутъ превышать его права; долговъ можетъ быть больше, чѣмъ активнаго имущества; но вся группа этихъ правъ и обязанностей, связанныхъ сопринадлежностью лицу умершаго въ одно цѣлое, будетъ всетаки наслѣдство. Для понятія наслѣдства требуется только, чтобы послѣ умершаго остались какія-нибудь юридическія отношенія, чтобы онъ могъ отъ другихъ требовать или былъ имъ чѣмъ-нибудь обязанъ (¹).

Для объясненія и оправданія такого пониманія наслѣдства, многіе юристы прибѣгли къ новой фикціи. Сложилось такое представленіе, что хотя существованіе лица физическаго прекращается съ его смертью, но оно продолжаетъ существовать, какъ лицо юридическое. Въ наслѣдствѣ видитъ продолженіе личности умершаго. Въ наслѣдствѣ, говорятъ эти юристы, имущество, какъ нѣчто матеріальное, т. е. имущество въ значеніи вещей или въ значеніи наличнаго и долговаго можетъ быть и не быть, бытіе его для понятія наслѣдства несущественно; для этого понятія необходимо только то, чтобы умершій состоялъ въ извѣстныхъ юридическихъ отношеніяхъ, чтобы онъ имѣлъ власть, господство надъ другими и состоялъ у нихъ въ подчиненіи; а такъ какъ власть и подчиненіе суть свойства самаго лица, то, слѣдовательно, наслѣдство, выражая собою упразднившееся, праздное господство или подчиненіе, пред-

(¹) См. *Никольскій*, «Объ основныхъ моментахъ наслѣдованія».

Digitized by Google

ставляетъ собою личность умершаго, а не имущество его. Причемъ эта личность наслѣдодателя, по мнѣнію однихъ, превращается вполнѣ съ принятіемъ наслѣдства со стороны наслѣдника, такъ какъ съ этого момента наступаетъ сліяніе имущества оставителя наслѣдства съ имуществомъ наслѣдника въ одно цѣлое, и это confusio bonorum дѣлаетъ предположеніе о дальнѣйшемъ существованіи личности наслѣдодателя излишнимъ; другіе-же, напротивъ, настаиваютъ на необходимости признать лицо умершаго все еще существующимъ въ наслѣдствѣ и по принятіи его наслѣдникомъ (¹).

Несогласны также юристы между собою и въ томъ, какую личность признавать въ наслѣдствѣ, или точнѣе, каковъ объемъ правъ, переносимыхъ на наслѣдника? (²)

Намъ нѣтъ надобности подробно излагатать здѣсь различныя мнѣнія по этому вопросу. Для насъ ученіе о томъ, что наслѣдство представляетъ собою личность оставителя и что наслѣдникъ, вступая въ наслѣдство, какъ-бы принимаетъ эту личность на себя, важно въ томъ отношеніи, что юристы, проводящіе это ученіе, связываютъ съ нимъ необходимо и отвѣтственность наслѣдника по обязательствамъ умершаго ultra vires hereditatis.

Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ изъ самыхъ ревностныхъ послѣдователей этого ученія, Никольскій:

„Перенесеніе обязанности исполненія по обязательству, принятіе на себя чьего-либо долга, по общему правилу не

(¹) Представителемъ перваго мнѣнія является Игерингъ, а второе высказано Пухтой. *Puchta*. Vorlesungen über das heutige röm. Recht. II. §§ 446, 447.—*Ihering*. Die Lehre von der hereditas jacens. Abhandlungen aus dem Röm. Recht. Leipzig. 1844 г. III p. 239—247.

(²) *Keller* разумѣетъ подъ наслѣдствомъ только тѣ юридическія отношенія умершаго, которыя имѣютъ экономическое значеніе, а потому называетъ ту личность, которая признается въ наслѣдствѣ, личностью экономическою. См. Pandekten § 455, 456. Пухта видитъ въ наслѣдованіи преемство правоспособности лица. Игерингъ, указывая, что въ составъ наслѣдства не могутъ входить тѣ юридическія отношенія, которыя только были возможны для наслѣдователя но еще не завязались въ его лицѣ,—говоритъ, что на наслѣдниковъ переходитъ не дѣйствующая, актуальная личность оставителя наслѣдства, а личность субстанціированная, осадочная.

Digitized by Google

можетъ быть допущено и дѣйствительно не допускается при сингулярномъ перенесеніи, передачѣ юридическихъ отношеній, почему-же это допускается при наслѣдованіи? Очевидно, потому, что оставитель наслѣдства и наслѣдникъ—одно и то-же лицо"....

„Внутренняя необходимость пониманія наслѣдства въ смыслѣ личности умершаго заключается особенно въ томъ, что его требуетъ самая природа наслѣдственнаго права, что всѣ явленія, истекающія изъ переноса наслѣдства и всѣ послѣдствія его пріобрѣтенія въ этомъ пониманіи только и получаютъ свое разъясненіе.... Такъ, безусловная обязанность платить долги оставителя наслѣдства свыше стоимости послѣдняго, ultra vires hereditatis, т. е. своимъ собственнымъ имуществомъ, всегда и непремѣнно существуетъ для наслѣдника, какъ представителя лица умершаго, тогда какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обязательство лежитъ на вещи (напр. при залогѣ), отвѣтственность никогда не можетъ идти далѣе цѣны вещи. Слѣдовательно, наслѣдника здѣсь обязываетъ не владѣніе, или собственность надъ имуществомъ, а то, что обязывало самого оставителя, именно его личность. Въ силу той-же личности, наслѣдникъ не можетъ отказаться отъ принятаго имъ наслѣдства, другими словами, онъ не можетъ сбросить съ себя чужую, но уже перешедшую на него личность, точно такъ какъ не могъ-бы сбросить своей личности самъ оставитель наслѣдства. На томъ-же понятіи основывается и нераздѣльность активнаго и пассивнаго элемента въ наслѣдствѣ. Оба эти элемента такъ слиты, что оставитель наслѣдства, хотя и можетъ призвать къ наслѣдству послѣ себя многихъ, но такъ однако, что не можетъ установить между ними ни малѣйшей неравномѣрности въ отвѣтственности ихъ за свои долги; такъ напр. если онъ назначилъ кого-либо наслѣдникомъ къ четвертой части своего имущества, то онъ не можетъ обязать его платить болѣе или менѣе четвертой части своихъ долговъ. Если бы, напротивъ, наслѣдство представляло собою простую совокупность имуществъ, то не было-бы никакого основанія почему-бы оставитель наслѣдства не могъ распорядиться особеннымъ образомъ относительно каждой части своего имущества" (¹).

(¹) *Никольскій*, «Объ основныхъ моментахъ наслѣдованія», стр. 41 и 42.

Digitized by Google

Просимъ извиненія за эту длинную выписку изъ сочиненія почтеннаго профессора. Мы позволили себѣ сдѣлать ее потому, что здѣсь съ достаточною полнотою и ясностью высказанъ взглядъ юристовъ, видящихъ въ наслѣдованіи преемство личности умершаго (¹).

Безъ идеи о преемствѣ наслѣдникомъ личности наслѣдодателя немыслима, по ихъ мнѣнію, отвѣтственность наслѣдниковъ за долги свыше силъ наслѣдства.

Отвѣтственность наслѣдника, говорятъ они, такая-же личная, какъ она была у оставителя, поэтому то она и безгранична. Эта безграничная отвѣтственность по всѣмъ юридическимъ отношеніямъ наслѣдодателя (разумѣется, способнымъ быть предметомъ наслѣдственнаго преемства) есть отличительный признакъ наслѣдника и въ тоже время слѣдствіе того, что наслѣдованіе есть не принятіе имущества, а заступленіе мѣста умершаго, по отношенію къ его правамъ и обязательствамъ, принятіе на себя его личности.

Таковъ взглядъ сторонниковъ ученія о личномъ преемствѣ въ наслѣдованіи.

Понятно, что желая быть послѣдователями, они не могутъ допустить наслѣдованія по инвентарю, и безусловная отвѣтственность наслѣдника за долги оставителя является, съ ихъ точки зрѣнія, правиломъ, исключенія изъ котораго нельзя оправдать юридически (²).

Многіе юристы новѣйшаго времени возстали противъ этого взгляда на наслѣдованіе, какъ на преемство личности умершаго, находя, что понятіе имущественной личности, остающейся въ наслѣдствѣ, *крайне искусственно и совершенно излишне*. „Вполнѣ достаточно, по ихъ мнѣнію, для объясненія сущности наслѣдственнаго перехода сказать, что наслѣдникъ вступаетъ въ совокупность имущественныхъ юридическихъ отношеній оставителя наслѣдства, и не въ каждое изъ этихъ отношеній въ отдѣльности, а въ единство ихъ, во всеобщность ихъ—universitas (черезъ что ужъ вступаетъ и въ каждое юридическое отношеніе въ отдѣльности). Сово-

(¹) Въ приведенномъ здѣсь мѣстѣ изъ сочиненія профессора Никольскаго содержится повтореніе ученія Игеринга, высказаннаго послѣднимъ въ сочиненіи: «Die Lehre von der heriditas jacens». Abhandlungeh aus dem röm. Recht. 4844.

(²) *Никольскій*, «Объ основныхъ моментахъ наслѣдованія», стр. 55.

Digitized by Google

вупность же имущественныхъ юридическихъ отношеній человѣка есть его имущество и такимъ образомъ наслѣдникъ, принимая наслѣдство, пріобрѣтаетъ, слѣдовательно, *имущество* оставителя, а *не его личность* (¹). То, что продолжается—это имущество, а не лицо оставителя наслѣдства. Принимая продолженіе имущественно-юридической личности оставителя, не выигрываютъ ни полнаго содержаніемъ принципа, ни новой плодоносной мысли, съ помощію которыхъ можно было-бы конструировать наслѣдственныя юридическія отношенія или преодолѣть трудности наслѣдственнаго права (²)".

Итакъ, по мнѣнію этихъ юристовъ, наслѣдство не представляетъ собою личность умершаго, а только имущество, но имущество не въ обыкновенномъ смыслѣ, а въ смыслѣ совокупности всѣхъ правъ и обязанностей умершаго, способныхъ къ перенесенію, совокупности какъ субъективнаго единства. Отрицая такимъ образомъ понятіе о продолженіи личности оставителя въ наслѣдствѣ, они говорятъ, что по смерти лица

(¹) См. *Windscheid*, «Die Actio des röm. Civilrechts. «Düsseldorf» 1856 p. 61 и слѣд. *Cruchot*, «Preussisches Erbrecht» I' p. 12—16. *Unger* Oesterr. Erbrecht V. 10. not. 7: «Что бы такое должно разумѣть подъ продолжающеюся имущественною юридическою личностью?» Конечно, не правоспособность оставителя наслѣдства въ смыслѣ живой силы, побуждающей къ пріобрѣтенію,—не дѣйствующую *«актуальную»* личность, какъ называетъ ее Игерингъ . . подъ продолжающеюся личностью оставителя наслѣдства слѣдовало-бы разумѣть лишь одинъ *осадокъ* ея, тотъ конкретный кругъ правъ, который оставитель наслѣдства образовалъ и выполнилъ посредствомъ своей личности, такъ называемую (Игерингомъ) *субстанціированную* личность. А это есть ничто иное, какъ имущество оставителя наслѣдства, и потому было-бы проще сказать, что наслѣдникъ принимаетъ наслѣдственное имущество, нежели мистическимъ и сверхъестественнымъ образомъ формулировать: «Наслѣдникъ юридически беретъ на себя личность оставителя и продолжаетъ въ себѣ ея существованіе».

(²) *Unger* id. *Böcking* также признаетъ теорію о продолженіи личности наслѣдодателя въ наслѣдствѣ непримѣнимой къ современному праву см. его Pandekten des röm Privatrechts. 2-ste Aufl.—V. VIII. Мнѣнія Виндшейда и Унгера держится также и *Gruchot*, у котораго подробно указана литература этого вопроса. См. Preussisches Erbrecht. B. I. p. 1—15.

Digitized by Google

продолжаетъ существовать его имущество, въ составѣ котораго входятъ, конечно, и долги.

Въ какой-же мѣрѣ долженъ отвѣчать за нихъ наслѣдникъ: можетъ-ли онъ ограничиться въ своей отвѣтственности только стоимостью наслѣдственнаго актива, или обязанъ платить по обязательствамъ умершаго ultra vires hereditatis?— Онъ обязанъ, отвѣчаютъ они на это, уплатить всѣ долги оставителя, все равно, достанетъ-ли или не достанетъ на удовлетвореніе ихъ полученнаго имъ активнаго имущества, и для объясненія такой отвѣтственности нѣтъ надобности прибѣгать къ фикціи, вымышлять принятіе на себя наслѣдникомъ личности наслѣдодателя, а достаточно того положенія, что наслѣдство есть universitas juris: въ составъ такой universitas входятъ всѣ долги оставителя, хотя-бы они далеко превышали стоимость актива, слѣдовательно, наслѣдникъ, вступая въ наслѣдство, беретъ на себя и ихъ.

Но не безъ основанія было противъ этого замѣчено, что и понятіе о наслѣдствѣ, какъ объ имущественной совокупности, universitas juris, не менѣе искусственно, чѣмъ представленіе объ имущественно-юридической личности умершаго?

Universitas juris есть также юридическая фикція, и необходимо объяснить: почему эта фикція примѣняется къ наслѣдственному имуществу, т. е. гдѣ основанія тому, что послѣднее обсуждается, какъ совокупность всѣхъ имущественныхъ отношеній оставителя, составляющая одно единое цѣлое, и тогда только можно будетъ уяснить себѣ значеніе этой фикціи въ приложеніи ея къ наслѣдству и точно опредѣлить послѣдствія ея примѣненія какъ для дальнѣйшей судьбы самаго оставшагося имущества, такъ и для лицъ, заинтересованныхъ въ немъ.

Отвѣтъ на поставленный нами вопросъ ищутъ обыкновенно въ цѣли наслѣдственнаго перехода. Цѣль эта, говорятъ, есть сохраненіе имущественныхъ отношеній лица послѣ его смерти и потому, соотвѣтственно этой цѣли, наслѣдственный переходъ долженъ обнимать всѣ оставшіяся имущественныя отношенія въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они принадлежали ихъ прежнему владѣльцу.

---

(1) *Никольскій*, «Объ основныхъ моментахъ наслѣдованія», стр. 39.

Digitized by Google

Соглашаясь съ тѣмъ, что при наслѣдственномъ переходѣ необходимо сохраняются имущественныя отношенія умершаго, мы позволяемъ себѣ высказать мнѣніе, что *этотъ переходъ долженъ имѣть и имѣетъ въ виду главнымъ образомъ выгоду наслѣдника.*

Только принявъ это послѣднее положеніе, мы въ состояніи будемъ объяснить, почему почти всѣ законодательства, признавая въ принципѣ отвѣтственность наслѣдника по обязательствамъ наслѣдодателя неограниченной, позволяютъ однако наслѣднику принять наслѣдство по описи и обязываютъ его въ этомъ случаѣ отвѣтствовать по наслѣдственнымъ долгамъ только стоимостью наслѣдственнаго актива.

Съ перваго взгляда кажется, что сейчасъ сказанное нами противорѣчитъ понятію о наслѣдствѣ, выработанному наукой; но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи предмета будетъ видно, что выставленное нами положеніе есть только послѣдовательный выводъ изъ точно установившихся принциповъ юридической доктрины. Для болѣе подробнаго объясненія того, какъ понимаетъ сущность наслѣдства современная юриспруденція, мы позволимъ себѣ обратиться къ сочиненію профессора Демченко—„Существо наслѣдства и призваніе къ наслѣдованію". Выбираемъ мы это сочиненіе потому, что оно принадлежитъ къ числу новыхъ и наиболѣе обстоятельныхъ работъ по наслѣдственному праву.

Почтенный авторъ, по нашему мнѣнію, точнѣе и полнѣе, чѣмъ кто-либо до него, анализировалъ сущность наслѣдственнаго преемства. Онъ также отрицаетъ въ наслѣдованіи преемство личности и видитъ въ наслѣдствѣ не лицо умершаго а его имущество. Главная заслуга автора состоитъ въ томъ что онъ свелъ и преемство по закону, и преемство по завѣщанію къ одному общему основанію къ силѣ частнаго усвоенія имуществъ въ принадлежность наслѣдственную, и первый, сколько намъ извѣстно, указалъ на то, *что наслѣдственный переходъ есть переходъ только къ извѣстнымъ лицамъ.*

На 4-й страницѣ своего труда авторъ даетъ слѣдующее опредѣленіе наслѣдству: „*Наслѣдство есть преемственный переходъ оставшихся имущественныхъ отношеній къ другимъ лицамъ, за смертью прежняго владѣльца ихъ, совершающійся въ силу ихъ наслѣдственной принадлежности и служащій потому къ сохраненію ихъ.* Такимъ образомъ

Digitized by Google

наслѣдство не есть безразличный переходъ имуществъ за смертію владѣльца ихъ, раздающій ихъ кому угодно и распредѣляющій ихъ какъ угодно. Напротивъ, какъ переходъ, требуемый силою наслѣдственности, силою существующей наслѣдственной принадлежности ихъ, оно есть: во 1-хъ, не только переходъ, наступающій за смертью лица (hereditas est pecunia, quae morte alicujus ad quempiam pervenit jure), требуемый самою смертью его, а не зависящій отъ произвола, и только обусловленный смертію, (слѣдовательно, переходъ неизбѣжный, какъ самая смерть, вызывающая его, и потому проникающій даже туда, гдѣ при жизни передача имуществъ вообще или покрайней мѣрѣ односторонняя не допускается); но во 2-хъ, оно есть переходъ къ извѣстнымъ только лицамъ, на которыхъ простирается сила наслѣдственнаго усвоенія оставшихся имуществъ; въ 3-хъ оно есть переходъ, обнимающій это имущество только извѣстнымъ образомъ, именно съ сохраненіемъ той связи сопринадлежности ихъ между собою, какую даетъ имъ ихъ наслѣдственное усвоеніе".

Поясняя послѣднее положеніе, авторъ на страницѣ 7-й говоритъ: „совершаясь только въ силу наслѣдственности имуществъ, наслѣдственный переходъ ихъ необходимо распространяется на всѣ имущества, какія только составляютъ наслѣдственную принадлежность владѣльцевъ, все равно будутъ-ли они активъ или пассивъ, права или обязанности и долги, такъ какъ всѣ они одинаково увлекаются къ переходу своею наслѣдственностью".

Только такой посмертный переходъ имуществъ, соединяющій въ себѣ всѣ указанныя условія, по мнѣнію автора, есть наслѣдство, только при такихъ условіяхъ онъ служитъ дѣйствительно къ *сохраненію* оставшихся имуществъ, не смотря на смерть владѣльцевъ ихъ, и притомъ къ сохраненію ихъ не только самихъ по себѣ, но и самой частной принадлежности ихъ. *„Всякій иной посмертный переходъ ихъ не будетъ наслѣдствомъ и поведетъ не къ сохраненію, а къ разрушенію имущественныхъ отношеній прежняго владѣльца, хотя бы при этомъ отношенія эти и не измѣнились въ своемъ содержаніи, матеріально остались тѣми-же"*.

Итакъ, главная цѣль наслѣдственнаго перехода, по мнѣнію автора, лежитъ въ сохраненіи имущественныхъ от-

Digitized by Google

ношеній умершаго и ихъ частной принадлежности; сохраненіе требуется высшею степенью частнаго усвоенія имуществъ, наслѣдственностью, и для этого сохраненія необходимымъ условіемъ является посмертный переходъ ихъ къ извѣстнымъ лицамъ. По нашему мнѣнію, было бы вѣрнѣе сказать, что наслѣдственный переходъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ не просто сохраненіе имущественныхъ отношеній послѣ смерти ихъ носителя, *а именно сохраненіе частной принадлежности ихъ, т. е. сохраненіе ихъ въ пользу извѣстныхъ лицъ.* Говоря иначе,—не потому имущественныя отношенія переходятъ по смерти оставителя къ извѣстнымъ лицамъ, что этого требуетъ сохраненіе ихъ, но наоборотъ, самое сохраненіе этихъ отношеній, а главнымъ образомъ сохраненіе ихъ частной наслѣдственной принадлежности, требуется существованіемъ извѣстныхъ лицъ, наслѣдниковъ. *Наслѣдство существуетъ для наслѣдника, а не наслѣдникъ для наслѣдства.* Указать какую либо другую главную цѣль наслѣдственнаго перехода, помимо нами указываемой, едва-ли возможно. Вѣдь никто же не скажетъ, что наслѣдство переходитъ къ наслѣднику въ интересахъ кредиторовъ оставителя, въ интересахъ государства и т. д. Нельзя также ставить въ наслѣдственномъ переходѣ на первый планъ намѣренія и интересы наслѣдодателя. Правда, что всякій человѣкъ имѣетъ нравственный интересъ въ томъ, чтобы по смерти его не осталось на его имени пятенъ, чтобы долги его были заплачены, чтобы всѣ его намѣренія, которыя онъ не успѣлъ самъ выполнить при жизни, были выполнены послѣ него. Это даетъ ему право пріобрѣтать имущество въ собственность, въ наслѣдственную принадлежность, распоряжаться имъ на случай смерти (¹); но не даетъ права прину-

(¹) Замѣтимъ здѣсь, что это право лица распоряжаться имуществомъ на случай смерти, а слѣдовательно и право призвать къ наслѣдованію извѣстныхъ лицъ, право свободное и неограниченное въ принципѣ, иногда противорѣчитъ въ своемъ примѣненіи интересамъ общественнымъ, политическимъ, нравственнымъ, религіознымъ и т. п. Эти интересы необходимо должны быть приняты во вниманіе законодательствами и вотъ почему мы почти всюду встрѣчаемся съ ограниченіями этого права; поэто-

Digitized by Google

дить призываемаго къ наслѣдству принять послѣднее, не даетъ права возлагать бремя выполненія своихъ намѣреній и отвѣтственность по своимъ обязательствамъ на собственныя силы своего наслѣдника, свыше силъ переходящаго къ нему наслѣдства.

Сила наслѣдственнаго усвоенія имуществъ имѣетъ только то дѣйствіе, что они могутъ, послѣ смерти держателя ихъ, перейдти къ извѣстнымъ лицамъ; но не ведетъ за собою этого перехода неизбѣжно: онъ можетъ имѣть мѣсто только по волѣ призываемаго.

му-же и кругъ лицъ, на которыхъ распространяется наслѣдственное усвоеніе имуществъ, неодинаковъ во всѣхъ законодательствахъ.

Древнія права ограничивали этотъ кругъ лицъ только родственниками умершаго и даже совсѣмъ лишали лицо права распоряжаться имуществомъ на случай смерти (Solus Deus heredem facere potest, non homo). Мало по малу, съ признаніемъ за личностью большей свободы, большей власти ея въ распоряженіи принадлежащимъ ей имуществомъ, кругъ лицъ, призываемыхъ къ наслѣдству, расширяется, но и въ новыхъ кодексахъ нерѣдки ограниченія лица въ распоряженіи его имуществомъ на случай смерти. Такъ нѣкоторыя законодательства ограничиваютъ свободу распоряженія въ имуществахъ недвижимыхъ, другія установляютъ различіе между имуществами родовыми и благопріобрѣтенными, допуская переходъ наслѣдства по волѣ оставителя только относительно первыхъ, третьи ограничиваютъ право распоряженія такимъ образомъ, что сохраняютъ за законными наслѣдниками право на извѣстную часть имущества оставителя, часть эта не подлежитъ распоряженію послѣдняго. Результатомъ подобныхъ ограниченій является то, что наслѣдственная принадлежность имуществъ у одного и того же лица можетъ быть иногда разнородна для разныхъ частей имущества, а это ведетъ къ раздѣленію ихъ на большее или меньшее число отдѣльныхъ наслѣдственныхъ масъ и къ обращенію ихъ порознь къ разнымъ наслѣдникамъ. Такъ что въ этомъ случаѣ и призваніе къ наслѣдованію, и пріобрѣтеніе наслѣдства здѣсь не можетъ уже обнимать всѣ оставшіяся имущества, какъ одно цѣлое; но должно совершаться особо по каждой ихъ части, причемъ каждая изъ этихъ частей является отдѣльнымъ самостоятельнымъ цѣлымъ, т. е. представляется, какъ universitas juris. Мы не будемъ здѣсь подробно излагать сущность такого наслѣдственнаго перехода и его отличіе отъ перехода универсальнаго, а отсылаемъ читателя къ сочиненію профессора Демченко, впервые, сколько намъ извѣстно, указавшаго всѣ существенныя свойства этого перехода, названнаго имъ переходомъ *партикулярнымъ* и представляющаго какъ бы нѣсколько универсальныхъ переходовъ.

Digitized by Google

Уже изъ этого видно, что наслѣдственный переходъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ выгоду этихъ извѣстныхъ лицъ (что обыкновенно совпадаетъ и съ желаніемъ оставителя); а слѣдовательно и сохраненіе имущественныхъ отношеній и ихъ частной принадлежности существуетъ и охраняется закономъ главнымъ образомъ не для умершаго носителя ихъ (хотя и во имя его), а для тѣхъ лицъ, на которыхъ простирается сила наслѣдственнаго усвоенія имуществъ. И въ дѣйствительности, тамъ, гдѣ интересы оставителя прямо противорѣчатъ интересамъ лицъ призываемыхъ, законодательство становится на сторону послѣднихъ и оберегаетъ ихъ отъ ущерба. Современные кодексы, позволяющіе принятіе наслѣдства по описи, не лишаютъ наслѣдника этого права даже и тогда, когда оставитель въ своемъ завѣщаніи прямо запрещаетъ ему пользоваться этимъ правомъ; мало того, законодательства оставляютъ наслѣднику право принятія по описи даже въ томъ случаѣ, если онъ самъ при жизни оставителя, отказался отъ этого права. Это опредѣленіе кодексовъ поддерживается и одобряется многими юристами (¹).

Это явно указываетъ, что законодательства, при регулированіи наслѣдственнаго перехода, имѣютъ въ виду главнымъ образомъ всегда наслѣдника, и что въ интересахъ его

(¹) Oesterreichische bürgerliche Gesetzbuch. § 803; «Der Erblasser kann dem Erben den Vorbehalt dieser rechtlichen Wohlthat nicht benehmen, noch die Errichtung eines Inventariums verbieten»....

См. также «Der Entwurf eines bürgerlichen Gesetzbuchs für das Gross'herzogthum Hessen, Abth. III, art. 235. Тоже положеніе принято большинствомъ юристовъ и относительно французскаго права (арт. 774); см. Acollas, «Manuel de droit civil». Paris 1874. T. II p. 222, 223. Zachariae «Handbuch des Franz. Civilrechts». IV. § 612 стр. 79 (5 ое изд.): «Der Erbe hat die Rechtswohltaht des Inventars auch dann, wenn er darauf bei Leibzeiten des Erblassers verzichtet oder wenn der Erblasser dem Erben von dieser Rechtswohlthat Gebrauch zu machen untersagt hätte». Contra: Arntz. Cours de droit civil Français. T: I § 1442. Гражданское ул. Королевства Итальянскаго также постановляетъ: «Право принятія наслѣдства съ условіемъ составленія описи принадлежитъ наслѣднику, не взирая ни на какое запрещеніе завѣщателя». (арт. 956). Тоже самое принято и въ прусскомъ правѣ: см. Gruchot «Preussisches Erbrecht» I p. 130—131. Förster. «Preussisches P. Recht» § 270; 14. Полѣе другихъ въ этомъ отношеніи опре-

Digitized by Google

заботятся о сохраненіи имущественныхъ отношеній и ихъ частной принадлежности.

Говорятъ, что наслѣдственный переходъ служитъ для сохраненія имущественныхъ отношеній умершаго, сохраненія, требуемаго никогда непрерывающеюся жизнью общества, никогда не останавливающимся имущественнымъ оборотомъ и т. д.; такимъ образомъ высшее основаніе наслѣдственнаго перехода видятъ въ непрерывности жизненныхъ потребностей общества, вынуждающей къ перенесенію по смерти лица всѣхъ его имущественныхъ отношеній въ цѣлости на его преемника.

Нельзя не согласиться, что для потребностей общественной жизни, потребностей имущественнаго оборота и т. п. сохраненіе имущественныхъ отношеній умершаго необходимо; но необходимымъ-ли наслѣдственный переходъ для этого сохраненія? Думаемъ, что нѣтъ. Сохраненіе имущественныхъ отношеній возможно и безъ наслѣдственнаго перехода; этой цѣли удовлетворяла-бы и improba usucapio pro herede, и та или другая конструкція управленія оставшимся имуществомъ. Если бы это сохраненіе имущественныхъ отношеній умершаго было возможно только съ помощью наслѣдственнаго перехода, то тогда наслѣдство всегда и обязательно переходило-бы на наслѣдника и законодательства нашлись-бы вынужденными принять мѣры къ тому, чтобы послѣдній никоимъ образомъ не уклонялся отъ перенесенія на него правъ и обязанностей умершаго, а мы, напротивъ, видимъ, что всѣ новыя законодательства предоставляютъ призываемому на выборъ принять наслѣдство или отказаться отъ него.

Признавъ это право отреченія, необходимо приходится согласиться, что наслѣдственный переходъ является только, какъ результатъ осуществленія извѣстнымъ лицемъ принадлежащаго ему права наслѣдовать; а не есть неизбѣжно необ-

---

дѣленіе «Проекта Германскаго имперскаго закона о наслѣдствѣ» (Entwurf eines Deutschen Reichsgesetzes über das Erbrecht», von F. Momsen. Braunschweig, 1876), гдѣ сказано: „Keine jede Verfügung des Erblassers, durch welche dem Erben verboten wird, sich der Rechtswohltaht des Nachlaszverzeichnisses zu bedienen, ist ungültig. Eben so ist auch das von dem Erben dem Erblasser geleistete Versprechen, sich der erwähnten Rechtswohlthat nicht bedienen zu wollen, ohne Wirkung». (§ 257) См. также мотивы къ этому § p. 307.

Digitized by Google

ходимое по тѣмъ или другимъ причинамъ (въ видахъ, напримѣръ, общественной пользы, имущественнаго оборота, непрерывности жизненныхъ потребностей общества) и потому обязательное для наслѣдника перенесеніе на него имущественныхъ отношеній умершаго.

Это право наслѣдовать (jus succedendi) основывается на наслѣдственности имуществъ; но эта наслѣдственность не есть свойство, обязывающее лицъ призываемыхъ къ принятію. Само собою разумѣется, что и потребности общественной жизни, и имущественный оборотъ и т. д. требуютъ, чтобы за имуществами лица признавалось свойство наслѣдственности, чтобы имущественныя отношенія по смерти ихъ носителя могли перейдти только къ извѣстнымъ лицамъ (не будь этихъ требованій не было бы надобности законодательству такъ ревниво охранять права этихъ лицъ); но вся суть этихъ требованій можетъ быть формулирована такъ: *необходимо, чтобы за извѣстными лицами признавалось право наслѣдовать*, или иначе: *необходимо, чтобы былъ допущенъ наслѣдственный переходъ имущества къ извѣстнымъ лицамъ.*

Такимъ образомъ, наслѣдственный переходъ, съ точки зрѣнія непрерывности потребностей общественной жизни, требованій имущественнаго оборота и т. д. является не *необходимымъ*, а только *возможнымъ и желательнымъ*. По смерти лица, интересы общественной жизни необходимо требуютъ сохраненія имущественныхъ отношеній умершаго; далѣе, тѣже потребности побуждаютъ признать за этими отношеніями свойство наслѣдственности, т. е. способность перейдти къ извѣстнымъ лицамъ по волѣ послѣднихъ ([1]); эти-же

([1]) И то и другое требованіе въ сущности отличны, хотя оба тѣсно связаны между собою. Противорѣчить другъ другу эти требованія не могутъ; сохраненіе имущественныхъ отношеній умершаго не препятствуетъ наслѣдственному переходу ихъ, и наслѣдственный переходъ не долженъ вести, къ разрушенію этихъ отношеній. Мало того, сохраненіе имущественныхъ отношеній необходимо и для цѣлей наслѣдственнаго перехода, оно, между прочимъ, требуется больше всего интересами тѣхъ лицъ, на которыхъ направленъ этотъ переходъ; наоборотъ наслѣдственный переходъ является однимъ изъ удобнѣйшихъ способовъ сохраненія имущественныхъ отношеній, требуемаго необходимо различными общественными цѣлями.

Digitized by Google

потребности указываютъ обыкновенно и кругъ лицъ, въ пользу которыхъ направляется наслѣдственное усвоеніе имуществъ.

— Но, возразятъ намъ,—вѣдь высшее основаніе принадлежащаго извѣстнымъ лицамъ права наслѣдовать лежитъ не въ тѣхъ или другихъ общественныхъ цѣляхъ (хотя соображенія общественной пользы и требуютъ, чтобы это право было признано закономъ). Будучи результатомъ наслѣдственности имуществъ, право это имѣетъ своимъ высшимъ основаніемъ *волю лица*. Человѣкъ есть творецъ будущаго, и это даетъ ему право воздѣйствія на будущее, право, которое должно быть охранено законодательствомъ.—Пусть такъ, отвѣтимъ мы, но это не даетъ права человѣку возлагать послѣ своей смерти на живыхъ бремена неудобоносимыя. Воля субъекта даетъ ему право пріобрѣтать имущество въ наслѣдственную принадлежность, т. е. предназначать это имущество послѣ своей смерти къ служенію интересамъ извѣстныхъ лицъ. Соображенія общественной пользы, какъ мы сказали, тоже требуютъ, чтобы это предназначеніе могло быть выполнено. Большаго нѣтъ надобности требовать законодательству; у него нѣтъ основаній дѣлать наслѣдственный переходъ обязательнымъ, а есть основанія только къ тому, чтобы охранять всѣми мѣрами для извѣстныхъ лицъ возможность осуществленія этого права. Такимъ образомъ и съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ наслѣдственный переходъ долженъ служить въ пользу наслѣдника.

Только по отношенію къ наслѣднику и оставшееся имущество называется наслѣдствомъ въ собственномъ смыслѣ; пока нѣтъ наслѣдника, нѣтъ и наслѣдства, а есть только „статокъ", „Verlassenschaft", „Nachlass" (¹). Только при желаніи наслѣдника взять себѣ этотъ статокъ возможенъ наслѣдственный переходъ. Наслѣдникъ такимъ образомъ

(¹) Oester. bürg. Gesetzbuch § 531: «Der Inbegriff der Rechte und Verbindlichkeiten eines Verstorbenen, insofern sie nicht in bloss persönlichen verhältnissen gegründet sind, heiszt desselben Verlassenschaft oder Nachlass». § 534: «. . . . Derjenige, dem das Erbschaft gebührt, wird Erbe, und die Verlassenschaft, in Beziehung auf den Erben, Erbschaft genannt». Ср. также Alg. Preuss. L. R. §§ 34, 35. Th. I, Tit. 1.

Digitized by Google

всюду на первомъ планѣ, если можно такъ выразиться, къ его выгодѣ направленъ весь институтъ наслѣдства.

Съ этой же точки зрѣнія должно быть разсматриваемо и понятіе о наслѣдствѣ, какъ объ universitas juris и о наслѣдственномъ переходѣ, какъ универсальномъ, только съ этой точки зрѣнія можно установить правильный взглядъ на объемъ и характеръ переходящей на наслѣдника отвѣтственности по долгамъ оставителя наслѣдства.

Имѣя въ виду главную цѣль наслѣдственнаго перехода —выгоду наслѣдника, мы не можемъ признать того, чтобы „статокъ", „Nachlass", переходя къ наслѣднику, обязывалъ послѣдняго взять на себя всѣ долги оставителя. „Статокъ"— это совокупность всѣхъ вещей, правъ и обязательствъ, оставшихся послѣ умершаго. Онъ понимается, какъ одно цѣлое, какъ universitas juris. Будемъ-ли мы при этомъ придавать ему конструкцію юридическаго лица или, вмѣстѣ съ Виндшейдомъ и Унгеромъ, станемъ разсматривать его, какъ самостоятельно-существующее безсубъектное имущество, суть дѣла отъ этого не измѣнится: онъ все-таки останется совокупностью тѣхъ правъ и обязанностей умершаго, которыя не могутъ и не должны прекращаться съ его смертью (¹). Естественная необходимость такого пониманія оставшагося имущества очевидна. Оно требуется прежде всего непрерывностью экономической жизни. Необходимо, чтобы долги могли быть уплачены кредиторамъ, чтобы послѣдніе знали, куда имъ обратиться съ требованіемъ удовлетворенія ихъ претензій. Нужно, чтобы своевременно были учинены взысканія съ должниковъ умершаго, такъ какъ этого требуютъ справедливые интересы могущихъ появиться наслѣдниковъ и другихъ лицъ (вѣрителей, легатарей и т. д.) Все это только

(¹) Замѣтимъ здѣсь, что законодательства несовсѣмъ согласны между собой по вопросу о томъ, какія именно юридическія отношенія лица прекращаются съ его смертью; но всѣ единогласно относятъ къ числу этихъ отношеній права и обязанности, тѣсно связанныя съ лицемъ наслѣдодателя (jura personalissima) X т. 1 ч. ст. 1544., рѣш. Гр. К. Д. С. 1871 №№ 181, 206, 995, и 1872 г. № 380. Alg. Preuss. L. R. I. tit 9 § 300. Oester. Bürg. Gesetzbuch § 1448. Bürg. Gesetzbuch für das K. Sachsen § 2284. См. Gruchot. p. 16—36.

Digitized by Google

возможно при признаніи между имущественными отношеніями той связи, какую имъ даетъ ихъ сопринадлежность одному субъекту, словомъ, при обращеніи его имущества его „статка", въ самый моментъ смерти лица, въ universitas juris.

Только къ этому „статку" могутъ обратиться кредиторы умершаго съ своими требованіями, только изъ него они могутъ надѣяться получить удовлетвореніе. Такимъ образомъ обязательства въ оставшемся имуществѣ падаютъ на права и каждому, если можно такъ выразиться, атому имущественнаго актива соотвѣтствуетъ извѣстная доля пассива. Возможны, конечно, случаи, когда пассивъ будетъ превышать стоимость актива, когда кредиторамъ нельзя будетъ получить удовлетвореніе сполна. Разумѣется, въ такомъ случаѣ имъ придется довольствоваться удовлетвореніемъ изъ оставшагося активнаго имущества посоразмѣрности своихъ претензій: всѣ требованія ихъ лежатъ на имуществѣ и только силами этого имущества ограничиваются средства удовлетворенія.

Отчего-же, спрашивается, по принятіи наслѣдства долги, лежавшіе доселѣ на имуществѣ, переносятся на наслѣдника? Вѣдь „статокъ" есть universitas juris и, переходя къ наслѣднику, какъ наслѣдство, онъ долженъ оставаться таковымъже; ни составъ его, ни объемъ лежащей на немъ отвѣтственности не должны измѣниться отъ этого перехода? Выраженіе: „наслѣдственный переходъ есть переходъ универсальный" мы можемъ понимать только такъ, что наслѣдникъ беретъ себѣ весь статокъ, всю совокупность отношеній умершаго разомъ, какъ одно цѣлое, со всѣми входящими въ составъ этой совокупности долгами, которые продолжаютъ лежать все-таки на имуществѣ и только на немъ. Правда, вслѣдствіе принятія наслѣдникомъ этого „статка" права кредиторовъ на удовлетвореніе ихъ претензій силами послѣдняго не могутъ быть нарушены; но это еще не основаніе для того, чтобы дѣлать отвѣтственность наслѣдника по долгамъ оставителя безграничной, это только обязываетъ его обратить на удовлетвореніе кредиторовъ все наслѣдство, весь „статокъ" въ цѣлости или выдать его стоимость.

Могутъ возразить и возражаютъ, что кредиторы вѣрили не имуществу, а лицу умершаго, что поэтому было-бы несправедливо принудить ихъ ограничиться удовлетвореніемъ

Digitized by Google

ихъ требованій только изъ средствъ оставшагося имущества, далѣе, что такое ограниченіе подрывало бы кредитъ.

Кредиторы вѣрили дѣйствительно лицу; но во первыхъ, никто не станетъ отрицать, что это довѣріе къ лицу основывалось главнымъ образомъ на вѣрѣ въ его видимую имущественную состоятельность; а во вторыхъ, теперь это лицо уже выбыло и ни кредиторы, ни самъ умершій, ни законъ не въ силахъ замѣнить это лицо другимъ. Кредиторы не могли не имѣть въ виду возможности подобнаго положенія дѣлъ; вѣря лицу, они нисколько не разсчитывали и не въ правѣ были разсчитывать на его наслѣдниковъ. Вся ихъ надежда на полученіе вознагражденія, даже и въ случаѣ смерти должника, должна была основываться на томъ, что имущественныя отношенія послѣдняго сохранятся въ его статкѣ: этимъ статкомъ, слѣдовательно, они и должны довольствоваться какъ до принятія его наслѣдникомъ, такъ и послѣ принятія.

Намъ могутъ возразить, что наслѣдникъ, принявшій наслѣдство, тѣмъ самымъ добровольно беретъ на себя долги. Согласны. Но несправедливо предлагать ему на выборъ: или взять всю отвѣтственность съ имущества умершаго на себя, или совсѣмъ отказаться отъ наслѣдства. Наслѣдство открывается для него, къ его выгодѣ, слѣдовательно должны быть приняты мѣры къ тому, чтобы возможность полученія этой выгоды была ему обезпечена, не нарушая, конечно, тѣмъ правъ третьихъ лицъ.

Уже выше мы сказали, что считаемъ неправильнымъ положеніе, что права и обязанности умершаго сохраняются *посредствомъ перенесенія ихъ на другихъ лицъ, наслѣдниковъ*. Намъ кажется, напротивъ, что права и обязанности сохраняются и безъ перенесенія, что для этого сохраненія служитъ какъ средство фикція, дающая оставшемуся имуществу самостоятельное существованіе въ качествѣ universitas juris; наслѣдственный же переходъ зависитъ отъ воли наслѣдника и, слѣдовательно, наслѣдство *не переносится, а принимается, берется* имъ. Принимаетъ онъ его обремененнымъ долгами, и никто не можетъ его заставить взять на себя обязанность уплатить эти долги свыше стоимости полученнаго актива. Кредиторы, какъ мы уже видѣли, не имѣютъ права требовать такой уплаты, они должны довольствоваться тѣмъ-же, что они получили-бы, если бы наслѣдство

Digitized by Google

не было принято наслѣдникомъ. Для того-же, что-бы гарантировать имъ полученіе удовлетворенія, соразмѣрнаго съ оставшимся имуществомъ, законъ обязываетъ наслѣдника составить извѣстнымъ порядкомъ опись и оцѣнку всему получаемому имъ наслѣдственному имуществу. Мало того, законъ позволяетъ вѣрителямъ просить т. н. beneficium separationis, въ силу которой имущество оставителя не отдается наслѣднику, а обращается на удовлетвореніе кредиторовъ перваго, и наслѣдникъ получаетъ изъ наслѣдства только то, что останется за удовлетвореніемъ послѣднихъ. Кромѣ этихъ гарантій, законъ даетъ кредиторамъ и другія: такъ, онъ назначаетъ срокъ наслѣднику для принятія наслѣдства и составленія инвентаря и т. п. Отсюда видно, что законные интересы кредиторовъ вовсе не страдаютъ отъ того, что наслѣдникъ приметъ наслѣдство по описи.

Заставить наслѣдника или платить всѣ долги оставителя наслѣдства, или отказаться отъ полученія послѣдняго — это значитъ безъ всякой нужды увеличивать число случаевъ отреченія отъ наслѣдства. Дѣйствуя такъ, законодательство поступаетъ вопреки соображеніямъ общественной пользы, въ видахъ которой охраненіе за имуществомъ его частной наслѣдственной принадлежности весьма желательно, такъ какъ несомнѣнно, что при помощи наслѣдственнаго перехода всего легче и справедливѣе удовлетворяется потребность въ сохраненіи имущественныхъ отношеній умершаго.

Отказывать наслѣднику въ правѣ принятія наслѣдства по описи, подвергать его риску—значитъ вносить въ экономическій оборотъ неопредѣленность и неизвѣстность, всегда вредно отзывающіяся на немъ. Что экономическій оборотъ и кредитъ не страдаютъ, а напротивъ выигрываютъ отъ позволенія наслѣднику принять наслѣдство по описи, на это не разъ уже указывалось нѣкоторыми писателями, затрогивавшими этотъ вопросъ; а примѣръ саксонскаго законодательства, издавна признающаго за наслѣдникомъ такое право, служитъ нагляднымъ и самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ справедливости подобнаго положенія. Суровое правило объ отвѣтственности наслѣдника ultra vires hereditatis влечетъ за собой уменьшеніе числа наслѣдственныхъ переходовъ и тѣмъ самымъ почти отнимаетъ:—у наслѣдодателя неоспоримо принадлежащее ему право усвоенія себѣ имущества въ наслѣдственную принадлежность, у этого имущества

Digitized by Google

существенное его свойство—наслѣдственность, а у наслѣдниковъ—возможность осуществленія ихъ права воспользоваться означеннымъ свойствомъ.

Итакъ, повидимому, нѣтъ никакихъ основаній къ тому, чтобы принуждать наслѣдника къ отвѣтственности за долги оставителя. Подобная отвѣтственность имѣетъ свое оправданіе только тогда, когда наслѣдникъ *добровольно* принимаетъ наслѣдство безъ надлежащихъ предосторожностей, т. е. безъ составленія ему описи и оцѣнки, или же будетъ уличенъ въ недобросовѣстномъ составленіи инвентаря. Въ первомъ изъ этихъ случаевъ, отвѣтственность наслѣдника будетъ безусловной по тому, что, не имѣя описи, онъ не въ состояніи ничѣмъ доказать, какъ далеко простиралась стоимость полученнаго имъ наслѣдственнаго актива, а во второмъ безусловная отвѣтственность по всѣмъ долгамъ наслѣдодателя наступаетъ какъ-бы *въ наказаніе*.

Такимъ образомъ, составленіе описи наслѣдственному имуществу и отвѣтственность за долги оставителя средствами наслѣдства, точно опредѣляемыми этой описью, составляетъ неотъемлемое право наслѣдника, а вовсе не должно обсуждаться, какъ благодѣяніе, даваемое ему закономъ при извѣстныхъ условіяхъ. Хотя ни одно современное законодательство (кромѣ саксонскаго) не признаетъ за нимъ этого права и считаетъ его въ принципѣ обязаннымъ отвѣчать за всѣ долги умершаго, но въ то же время во всѣхъ кодексахъ, кромѣ нашего отечественнаго, существуетъ дозволеніе принимать наслѣдство по инвентарю, и это дозволеніе, подъ видомъ исключенія, на самомъ дѣлѣ отмѣняетъ самый принципъ.

Какъ-же сложилось, какъ вошло въ законодательства и почему поддерживается юристами суровое и несправедливое правило о безграничной отвѣтственности наслѣдника по долгамъ наслѣдодателя?—Отвѣтъ на это можетъ дать намъ только исторія института наслѣдованія.

Digitized by Google

I.

Наслѣдственное право древнихъ народовъ и постановленія этого права объ отвѣтственности наслѣдниковъ за долги наслѣдодателя.

Понятіе о наслѣдствѣ и о томъ или другомъ порядкѣ наслѣдованія есть, несомнѣнно, понятіе не прирожденное человѣку, а историческое. Наслѣдство могло явиться только тогда, когда явилась уже собственность. По мѣрѣ того, какъ развивалась собственность, а также слѣдуя за развитіемъ понятій о родѣ, семьѣ и, наконецъ, объ отдѣльной личности, какъ о субъектѣ правъ и обязанностей, — развивался и институтъ наслѣдованія. Притомъ нужно замѣтить, что развитіе этого института всегда шло весьма медленно. Можно съ увѣренностью сказать, что ни въ одномъ изъ институтовъ права не проявляется съ такой силой консерватизмъ его, нигдѣ мы не встрѣчаемся такъ часто съ примѣрами того, что правовыя нормы, сложившіяся подъ вліяніемъ давно пережитыхъ и отошедшихъ въ область прошедшаго правовыхъ воззрѣній и потребностей, продолжаютъ свое существованіе при условіяхъ, совершенно измѣнившихся, и являются такимъ образомъ любопытнымъ и крайне поучительнымъ примѣромъ переживаній въ культурѣ. Какъ ни шатки наши свѣдѣнія по древнѣйшей исторіи человѣчества, но въ настоящее время, благодаря цѣлому ряду трудовъ такихъ изслѣдователей, какъ Тэйлоръ, Леббокъ, Морганъ, Маклъ-Леннанъ, Жиро-Тэйлонъ и другіе, мы знаемъ, что уже въ такъ называемомъ донаціональномъ періодѣ исторіи человѣчества появляется понятіе о собственности и о наслѣдствѣ. Но собственность эта есть собственность цѣлаго племени; индивидуальной собственности почти не существуетъ. Первобытныя племена живутъ на началахъ коммунистическихъ, что выражается въ общности женъ и въ общеніи всего имущества. При такихъ условіяхъ и наслѣдство существуетъ въ томъ только смыслѣ, что всѣ члены рода становятся собственниками тѣхъ вещей, которыя принадлежали лично умершему при его жизни и удовлетворяли его потребностямъ. Слѣды такого порядка вещей, по словамъ изслѣдователей, сохранились и теперь у нѣкоторыхъ народовъ, не вышедшихъ еще изъ состоянія дикости. Весьма важнымъ фактомъ въ

Digitized by Google

первобытной исторіи человѣчества, фактомъ, оказавшимъ громадное вліяніе на весь послѣдующій бытъ историческихъ народовъ, а также на исторію институтовъ собственности и наслѣдства, является то обстоятельство, что первымъ связующимъ началомъ, благодаря которому люди стали жить общинами, было единокровіе или родство. Всѣ болѣе извѣстныя намъ племена сохраняютъ въ своихъ преданіяхъ убѣжденіе въ своемъ происхожденіи отъ одного общаго родоначальника. С. Менъ, обращая вниманіе на это обстоятельство, замѣчаетъ, что „понятіе о родствѣ, какъ о связующемъ элементѣ общества, обнаруживаетъ стремленіе слиться съ понятіемъ о подчиненіи одной общей власти". „Понятія о власти и единокровіи смѣшиваются, но ни въ какомъ случаѣ не уничтожаютъ одно другое. Хорошій примѣръ такого смѣшенія идей представляетъ для насъ подчиненіе наименьшей группы семьи патріархальной власти ея главы. Гдѣ только есть такая группа, тамъ весьма затруднительно сказать, разсматриваются-ли составляющія ее лица главнымъ образомъ, какъ родственники, или какъ болѣе или менѣе зависящія отъ того лица, которое представляетъ собою источникъ ихъ родства. Такое смѣшеніе понятія о родствѣ съ понятіемъ о подчиненіи патріархальной власти замѣчается и въ тѣхъ большихъ группахъ, въ которыя расширяется семья. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы съ трудомъ можемъ сдѣлать иное опредѣленіе племени, кромѣ того, что это есть группа людей, подчиненныхъ власти одного начальника. Это характеристическое смѣшеніе идей, безъ сомнѣнія, связано съ хорошо знакомымъ большинству изъ насъ фактомъ, а именно, съ искуственнымъ расширеніемъ области древнихъ родственныхъ группъ посредствомъ фикціи усыновленія" (1).

Итакъ, родство и связанное съ нимъ понятіе о подчиненіи власти одного патріархальнаго главы—вотъ древнѣйшій общественный базисъ. Но позднѣе, когда племена становятся осѣдлыми и занимаютъ опредѣленное пространство земли, родство, какъ связующій элементъ общества, отступаетъ постепенно на второй планъ, и мѣсто его занимаетъ

(1) Менъ, «Древнѣйшая исторія учрежденій» пер. Нахимова. 1876 г. С.-Петербургъ стр. 54—58.

Digitized by Google

земля.—„Семья, основою которой служитъ родство, остается, безъ сомнѣнія, немаловажнымъ фактомъ, но для всѣхъ человѣческихъ группъ, болѣе обширныхъ, чѣмъ семья, земля получаетъ значеніе связующаго начала въ ущербъ понятію о родствѣ, которое становится все болѣе и,болѣе смутнымъ“ (¹).

Приведя затѣмъ факты въ подтвержденіе сейчасъ высказаннаго положенія и указавъ примѣры земледѣльческихъ группъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ развитія, начиная съ той, которая состоитъ изъ дѣйствительныхъ родственниковъ, и кончая той, при которой связующимъ началомъ для членовъ группы служитъ уже исключительно земля (²), Мэнъ продолжаетъ: „Тѣ обильныя свѣдѣнія о первичныхъ формахъ собственности, которыя мы имѣемъ теперь, ясно показываютъ, что первобытныя земледѣльческія группы состояли изъ родственниковъ; что затѣмъ онѣ постепенно обратились въ такія общины, для которыхъ связью служила воздѣлываемая ими земля, и что поземельная собственность (въ современномъ смыслѣ слова) получила свое развитіе вслѣдъ за распаденіемъ этихъ позднѣйшихъ группъ“. Конечно, ни одинъ изъ такихъ переходовъ не отдѣляется отъ другого рѣзко обозначенными границами. „Въ этомъ случаѣ можно только сказать“, замѣчаетъ Мэнъ, „что извѣстные періоды отличаются преобладаніемъ, хотя и не исключительнымъ господствомъ, свойственныхъ имъ идей. Здѣсь какъ и вездѣ, мы встрѣчаемъ множество *переживаній*, и общество, для котораго связью начинаетъ уже служить земля, все еще сохраняетъ характеръ такого, которое поддерживается родственными связями“.

Нельзя не согласиться съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ Мэна; необходимо только прибавить, что переходъ отъ быта племени, связаннаго только сознаніемъ единства своего происхожденія и властью своего главы — родоначальника, племени, владѣющаго коллективно принадлежащимъ ему имуществомъ и почти незнающаго частной собственности, къ тому состоянію, когда признаніе самостоятельнаго права соб-

---

(¹) Тамъ-же, стр. 60

(²) Тамъ-же, стр. 64. Послѣдовательнымъ ступенямъ такого развитія, по мнѣнію Мэна, соотвѣтствуютъ: соединенная семья Индусовъ, семейныя общины южныхъ славянъ и, наконецъ, настоящая сельская община, въ такомъ видѣ, какъ она была наблюдаема въ Россіи, потомъ въ Индіи.

Digitized by Google

ственности за каждымъ индивидуумомъ становится однимъ изъ основныхъ институтовъ общежитія, совершался и совершается далеко не одинаково у всѣхъ народовъ. При настоящемъ состояніи нашихъ знаній о прошедшей жизни человѣчества, мы не имѣемъ возможности точно опредѣлить тѣ причины, которыми этотъ переходъ вызывался, выяснить подробно тѣ условія, которыя у извѣстнаго народа способствовали быстрому развитію частной собственности, а у другаго, наоборотъ, задерживали его, и указать пути, которыми это развитіе шло у каждаго народа въ отдѣльности. Мы знаемъ только, что у большинства историческихъ народовъ частная собственность появляется очень рано. Обыкновенно моментъ ея появленія можно опредѣлить только гадательно, да и то не всегда. Знаемъ мы также, что по однимъ вещамъ она является ранѣе, по другимъ—позднѣе. По движимымъ вещамъ право собственности очень рано признается за отдѣльнымъ лицомъ. Съ этого рода собственностью мы встрѣчаемся даже у племенъ кочевыхъ. и начало ея восходитъ, по всей вѣроятности, ко времени перваго появленія общежитія на землѣ. Рядомъ съ вещами, принадлежащими всему племени, на которыя каждый имѣетъ одинаковое право, у самыхъ неразвитыхъ дикарей уже есть необходимо вещи, служащія исключительно потребностямъ одного человѣка и потому находящіяся въ его исключительномъ обладаніи.—Можно сказать такимъ образомъ, что этого рода собственность существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ родъ человѣческій. Съ того-же времени, какъ только извѣстное племя становится осѣдлымъ и образуетъ гражданскую общину, состоящую изъ соединенія нѣсколькихъ отдѣльныхъ группъ, члены которыхъ связаны обыкновенно сознаніемъ единства своего происхожденія, очень скоро, рядомъ съ присущимъ этимъ группамъ стремленіемъ удержать свое существованіе, крѣпко привязать къ себѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ и удержать форму совмѣстнаго сожительства и совмѣстнаго пользованія принадлежащимъ этой группѣ участкомъ земли, замѣчается стремленіе отдѣльной личности къ освобожденію себя отъ того состоянія зависимости, въ которомъ ее держитъ принадлежность къ такой группѣ. Является стремленіе сдѣлать возможнымъ для отдѣльныхъ лицъ какъ переходъ изъ одной такой группы въ другую, такъ и полное выдѣленіе изъ той группы, къ которой онъ принадле-

Digitized by Google

жалъ, безъ вступленія въ какую-либо другую. Такому выдѣленію отдѣльнаго лица и болѣе независимому отношенію его въ той группѣ родственниковъ естественныхъ или искусственныхъ, къ которой оно принадлежитъ, много способствуетъ усиленіе государственной власти. Когда государство окрѣпло и развилось на столько, что становится внѣ *зависимости* отъ тѣхъ отдѣльныхъ племенныхъ группъ, изъ которыхъ оно составилось; когда отдѣльныя gentes, составляющія его, все болѣе теряютъ значеніе и въ ущербъ имъ развивается понятіе о народѣ и о государствѣ, какъ о единомъ цѣломъ, управляемомъ одною властью, распространяющеюся на всю территорію государства: тогда только для отдѣльной личности является возможность самостоятельнаго существованія въ обществѣ; только тогда отдѣльное лицо можетъ выйдти изъ той родственной группы, въ составъ которой оно входило, не теряя связи съ великимъ цѣлымъ, т. е. съ государствомъ и пользуясь безопасностью подъ его охраной. Древняя идея, о которой было уже упомянуто выше, а именно, что всѣ лица, состоящія подъ властью одного главы, суть родственники между собою, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, при примѣненіи ея къ отношеніямъ между государственной властью и подданными, преобразуется въ идею о томъ, что всѣ лица, состоящія подъ одной государственной властью, суть члены государства, принадлежатъ они или нѣтъ къ одной изъ тѣхъ группъ, изъ которыхъ это государство первоначально составилось. Только съ постепеннымъ развитіемъ этой идеи отдѣльная личность все болѣе получаетъ правъ, и частная поземельная собственность пріобрѣтаетъ все большее значеніе. Такое явленіе у нѣкоторыхъ націй замѣчается, какъ выше было сказано, весьма рано. Всѣ древнѣйшіе кодексы, сколько намъ извѣстно, уже знакомы съ частной собственностью отдѣльнаго лица на землю. Но признаніе со стороны закона за индивидуумомъ права собственности не мѣшаетъ въ тоже время существованію собственности коллективной. Напротивъ, какъ мы увидимъ ниже, коллективная собственность часто на долго еще остается господствующей въ нѣкоторыхъ обществахъ въ видѣ собственности *семейной или общинной*, причемъ, однако, самый строй семьи и общины подъ вліяніемъ новыхъ идей подвергается иногда существеннымъ измѣненіямъ.

Digitized by Google

Такъ какъ всѣ измѣненія въ институтѣ наслѣдованія совершаются вслѣдъ за измѣненіемъ семейнаго и общественнаго быта народа и за постепеннымъ развитіемъ индивидуальной собственности, то исторія этого института можетъ быть изложена только въ связи съ исторіей всѣхъ указанныхъ сторонъ народной жизни. Кромѣ того, нужно принять во вниманіе тотъ общеизвѣстный фактъ, что древнѣйшія правовыя воззрѣнія народовъ стоятъ обыкновенно въ тѣсной связи съ ихъ религіозными вѣрованіями, такъ что часто трудно рѣшить, обусловливается-ли появленіе извѣстныхъ правовыхъ нормъ въ законодательствѣ даннаго народа его религіозными вѣрованіями или, наоборотъ, сами эти вѣрованія явились только какъ высшая санкція тѣхъ юридическихъ воззрѣній, которыя существовали сами по себѣ гораздо ранѣе и только впослѣдствіи были освящены религіей. Послѣднее предположеніе м. б. вѣроятнѣе; но какъ-бы то ни было, всетаки при изученіи древнѣйшей исторіи институтовъ права какого либо народа необходимо имѣть въ виду и то вліяніе, какое имѣла на нихъ его религія. Вліяніе послѣдней особенно сильно сказывается въ правѣ семейномъ и наслѣдственномъ. На этомъ основаніи, намъ въ нашемъ изслѣдованіи придется иногда касаться религіозныхъ вѣрованій древнихъ народовъ, насколько, конечно, это окажется необходимымъ для болѣе яснаго пониманія предмета.

Обращаясь за рѣшеніемъ интересующаго насъ вопроса объ основаніяхъ отвѣтственности наслѣдниковъ по обязательствамъ наслѣдодателя къ исторіи института наслѣдства, мы считаемъ необходимымъ начать наше историческое обозрѣніе съ древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ законодательствъ Востока индусскаго и китайскаго.

Къ этому вынуждаетъ насъ не только глубокая древность цивилизаціи этихъ народовъ, но также и то обстоятельство, что они въ теченіе многихъ вѣковъ своей исторіи упорно сохраняли тотъ семейный строй и тѣ воззрѣнія на собственность и на наслѣдство, которые давно уже пережиты древнѣйшими историческими народами Европы.

Digitized by Google

ИНДІЯ.

Индія представляетъ собою страну, гдѣ доселѣ еще почти въ неизмѣнномъ видѣ сохранились тотъ семейный бытъ и тѣ формы собственности и владѣнія землею, а также и тѣ религіозныя вѣрованія, которыя существовали въ то время, когда божественный Ману далъ народу свою книгу законовъ, появившуюся по мнѣнію William Jones'a, за 1800 лѣтъ, а по другому, болѣе распространенному мнѣнію, высказанному M. Chezy, за 1300 до Р. Х. (¹). Не смотря на такую почтенную древность, этотъ кодексъ уже знакомъ съ частной собственностью не только семейной, но и личной и очень подробно трактуетъ о раздѣлахъ общаго имущества.

Однако ни законъ, ни обычай въ Индіи долго не покровительствовали этимъ раздѣламъ. До сихъ поръ въ Индіи обыкновенно нѣсколько семействъ, связанныхъ узами родства естественнаго или искуственнаго составляютъ одну соединенную семью, живутъ на общей землѣ, которую сообща воздѣлываютъ и доходы съ которой распредѣляются между членами. Впрочемъ, земли у такой семьи можетъ и не быть, члены ея могутъ заниматься вмѣсто земледѣлія торговлею и ремеслами и имѣть общее хозяйство, вѣрованія и имущество.

Такой родъ сообщества всего чаще возникаетъ между братьями, которые не дѣлятся послѣ смерти ихъ отца, и продолжается между ихъ нисходящими потомками по мужской линіи изъ поколѣнія въ поколѣніе, такъ что члены такой соединенной семьи стоятъ по отношенію другъ къ другу въ самыхъ различныхъ, часто очень отдаленныхъ степеняхъ агнатическаго родства. Всѣ члены такой соединенной семьи считаются собственниками общаго имущества, исключая лицъ женскаго пола. Община содержитъ матерей, вдовъ,

---

(¹) См. Journal des savants 1831 г.

Iohaentgen въ философско-историческомъ изслѣдованіи объ этомъ кодексѣ, относитъ время его составленія къ 350 г. до Р. Х. Даже принимая это мнѣніе, все таки придется признать книгу законовъ Manou, однимъ изъ древнѣйшихъ кодексовъ.

См. Johaentgen. Ueber das Gesetzbuch des Manu. Eine philosophisch-litteratur-historische Studie Berlin 1863 г.

Digitized by Google

престарѣлыхъ и обязана воспитывать и давать приданое сестрамъ и дочерямъ ея членовъ.

Такая семья всегда имѣетъ своего главу. Между братьями обыкновенно занимаетъ это мѣсто старшій. Этотъ глава является представителемъ всей семьи, управляетъ ея имуществомъ и ведетъ всѣ ея дѣла. Онъ заключаетъ всѣ сдѣлки и вступаетъ въ обязательства; онъ получаетъ общіе доходы и дѣлаетъ общія издержки; онъ платитъ повинности и выполняетъ въ качествѣ религіознаго главы обряды въ честь предковъ. Но, хотя онъ и самостоятеленъ въ веденіи общаго хозяйства, тѣмъ не менѣе за остальными членами всегда остается право контроля и наблюденія за его дѣйствіями. Для отчужденія общаго имущества онъ необходимо долженъ заручиться явнымъ или молчаливымъ согласіемъ членовъ общины. Если такого согласія дано не было, то отчужденіе можетъ быть дѣйствительнымъ только по отношенію къ той части имущества, которая при раздѣлѣ пришлась бы на его долю. Въ принципѣ ни одинъ членъ этой семьи, пока она остается нераздѣльною, не можетъ утверждать, что онъ или кто либо другой изъ сочленовъ имѣетъ опредѣленную долю въ соединенной нераздѣльной собственности. Смерть одного изъ членовъ этой семьи—общины не разрушаетъ этой послѣдней. Имѣлъ-ли умершій дѣтей или нѣтъ, все равно послѣ его смерти его доля участія въ общемъ имуществѣ не будетъ предметомъ наслѣдственнаго перехода. Если онъ оставляетъ сыновей, то они представляютъ его и занимаютъ его мѣсто въ этомъ сообществѣ, которое продолжается между ними и сособственниками ихъ отца. Его дочери и другія родственницы остаются подъ покровительствомъ и защитой всей соединенной семьи. Хотя такое совмѣстное сожительство семей, соединенныхъ вмѣстѣ единствомъ происхожденія отъ одного предка, и одобряется закономъ и обычаемъ, тѣмъ не менѣе никто не обязанъ оставаться въ этомъ сообществѣ противъ собственнаго желанія. Каждый изъ членовъ такой семьи имѣетъ право требовать раздѣла. Только вдовы и дочери, за которыми признается лишь право на алименты, не могутъ требовать выдѣла.

Если одинъ только изъ членовъ такого сообщества выдѣлился, то ничто не мѣшаетъ дальнѣйшему существованію послѣдняго между остальными членами.

Digitized by Google

Раздѣлъ совершается или письменнымъ актомъ, или безъ этого, въ присутствіи родственниковъ и свидѣтелей. Все, чѣмъ владѣетъ такая семья, является предметомъ раздѣла. Но вещи, пріобрѣтенныя однимъ изъ членовъ сообщества лично, при помощи своего труда, таланта, знанія и не на средства общины, остаются его личной собственностью и не входятъ въ составъ имущества, подлежащаго раздѣлу. Платья и украшенія, служившія для личнаго употребленія члена семьи, также не входятъ въ составъ массы, подлежащей раздѣлу и остаются за тѣмъ лицомъ, потребностямъ котораго они служили. Не подлежатъ также, по закону, раздѣлу земли и доходы, предназначенные на благотворительныя или религіозныя цѣли.

Законы не покровительствуютъ раздѣламъ и постановляютъ, что и раздѣлившіеся члены соединенной семьи могутъ всегда соединиться вновь (¹).

Прежде, вѣроятно, такіе раздѣлы были весьма рѣдки; но современное праго Индіи, по словамъ Мэна, „сдѣлало распаденіе соединенной семьи на столько свободнымъ, что она представляетъ собою самый непостоянный изъ всѣхъ общественныхъ союзовъ и рѣдко переживаетъ болѣе двухъ поколѣній" (²).—Эта группа семействъ и отдѣльныхъ лицъ, живущихъ нераздѣльно, образуется изъ одной семьи путемъ естественнаго роста. Такимъ образомъ семья въ настоящемъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ союза родителей и дѣтей, является и здѣсь коренной формой общественнаго союза. Намъ для нашихъ цѣлей необходимо нѣсколько ближе познакомиться съ строемъ индусской семьи, съ тѣми правовыми нормами, которыя опредѣляютъ отношенія между ея членами; но предварительно мы должны сказать о тѣхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, которыя

(¹) *Boucheron Desportes*.—Aperçu historique et analitique du droit hindou. См. Revue historique de droit Français et étranger, 1855 г. стр. 305—335.

Crémazy L. La loi des successions dans le droit hindou moderne. См. Nouvelle revue historique de droit français et étranger, 1879 г. № 4. Juillet-Août стр. 331 и слѣд.

Crémazy. Le droit Hindou et le droit Français comparés. См. Revue de Législation ancienne et moderne française et étrangère. 1876 г. p. 321 и слѣд.

(²) Мэнъ. Древнѣйшая исторія учрежденій стр. 64.

Digitized by Google

скрѣпили этотъ строй и сдѣлали его столь крѣпкимъ, что онъ остается почти неизмѣннымъ въ теченіе вѣковъ.

У многихъ народовъ, какъ извѣстно, существовалъ культъ предковъ и домашняго очага (¹); но у Индусовъ этотъ культъ получилъ особенное развитіе и легъ въ основаніе ихъ семейнаго строя. Тѣни умершихъ предковъ требуютъ почитанія и жертвъ, необходимыхъ какъ для ихъ блаженства за гробомъ, такъ и для счастія живущихъ, которымъ они покровительствуютъ, если эти живущіе усердно исполняютъ по отношенію къ нимъ свои обязанности. Индусъ и теперь приноситъ умершимъ молитву, ставитъ для нихъ передъ дверями глиняный сосудъ съ водой для омовенія, молоко для питья и каждое новолуніе и полнолуніе совершаетъ въ честь предковъ торжественное приношеніе рисовыхъ пироговъ съ кипяченымъ масломъ и другіе обряды, предписываемые религіей. Законодательныя книги Индусовъ полны описаніемъ этихъ обрядовъ и церемоній, которые глава семьи обязанъ исполнять въ честь предковъ (²). Необходимо, чтобы это почитаніе продолжалось изъ поколѣнія въ поколѣніе. Маны предковъ желаютъ: „Пусть всегда родится въ нашемъ поколѣніи человѣкъ, который-бы приносилъ намъ рисъ, вареный въ молокѣ, медъ и очищенное масло“ и т. д. (³). Только нисходящій потомокъ мужскаго пола можетъ приносить эти жертвы тѣнямъ предковъ. Поэтому имѣть сына религіозная обязанность для Индуса, пренебречь которой преступленіе (⁴). Отецъ рожденіемъ сына платитъ долгъ предкамъ и освобождаетъ себя и ихъ отъ страданій въ жизни загробной. „Черезъ сына, говорятъ за-

(¹) См. *Фюстель-Куланжъ*. La cité antique. — *Тейлоръ*. Первобытная культура—т. II. Спб. 1873 г.

(²) C. Manou III. 82 и слѣд.; Jâjnavalkya I. 100 и слѣд.; Açvalâyana VII (Indiche Hausregeln Sanskrit und Deutsch herausgegeben von Adolf Friedrich Stenzler. Leipzig 1864 г.)

(³) Manou. III. 274.

(⁴) Законы Ману относятъ къ важнымъ преступленіемъ слѣдующіе поступки: пренебречь сыномъ; прекратить священный огонь; пренебречь выполненіемъ трехъ священныхъ обязанностей человѣка, т. е. не читать священныя книги, не произвести на свѣтъ сына и не выполнять обрядовъ, предписанныхъ религіей. Manou IV. 257 и X. 59, 60.

Digitized by Google

коны Ману, человѣкъ достигаетъ небесныхъ міровъ, черезъ внука получаетъ безсмертіе, черезъ правнука поднимается къ жилищу солнца" (1).

Сынъ избавляетъ отца и его предковъ въ жизни загробной отъ ада, называемаго Pout, а потому самимъ Брамою онъ названъ Pouttra, что значитъ—избавляющій отъ ада (2). Отсюда необходимость брака, цѣлью котораго является не consortium omnis vitae, а именно рожденіе дѣтей (3) и поддержаніе священнаго огня но домашнемъ очагѣ (4).

Этими же вѣрованіями опредѣляется и Индусскій взглядъ на положеніе женщины въ семьѣ. Женщина не можетъ быть продолжательницей семейнаго культа. Все ея назначеніе въ жизни состоитъ въ томъ, чтобы выйдти замужъ и родить сыновей. „Родить дѣтей — первая обязанность женщины. Женщина создана на то, чтобы родить дѣтей" (5). Съ безплодной женой можно развестись по истеченіи 8 лѣтъ, съ той, у которой дѣти умираютъ, — по истеченіи 10 лѣтъ; а съ той, у которой родятся только дочери — по истеченіи 11 лѣтъ (6). Выходя замужъ, женщина теряетъ свою связь съ

---

(1) Manou. IX. 106.

(2) IX. 137 и 138.

(3) *Осиповъ*. Брачное право древняго Востока. Для дѣйствительнаго брака нужно, чтобы онъ былъ совершенъ въ законной формѣ. Индусское законодательство знаетъ восемь такихъ формъ, изъ которыхъ каждая различна по своимъ послѣдствіямъ (см. Manou III. 20—45). Мы не можемъ здѣсь входить въ подробности относительно брачнаго права Индусовъ, отсылая читателей къ только-что цитированному сочиненію профессора Осипова, замѣтимъ только, что дѣленіе населенія на касты повело къ ограниченію браковъ между лицами разныхъ кастъ и къ различію въ правахъ дѣтей, рожденныхъ отъ такихъ смѣшанныхъ браковъ. Ср. Crémazy. Le droit hindou et le droit français comparés. Revue de législation 1876. p. 47—75.

(4) Глава семьи долженъ поддерживать священный огонь на очагѣ, а холостой и вдовецъ не имѣетъ права зажигать его. Manou. IV. 25 и III. 212.

(5) Manou. IX. 27 и 96.

(6) Manou. IX. 81. Этимъ-же мотивомъ, т. е. необходимостью имѣть сыновей, объясняется существованіе въ Индіи многоженства. Мужъ не всегда можетъ взять въ домъ вторую жену, и второй бракъ, при суще-

Digitized by Google

семьей, въ которой родилась, и переходитъ въ семью мужа; она, слѣдовательно, не продолжаетъ рода своихъ предковъ, а потому и родство по женскому поколѣнію не имѣетъ такого значенія, какъ родство по мужскому (агнатическое). Неспособная совершать священные обряды семейнаго культа, не продолжающая рода, женщина не пользуется особою благосклонностью индусскаго законодателя. Онъ недовѣрчиво относится къ ея умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, считаетъ ее неспособною къ самостоятельности, предписываетъ строгій надзоръ за ней и требуетъ, чтобы она никогда не выходила изъ-подъ опеки (¹). Правда, онъ совѣтуетъ обращаться съ ней ласково и почтительно (²); но тѣмъ не менѣе весьма тѣсно ограничиваетъ ея права. Если женщина и пользуется вниманіемъ съ его стороны, если за ней иногда признается право на имущество и на наслѣдованіе послѣ мужчины, то она пользуется всѣмъ этимъ такъ сказать, въ качествѣ посредствующаго орудія для рожденія потомковъ, или, говоря другими словами, какъ мать сыновей (³).

ствованіи перваго, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть признанъ законнымъ или незаконнымъ. Мнѣнія относительно того, сколько женъ позволительно имѣть одному Индусу, различны въ разныхъ областяхъ страны. Первая жена всегда остается главной и называется старшей женой и предшествуетъ другимъ въ правѣ наслѣдованія. См. *Boscheron Desportes*. Aperçu historique et analytique du droit hindou. Revue historique de droit français et étranger. t. I p. 318—319. *Crémazy*. См выше стр. 31 примѣч. 3.

(¹) Manou IX. 23 и слѣд. II. 213 и слѣд. V. 147, 148.

(²) Manou III. 56. «Не бей женщину даже цвѣткомъ, хотя бы она была виновна въ ста проступкахъ», говоритъ старинная индусская поговорка.

(³) Впрочемъ, это справедливо только по отношенію къ древнѣйшему быту Индусовъ. Впослѣдствіи права женщины постепенно расширялись Уже въ законахъ Manou за женщиною признается право имѣть собственное имущество и право наслѣдованія. Съ весьма любопытнымъ примѣромъ такого расширенія правъ женщины мы встрѣчаемся въ 1 отдѣлѣ 2-ой главы Митакшары (Droit Hindou. Le Mitakchara et le Dattaca-Chandrica; traduits par. G. Orianne. Paris. 1845). Здѣсь авторъ этого извѣстнаго и пользующагося въ Индіи большимъ авторитетомъ комментарія на

Digitized by Google

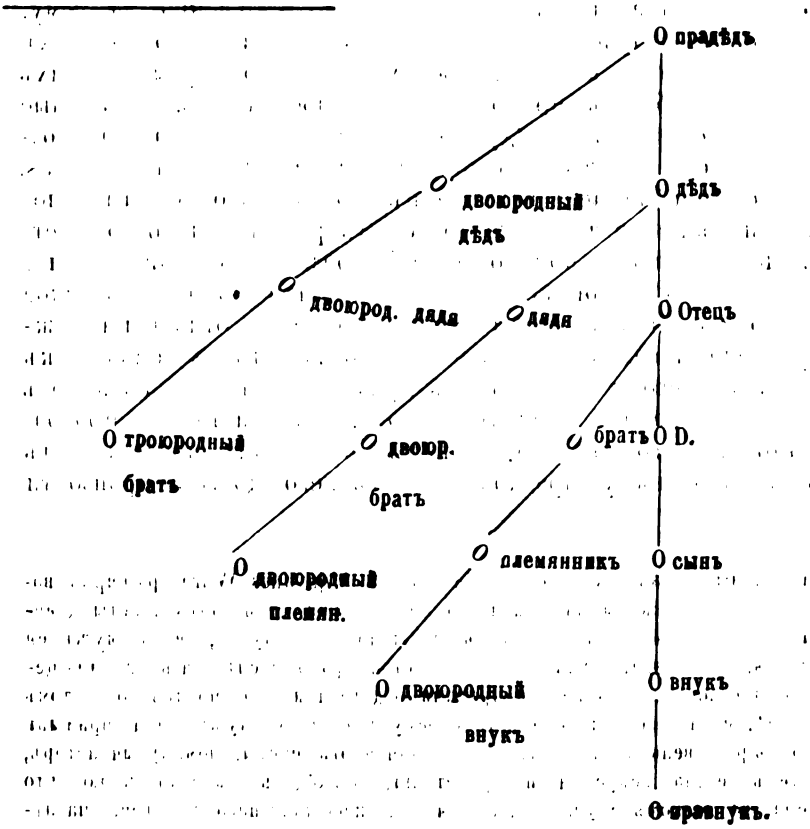
Сообразно съ обязанностью приносить жертвы умершимъ предкамъ опредѣляется и степень близости родства у индусовъ. Тѣ родственники, которые связаны между собою обязанностью приношенія рисовыхъ пироговъ (pinda), называются sapindas. Каждый индусъ обязанъ приносить эти пироги своему отцу, дѣду и прадѣду; послѣ его смерти ему должны будутъ приносить хлѣбы сынъ, внукъ и правнукъ: всѣ эти лица и будутъ сапинды по отношенію къ нему. Точно также сапиндами ему будутъ и тѣ изъ его боковыхъ родственниковъ, которые, происходя отъ помянутыхъ троихъ предковъ, обязаны приносить хлѣбы послѣднимъ. Остальные агнаты, связанные между собою обязанностью совершать возліяніе воды въ честь усопшихъ, называются samonadakas. Эта связь обнимаетъ всѣхъ лицъ, носящихъ одно фамильное имя и состоящихъ въ агнатическомъ родствѣ, и продолжается до тѣхъ поръ, пока отношенія родства не выйдутъ изъ памяти (¹). Съ этой-же религіозной точки зрѣнія индусское право смотритъ на личныя и имущественныя отношенія между членами семьи. Отецъ — религіозный глава семьи, такъ какъ онъ своимъ поведеніемъ призываетъ на весь свой родъ благословеніе или проклятіе боговъ. Родъ и культъ продолжаются, благодаря его личности; онъ одинъ представляетъ собой всю чреду предковъ, и отъ него должна произойти

на законы Яйнавалькія, индусскій юристъ Vijyanna-Wara, разбирая вопросъ о правѣ жены на наслѣдство послѣ мужа, приводитъ тексты древнихъ законодателей, въ которыхъ за женой, въ случаѣ, если мужъ ея умретъ, не оставивъ сыновей, признается право наслѣдовать его имущество предпочтительно передъ другими родственниками, но только въ томъ случаѣ, если она намѣрена дать своему умершему мужу сына (приживъ его съ родственникомъ послѣдняго); сличая эти тексты, помянутый авторъ, путемъ весьма искусной интерпретаціи, приходитъ къ заключенію, что жена, во полномъ случаѣ, послѣ мужа, неоставившаго сыновей, наслѣдуетъ его имущество самостоятельно, какъ жена, а вовсе не въ качествѣ матери имѣющаго родиться наслѣдника. Ср. *Crémazy*, Le droit hindou et le droit français comparés. Revue de législation ancienne et moderne, française et étrangère. 1876. p. 41 и слѣд.

(¹) См. Manou, Кн. III, 215—220 и V, 60. Чтобы помочь читателю уяснить себѣ эти отношенія родства, здѣсь прилагается родословная таблица, въ которой помѣщенъ весь кругъ сапиндовъ извѣстнаго лица:

Digitized by Google

вся чреда потомковъ (¹). Онъ есть живой образъ Брамы, творца созданій; онъ уподобляется тому священному огню, который онъ поддерживаетъ на семейномъ очагѣ (²). Мало того, выполняя съ точностію религіозные обряды и принося жертвы, глава семьи поддерживаетъ этимъ бытіе всего видимаго міра со всѣми существами, обитающими на немъ (³). Такимъ образомъ личность отца окружается ореоломъ боже-



Изъ этой таблицы видно, что родство сапиндовъ обнимаетъ восходящихъ и нисходящихъ родственниковъ лица до третьей степени включительно и затѣмъ мужское потомство каждаго изъ троихъ восходящихъ также до третьей степени включительно. Всѣ родственники дальнѣйшихъ степеней будутъ уже samanadacas.

(¹) *Фюстель де Куланжъ*, La cité antique. Paris. 1876 г. p. 95. Русскій переводъ Корша. Москва 1867 г. стр. 108.

(²) Manou, II. 225, 231.

(³) Manou, III. 75.

Digitized by Google

ственности въ глазахъ его домочадцевъ. Онъ содержитъ семью и ведетъ хозяйство. Ему одному, принадлежитъ право распоряжаться имуществомъ. Жена, сынъ, рабъ объявлены закономъ неспособными обладать чѣмъ-либо лично; все, что они пріобрѣтаютъ, есть собственность того, отъ кого они зависитъ (1). Всѣ члены семьи обязаны безусловно повиноваться главѣ ея.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ глубокой древности отцу семьи и въ Индіи принадлежало jus vitae ac necis по отношенію къ дѣтямъ; онъ могъ ихъ покинуть на произволъ судьбы, продать, отдать въ другую семью и т. д. Хотя законодатели давно уже возстаютъ противъ этого, но фактически продажа дѣтей существовала до послѣдняго времени; она стала исчезать только благодаря вліянію европейскаго правительства (2). Случаи, что дѣти бросались на произволъ судьбы ихъ родителями также были нерѣдки до послѣдняго времени (3). Индусскіе законодатели постоянно упоминаютъ о сыновьяхъ, покинутыхъ родителями или проданныхъ ими въ другую семью (4). Но если такимъ образомъ есть основаніе предполагать, что власть отца семьи надъ имуществомъ и личностью ея членовъ въ древнѣйшій періодъ носила въ Индіи такой же абсолютный характеръ, какъ власть римскаго patris familiae, и что религія своимъ вліяніемъ освящала эту власть, то, съ другой стороны, тѣже религіозныя вѣрованія уже очень рано оказали вліяніе и на постепенное смягченіе этой власти. Исполнить въ точности всѣ предписанія религіи мужъ можетъ только при посредствѣ жены. безъ нея онъ не можетъ поддержать священнаго огня, необходимаго для жертвоприношеній; только при ея посредствѣ онъ можетъ выполнить всѣ священныя обязанности человѣка, черезъ нее онъ пріобрѣтаетъ сына и обезпечиваетъ себѣ и предкамъ блаженство за гробомъ (5). Вотъ почему, хотя жена

(1) Manou, VIII, 416.

(2) *Boscheron-Desportes* (Revue historique de droit français et étranger. 1855. t. I p. 320).

(3) *G. Orianne*, Droit Hindou p. 147 примѣчаніе 1.

(4) Manou, IX, 169—174. Jâjnavalkya, II, 131, 132. Mitakchara, ch. 2. sect XI, § 10—20. Dattaca-Chandrica, sect. V.

(5) Manou, IX, 28.

Digitized by Google

и находится въ подчиненіи у мужа, законъ предписываетъ мужу обходиться съ ней почтительно и не огорчать её ничѣмъ. „Гдѣ женщины почитаемы, тамъ божества удовлетворены; когда же ихъ не почитаютъ, то безплодны всѣ акты благочестія. Всякая семья, гдѣ жены живутъ въ печали, не замедлитъ погаснуть; а тамъ, гдѣ жены счастливы, семья увеличивается и процвѣтаетъ при всѣхъ обстоятельствахъ (1)". Жена съ мужемъ составляетъ одно лицо (2), носитъ почетное имя домохозяйки (григапатни) и пользуется одинаковымъ съ нимъ почетомъ отъ домочадцевъ (3); за нею признается, наконецъ, право имѣть свое имущество, въ распоряженіе которымъ не вмѣшивается мужъ и которое переходитъ по наслѣдству къ дочерямъ.

Сынъ, какъ мы видѣли, вполнѣ подвластенъ отцу: отецъ можетъ продать его и бросить на произволъ судьбы. Но эта власть его ограничивается тѣмъ высокимъ назначеніемъ, которое признаетъ за сыномъ религія. Какимъ образомъ повинуть или продать того, который своимъ существованіемъ избавляетъ отца и его предковъ отъ ада, того, который будетъ продолжателемъ рода? Сынъ—это надежда семьи, ея спаситель и опора ея благосостоянія. Только тотъ человѣкъ совершенъ, говорятъ законы Ману, который состоитъ изъ трехъ соединенныхъ лицъ (изъ самаго себя, своей жены и сына). Мужъ возраждается въ лонѣ своей жены и въ видѣ сына продолжаетъ свое существованіе. Сынъ восполняетъ отца, оканчивая на землѣ то, что отецъ оставилъ не выполненнымъ (4). Эти три лица тѣсно связаны другъ съ другомъ. Покинуть другъ друга, безъ достаточныхъ основаній, для нихъ—преступленіе, наказываемое уголовнымъ закономъ (5). Если законы и дозволяютъ отцу продать сына въ другую семью, или отдать въ усыновленіе, то они оговариваются, что отецъ можетъ сдѣлать это только при бѣдственномъ по-

---

(1) Manou, III, 56—58.

(2) IX, 45.

(3) II, 231.

(4) *Colebrooke's*. Abhandlung über die heiligen Schriften der Indier aus dem Englischen übersetzt von Dr. Ludwig Poley. Leipzig, 1844, стр. 153.

(5) Manou, VIII, 389. Jâjnavalkya, II, 237.

Digitized by Google

ложеніи своей семьи, когда онъ не въ состояніи самъ кормить дѣтей, да и то въ томъ лишь случаѣ, если сыновей у него нѣсколько и, слѣдовательно, его семьѣ и культу не грозитъ опасность прекращенія. Старшій сынъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть продаваемъ, или отдаваемъ въ другую семью (1); онъ состоитъ подъ особымъ покровительствомъ религіи и законовъ. „Въ моментъ рожденія старшаго сына человѣкъ становится отцомъ и выполняетъ свой долгъ предкамъ.... Старшій сынъ произведенъ на свѣтъ для выполненія долга; мудрецы смотрятъ на другихъ сыновей, какъ на рожденныхъ отъ любви". Старшій со временемъ займетъ мѣсто главы семьи, и замѣнитъ отца младшимъ. „Отъ него будетъ зависѣть процвѣтаніе или разрушеніе семьи, смотря потому добродѣтеленъ ли онъ или нѣтъ; старшій въ этомъ мірѣ всего болѣе почитаемъ (2)". Впрочемъ, законъ вообще считаетъ безнравственной продажу дѣтей и запрещаетъ её. Законъ не совѣтуетъ отцу невѣсты брать подарки отъ ея жениха, такъ какъ принятіе такого подарка походило бы на продажу имъ своей дочери (3). Но и помимо этого запрещенія продавать и бросать на произволъ судьбы дѣтей своихъ, власть отца надъ личностью ихъ въ индусскомъ семейномъ быту уже въ древности не имѣла того строгаго характера, который можно бы, какъ казалось, приписать ей, судя по нѣкоторымъ отдѣльнымъ мѣстамъ закона, приведеннымъ выше. Такъ мы видимъ въ законахъ Ману, что сынъ выбираетъ самъ себѣ жену по своему усмотрѣнію (4). Что касается дочери, то ее хотя и отдаютъ замужъ, не спрашивая ея согласія (5), но, съ другой стороны, мы встрѣчаемъ въ законѣ и постановленія, гарантирующія её отъ произвола родственниковъ. Выше мы видѣли, что на продажу дочери ея будущему супругу законъ смотритъ какъ на безнравственный поступокъ. Законъ налагаетъ на отца нравственную обязанность быть осмотрительнымъ въ выборѣ

(1) См. выше стр. 31, прим. 2.

(2) Manou, IX, 105—110.

(3) Manou, III, 51. IX, 98.

(4) Manou, III, IV и V.

(5) Manou, IX, 47. III, 27 и сл.

Digitized by Google

супруга для дочери. Онъ долженъ отдать ее „за хорошаго человѣка, пріятнаго наружностью и принадлежащаго къ тому же классу". Для дѣвицы лучше оставаться до смерти своей въ домѣ родительскомъ, чѣмъ быть отданной отцомъ супругу, лишенному добрыхъ качествъ (¹). Мало того, если отецъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ по достиженіи дочерью зрѣлости, не отдастъ ее замужъ, то, послѣ этого срока, она можетъ выбрать себѣ супруга по своему желанію, не спрашиваясь согласія отца, и законъ не вмѣняетъ ей этого въ вину (²). Вообще, по отношенію ко всѣмъ членамъ семьи обязанности главы состоятъ въ томъ, чтобы быть защитникомъ и покровителемъ ихъ, воспитывать и содержать ихъ сообразно со средствами семьи. „Кто изъ тщеславія дѣлаетъ подарки постороннимъ, тогда какъ его семья живетъ въ бѣдности, хотя онъ и имѣетъ средства ее поддерживать; тотъ вкушаетъ медъ и проглатываетъ ядъ. Онъ ложно думаетъ, что поступаетъ добродѣтельно". „То, что онъ въ надеждѣ на будущее дѣлаетъ въ ущербъ для тѣхъ, которыхъ поддерживать его долгъ, причинитъ ему въ концѣ концевъ несчастную участь какъ въ этомъ мірѣ, такъ и въ будущемъ (³)". Этимъ правиломъ налагается на главу семьи нравственная обязанность не тратить имущества въ ущербъ интересамъ семьи, и ограничивается такимъ образомъ его, повидимому неограниченное, право распоряжаться имъ. Но наложеніемъ на отца нравственной обязанности заботиться о благосостояніи семьи законъ не ограничивается, а идетъ гораздо далѣе въ своемъ намѣреніи охранить интересы семьи и семейное имущество отъ произвола ея главы. Имущество, по взгляду индусскаго законодательства, дано человѣку не для удовлетворенія только его прихотей, а и для того, что бы онъ могъ имѣть средства къ выполненію своихъ обязанностей на землѣ, т. е. къ поддержанію и продолженію семьи и непрерывному выполненію религіозныхъ обрядовъ, которые равно необходимы какъ для блаженства умершихъ, такъ и для счастія живыхъ членовъ семьи. Этотъ взглядъ на имущество постоянно вы-

---

(¹) Manou, IX, 88, 89.

(²) IX, 90 и слѣд.

(³) Manou, XI, 9—10. См. также Jâjnavalkya, II, 175.

Digitized by Google

сказывается въ индусскихъ воденсахъ (1). Предки, умирая, оставили имущество, чтобы обезпечить возможность продолженія семьи и культа; глава семьи, получивъ это имущество, долженъ стараться сохранить его и передать своимъ сыновьямъ для тѣхъ же цѣлей. Имущество это есть фондъ, обезпечивающій существованіе и продолженіе семьи, которая не должна прекращаться; оно принадлежитъ, слѣдовательно, всей семьѣ, а не есть личная собственность главы ея. Это принципъ, которымъ опредѣляются имущественныя отношенія между членами семьи и который лежитъ въ основаніи права наслѣдованія.

Чтобы лучше уяснить имущественныя отношенія между членами индусской семьи, мы должны замѣтить, что индусское законодательство различаетъ слѣдующіе роды имуществъ: а) имущество, полученное отцомъ семьи по наслѣдству отъ предковъ, б) имущество, пріобрѣтенное отцомъ при посредствѣ имущества перваго рода или при помощи и участіи членовъ его семьи (совмѣстнымъ трудомъ и на общія средства), и в) имущество, пріобрѣтенное отцомъ безъ помощи и участія семьи и не на средства семейнаго имущества, личнымъ-ли его трудомъ или случайно все равно. (Сюда же относятся имущества, которыя принадлежали ранѣе предкамъ и, бывъ утрачены ими, пріобрѣтены отцомъ семьи вновь на свои средства). Только относительно послѣдняго рода имущества права отца неограниченны. Оно составляетъ личную собственность отца и можетъ быть отчуждаемо имъ по произволу. Все же остальное имущество принадлежитъ не ему лично, а всей семьѣ. Сыновья еще при жизни отца считаются сособственниками его по отношенію къ этому семейному имуществу. Право на послѣднее они пріобрѣтаютъ

(1) Въ подтвержденіе этого нѣтъ надобности приводить текстъ законовъ, а достаточно указать всѣ тѣ мѣста законовъ Ману и Jâjnavalkya, которыя говорятъ объ обязанностяхъ главы семьи, а также правила этихъ законовъ о раздѣлѣ семейнаго имущества и о наслѣдованіи, съ которыми мы познакомимся ниже. — См. Mitakschara, ch. 2, sect. 1, § 14. Очевидно, что нѣкоторые индусскіе законовѣды доводили этотъ взглядъ на имущество, какъ на средство для выполненія религіозныхъ обрядовъ, до крайностей, противъ которыхъ и вооружается авторъ Mitakschar'ы.

Digitized by Google

„не вслѣдствіе смерти главы семьи или раздѣла, а оно существуетъ для нихъ раньше и имѣетъ начало въ ихъ рожденіи (1)". Относительно движимаго семейнаго имущества, отецъ болѣе свободенъ въ своемъ правѣ распоряженія и можетъ отчуждать его, если это нужно для покрытія расходовъ на содержаніе семьи, на выполненіе религіозныхъ обрядовъ и т. п., не спрашивая ничьего согласія; но его право распоряжаться недвижимымъ имуществомъ семьи подчинено контролю его сыновей, и онъ не долженъ ни продавать, ни дарить, ни закладывать его безъ согласія послѣднихъ. „Тѣ, которые рождены, тѣ, которые еще не зачаты и тѣ, которые находятся въ чревѣ матери своей, равно нуждаются въ средствахъ къ существованію, слѣдовательно не должно дѣлать ни продажи, ни даренія недвижимаго имущества семьи)" (2). Только въ томъ случаѣ, если сыновья или внуки еще не достигли совершеннолѣтія (16 лѣтъ) и неспособны дать свое согласіе на отчужденіе имущества, а между тѣмъ обстоятельства (наприм. крайняя бѣдность, въ которой находится семья или необходимость покрыть издержки на исполненіе религіозныхъ обрядовъ въ честь умершаго предка и т. п.) необходимо принуждаютъ прибѣгнуть къ отчужденію недвижимости, отцу дозволяется заложить или продать ее по собственному усмотрѣнію. Но надо замѣтить, что право продажи имущества при указанныхъ обстоятельствахъ имѣетъ и старшій братъ, живущій нераздѣльно со своими малолѣтними братьями (3). Итакъ за сыновьями признается право на семейное имущество, почти одинаковое съ правомъ отца. Только осуществленіе этого права принадлежитъ исключительно отцу. Сыновья при жизни отца не могутъ требовать раздѣла этого имущества безъ его согласія. Отъ него вполнѣ зависитъ, выдѣлить ли при жизни всѣхъ сыновей, или одного только, или же нѣкоторыхъ (4). Впрочемъ, если отецъ неразумно расточаетъ родовое имущество, если онъ дряхлъ, страдаетъ тяжкою болѣзнію, если мать въ такомъ возрастѣ, что не въ состояніи имѣть болѣе дѣтей, а дочери уже выданы замужъ, то въ нѣ-

(1) Mitakshara, Ch. 1, sect. 1, § 7—27.

(2) Id. § 27 in fine.

(3) Id. § 28—29.

(4) Id. II, § 1, 2.

Digitized by Google

которыхъ мѣстностяхъ Индіи сыновьямъ позволяется хлопотать о раздѣлѣ вопреки желанію отца (¹). Имущество дѣлится между сыновьями законными и усыновленными (²); долю сына, умершаго до раздѣла, получаютъ его сыновья по праву представительства (³). Законы Ману и Яйнавалькія дозволяютъ отцу по его усмотрѣнію или раздѣлить между сыновьями все имущество по равнымъ долямъ, или выдѣлить сначала изъ всей массы, подлежащей раздѣлу, одну двадцатую въ пользу старшаго сына, одну сороковую въ пользу втораго и одну восьмидесятую меньшему сыну, а затѣмъ уже остальное раздѣлить между ними по ровну; но комментаторы толкуютъ, что такого рода раздѣлъ по неравнымъ долямъ можетъ имѣть мѣсто только по отношенію къ благопріобрѣтенному имуществу отца, а родовое непремѣнно должно быть раздѣлено по равнымъ долямъ между всѣми сыновьями, такъ какъ всѣ они имѣютъ одинаковое право на это имущество (⁴). Впрочемъ эти правила о раздѣлѣ разнообразятся нѣсколько по различію мѣстныхъ обычаевъ. Свое благопріобрѣтенное имущество отецъ не обязанъ дѣлить съ сыновьями; но если дѣлитъ, то не можетъ отдать его которому либо одному сыну, или обдѣлить котораго-нибудь при раздѣлѣ, а обязанъ дѣлить между всѣми ими по равнымъ долямъ, или же съ тѣми преимуществами для старшихъ сыновей, которыя сей-

---

(¹) Mitakchara, 1, II, § 7. *Boscheron Desportes*, l. c. Ср. Vyavahara-sara-sangraha ou abrége substantiel de droit par Madura Kandaswami Pulavar, professeur du collége de Madras, traduite par Fr. Sicé. Pondichéry 1857 г. ch. XIII. V p. 178. Здѣсь въ числѣ мотивовъ, по которымъ сыновья могутъ требовать раздѣла, указаны еще злой и вспыльчивый нравъ отца, его чрезмѣрная исключительная любовь къ нѣкоторымъ сыновьямъ или къ женѣ и др.

(²) О дѣтяхъ усыновленныхъ смотри ниже. Въ прежнее время важное вліяніе на права сына, при раздѣлѣ семейнаго имущества, имѣло еще то обстоятельство, происходилъ ли сынъ отъ жены, принадлежащей къ одной кастѣ съ мужемъ, или же отъ жены изъ иной касты. «Пусть сынъ браминки получитъ четыре части, сынъ отъ жены изъ касты кшатріевъ три, сынъ отъ жены изъ касты Вайсіевъ двѣ и сынъ отъ жены изъ касты Судра одну»; Manou, IX, 152, 153. См. также Jâjnavalkya, II, 126. Mitakchara, 1, VIII. Въ настоящее время (kaly-yuga) браки между лицами разныхъ кастъ объявлены незаконными.

(³) Mitakchara, 1, V, § 1 и слѣд. Jajnavalkya, II, 121.

(⁴) Manou, IX, 112 и слѣд. Jâjnavalkya, II. 114. Mitakchara, 1, III, § 1—6. Viavahara-sara-sangraha, 2, ch. XIII, § 1.

Digitized by Google

часъ указаны (1). Сыновья не могутъ требовать раздѣла этого имущества, исключая того случая, если отецъ страдаетъ умопомѣшательствомъ, впалъ въ идіотизмъ или одержимъ неизлѣчимой болѣзнью, мѣшающею ему вести хозяйство. Раздѣливъ по ровну между сыновьями родовое и благопріобрѣтенное имущество, отецъ можетъ удержать за собою одну долю изъ перваго, двѣ доли изъ втораго и четверть стоимости тѣхъ имуществъ, которыя, будучи утрачены его предкомъ, были вновь имъ пріобрѣтены на собственныя средства (2). Эта привилегія отца основывается не только на его исключительномъ правѣ на благопріобрѣтенное имущество, но еще и на томъ обстоятельствѣ, что у него могутъ родиться сыновья и послѣ раздѣла (3) и что при немъ остаются дочери (4) и другіе члены семьи, неимѣющіе права участвовать въ раздѣлѣ (5). Каждый изъ выдѣляемыхъ сыновей можетъ отказаться отъ полученія своей доли имущества. Отецъ въ такомъ случаѣ даетъ ему какую-либо вещь небольшой стоимости, „для того", какъ говорятъ источники, „чтобы дѣти и другіе наслѣдники этого сына не могли въ будущемъ претендовать на право наслѣдованія въ дѣлимомъ имуще-

(1) Manou, IX, 206—209. Mitakchara, 1, II, 13, 14. Jajnavalkya, II, 116. 119.

(2) *Gans*, Erbrecht 1 a. 93—95. *Cremazy* (Nouvelle Revue historique 1879 г. № 4 p. 367). Mitakchara, I, IV, 2, 3 и V, 1, 11. *Bouchéron-Desportes* l. c. см. также Gesetzbuch der Gentoo's, Kap. II, Abschn. XXI.

(3) Имущество, оставшееся у отца по раздѣлѣ, а также пріобрѣтенное имъ впослѣдствіи, переходитъ по смерти его къ сыну, родившемуся послѣ этого раздѣла, такъ какъ отдѣлившіеся сыновья не имѣютъ уже на него права. Mitakchara, 1, VI. Manou, IX, 216. Jajnavalkya, II, 122. Они призываются къ наслѣдованію только тогда, когда по смерти отца не останется ни неотдѣленнаго сына, ни жены.—См. тамъ-же.

(4) Дочери при жизни отца не имѣютъ права на семейное имущество. Mitakchara, 1, VII, 14.

(5) Напр. сыновья, страдающіе тѣлесными недостатками, мѣшающими имъ вести хозяйство (слѣпые, глухонѣмые, кастраты и т. п.), или умственнымъ разстройствомъ, также сыновья, усыновленные вопреки закону при существованіи законныхъ сыновей, сыновья, прижитые съ рабынями и др. Mitakchara, I, sect. XII, § 31 и 2, sect. X. Daitsch-Chandrica, sect. VII.

ствѣ" (¹). Соразмѣрно долямъ, полученнымъ при раздѣлѣ имущества, распредѣляется между лицами, участвующими въ немъ, и обязанность платить долги (²). Раздѣлъ не считается безповоротнымъ, и всякій изъ сыновей можетъ опять соединить свое имущество съ имуществомъ отца, по взаимному между собою согласію. Если такимъ образомъ право отца на распоряженіе имуществомъ при его жизни ограничено у него, то еще болѣе ограничено его право распоряжаться на случай смерти. Индусское право не знаетъ завѣщанія,—„нѣтъ даже слова въ языкѣ для выраженія этого понятія" (³). Мѣсто завѣщанія занято въ индусскомъ правѣ усыновленіями (⁴).

(¹) Manou. IX, 207. Jajnavalkya, II, 119. Mitakchara, 1, II, 11, 12.

(²) *Boscheron-Desportes* l. c.

(³) Тамъ-же стр. 316.

(⁴) Необходимость имѣть сына для продолженія семьи и культа заставила, въ случаѣ невозможности пріобрѣсти его путемъ естественнымъ, прибѣгать къ фиктивнымъ способамъ пріобрѣтенія. Способовъ этихъ древнее индусское право знало очень много. Индусскіе законодатели обыкновенно насчитываютъ, сообразно съ различными способами пріобрѣтенія, двѣнадцать различныхъ видовъ сыновей, перечисляя ихъ въ такомъ порядкѣ, что поименованный раньше въ ряду является старшимъ и по достоинству, т. е. по правамъ на продолженіе семейнаго культа и на наслѣдство. Порядокъ, въ которомъ располагаютъ ихъ индусскіе авторитеты, неодинаковъ. (См. Dattaca-Chandrica, sect. V). Мы перечислимъ ихъ здѣсь, слѣдуя тексту Jâjnavalkya (II. 127—132):

1) Сынъ законный. 2) Сынъ дочери, выданной замужъ подъ условіемъ, что первый сынъ ея будетъ принадлежать ея отцу, а не мужу (такой сынъ пользуется одинаковыми правами съ сыномъ законнымъ). 3) Сынъ жены, т. е. сынъ, прижитый женою съ родственникомъ ея супруга для доставленія потомства мужу, неспособному къ брачному сожительству или умершему бездѣтнымъ. 4) Сынъ, тайно рожденный женою въ домѣ ея супруга отъ неизвѣстнаго послѣднему лица. 5) Сынъ дѣвицы, т. е. сынъ, рожденный дѣвицей въ домѣ ея отца (онъ считается сыномъ послѣдняго). 6) Сынъ женщины, во второй разъ вышедшей замужъ, зачатый ею еще въ первомъ бракѣ, но рожденный уже во второмъ. 7) Сынъ данный, то есть отданный въ усыновленіе его родителями. 8) Сынъ купленный, т. е. проданный усыновителю своими родителями. 9) Сынъ вымышленный (critima, le fils fait y Opiaeta, künstlicher Sohn по нѣмецкому переводу), т. е. сынъ, который, не имѣя родителей, самъ соглашается на предложеніе усыновителя стать сыномъ послѣдняго въ равномѣ

Тотъ, кто живетъ одинъ, не имѣя семьи и дѣтей,—что составляетъ въ Индіи рѣдкое явленіе, — можетъ отчуждать все имущество, потому что оно составляетъ его исключительную собственность, но и онъ не можетъ оставить себѣ наслѣдника по завѣщанію. Если онъ хочетъ передать свое достояніе кому-нибудь, то долженъ сдѣлать это при жизни, а если онъ не позаботился объ этомъ, то по смерти его за-

---

на полученіе отъ него имущества. 10) Сынъ отдавшій себя, т. е. тотъ, который, не имѣя родителей или будучи покинутъ ими безъ всякаго основанія, является самъ къ усыновителю съ просьбой принять его на мѣсто сына. 11) Сынъ беременной невѣсты, т. е. сынъ, зачатый невѣстою еще до обрученія и рожденный ею въ бракѣ. 12) Сынъ покинутый, т. е. брошенный своими родителями по произволу судьбы и взятый кѣмъ-либо изъ состраданія въ семью.—Подобный же перечень сыновей, хотя нѣсколько въ иномъ порядкѣ, находится въ законахъ Manou (IX. 158—189).

Сынъ законный и сравненный съ нимъ въ правахъ сынъ дочери предпочитается законодателемъ всѣмъ другимъ сыновьямъ. Человѣка, который «нисходитъ въ подземную тьму», не оставляя послѣ себя сыновей законныхъ (или сына дочери), а только сыновей другого рода, законы Ману уподобляютъ тому, кто отправляется въ плаваніе на плохомъ суднѣ. (IX. 116). Здѣсь не мѣсто говорить подробно о различіи въ правахъ этихъ сыновей. Замѣтимъ только, что Ману первыхъ шестерыхъ въ ряду называетъ родственниками и наслѣдниками, а остальныхъ—родственниками, но не наслѣдниками, т. е. первые могутъ наслѣдовать не только усыновителю, но и его родственникамъ, а послѣдніе наслѣдуютъ только ему одному. Человѣку, который имѣетъ законнаго сына, способнаго наслѣдовать, запрещается усыновлять кого-либо (Manou, IX. 181). Усыновленные вопреки этому запрещенію сыновья не могутъ принять участіе въ раздѣлѣ наслѣдства, такъ какъ законный сынъ получаетъ все (Manou, IX. 163. Dattaca-Chandrica, sect. VI., 3). Если-же законный сынъ явился на свѣтъ послѣ того, какъ былъ пріобрѣтенъ сынъ путемъ фиктивнымъ, то, смотря по способу пріобрѣтенія этого фиктивнаго сына и по его нравственнымъ качествамъ, имущество или дѣлится между нимъ и сыномъ законнымъ пополамъ, или-же усыновленному сыну выдается при раздѣлѣ извѣстная доля отцовскаго имущества, меньшая доли сына законнаго (Dattaca-Chandrica, V. Manou, IX., 162, 164, 165). Многіе изъ указанныхъ фиктивныхъ способовъ пріобрѣтенія дѣтей уже давно вышли изъ употребленія и даже запрещены закономъ, какъ противные нравственности и непримѣнимые въ современномъ желѣзномъ вѣкѣ (kaly-youga). Такъ напр. уже въ законахъ Ману не одобряется обычай пріобрѣтать сына чрезъ сожительство жены съ родственникомъ мужа. Вышелъ также изъ употребленія обычай выдавать дочь замужъ съ условіемъ, что первый сынъ

Digitized by Google

конные наслѣдники получатъ все его имущество (¹). Впрочемъ, отказы въ пользу постороннихъ извѣстной суммы или извѣстныхъ вещей изъ имущества допускаются обычаемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, и современные европейскіе суды принимаютъ подъ свою охрану права этихъ легатарей, если только отказъ сдѣланъ съ соблюденіемъ формъ, выработанныхъ судебной практикой и обычаемъ. Практика французскихъ судовъ допускаетъ даже отказы всего имущества, если умершій не оставилъ послѣ себя законныхъ наслѣдниковъ. Это уже дѣйствительное завѣщаніе, но только въ той формѣ, въ какой оно установлено въ французскомъ *Code civile*. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что это завѣщаніе явилось подъ вліяніемъ понятій, принесенныхъ съ родины европейскими судьями и распространившихся между туземцами (²). Въ странѣ, гдѣ первой обязанностью каждаго всегда было заботиться о томъ, чтобы по смерти его религіозные обряды семейнаго культа не прекращались, и гдѣ законъ подробно

ся будетъ принадлежать ея отцу. Вообще, въ современномъ индусскомъ правѣ признаются только два рода сыновей: сыновья законные и сыновья усыновленные съ согласія ихъ самихъ и ихъ родителей и съ соблюденіемъ извѣстныхъ религіозныхъ обрядовъ. См. Manou, IX. 64, также Mitakshara. 1 sect. XI и Dattaca-Chandrica, sect. I § 9. Ср. *Crémaxy*, Le droit hindou et le droit français comparés. Revue de législ fr. et étr. 1876 p. 312—320. Усыновленный сынъ долженъ принадлежать къ одной кастѣ съ усыновителемъ. Сынъ усыновленный теряетъ всякую связь съ своими естественными родителями, не совершаетъ въ честь ихъ могильныхъ приношеній послѣ ихъ смерти и не наслѣдуетъ въ ихъ имуществѣ. Впрочемъ, отецъ естественный и усыновитель могутъ согласиться, чтобы сынъ усыновленный совершалъ религіозные обряды въ честь предковъ того и другого и наслѣдовалъ обоимъ въ имуществѣ. Такой сынъ называется сыномъ двухъ отцовъ. См. Dattaca-Chandrica, III и V.

(¹) *Boscheron-Desportes* l. c. *Gans*, Erbrecht I s. 250.

(²) *Crémaxy* въ цитированной нами уже не разъ статьѣ его «La loi des successions dans le droit hindou moderne» (Nouvelle Revue historique du droit français et étranger. 1879. № 4) утверждаетъ, что завѣщаніе было всегда извѣстно въ Индіи и не обязано своимъ появленіемъ европейскому вліянію. Однако, трудно допустить, чтобы сборники туземнаго права, такъ много трактующіе о судьбѣ имущества по смерти его обладателя, оставили безъ вниманія такое важное право, какъ право оставлять завѣщаніе, если бы это право существовало въ дѣйствительности.

Digitized by Google

указываетъ кругъ тѣхъ лицъ, которыя *могли* и *должны были* взять на себя попеченіе о спасеніи души усопшаго и только за этими лицами признаетъ право наслѣдовать имущество умершаго, завѣщаніе, очевидно, не могло явиться. Религія не дозволяетъ, чтобы обряды семейнаго культа совершались лицомъ постороннимъ, неимѣющимъ на то права по рожденію и отдаетъ имущество умершаго тому, на кого возлагаетъ обязанность продолженія этого культа. Право на наслѣдство и обязанность совершать приношенія предкамъ такъ тѣсно связаны между собой, что первое немыслимо безъ послѣдней. Этой обязанностью опредѣляется и кругъ призываемыхъ къ наслѣдованію лицъ, и самый порядокъ ихъ призванія; воля оставителя наслѣдства безсильна измѣнить эти опредѣленія. Наслѣдство открывается тому, на кого переходитъ обязанность совершать „sraddha", для спасенія души усопшаго и его предковъ (¹). Если лицо, имѣющее по своей кровной связи съ умершимъ ближайшее право на наслѣдство, пренебрегаетъ выполненіемъ по немъ погребальной „sraddha", то оно лишается своего права на полученіе наслѣдственнаго имущества (²). Лица, неспособныя по физическимъ, умственнымъ или нравственнымъ недостаткамъ къ продолженію семейнаго культа и выполненію религіозныхъ обрядовъ, также исключаются изъ числа наслѣдниковъ, хотя-бы это были законные сыновья умершаго (³). Справедливо поэтому Гансъ назвалъ индусское наслѣдственное право „наслѣдственнымъ правомъ жертвъ по усопшимъ" (⁴).

Несомнѣнно, что самыя раннія правовыя нормы, являющіяся у какого-либо народа, хотя-бы онѣ стояли въ самой тѣсной связи съ его религіозными вѣрованіями, хотя бы народъ не былъ еще въ состояніи отличать предписаній права отъ предписаній религіи, вызываются все-таки условіями и потребностями его экономическаго и соціальнаго быта, отъ которыхъ зависитъ и дальнѣйшее развитіе и измѣненіе этихъ нормъ. Это положеніе вѣрно и по отношенію къ индусскому праву. Какъ

(¹) Manou, IX, 180—190.

(²) Gesetzbuch der Gentoo's, kap. 2, Abschn. 5.

(³) Viavahara-Sara-sangraha, 2, ch. XIII, § 5. См. также выше стр. 42, примѣчаніе 5.

(⁴) *Gans*, Erbrecht 1. s. 251.

Digitized by Google

ни были велики усилія индусскихъ законодателей обратить всѣ правовыя нормы въ правила религіи, какъ ни глубоко было вліяніе этой послѣдней на всѣ стороны народной жизни; но и тамъ оказалось невозможнымъ достигнуть полнаго и окончательнаго сліянія права съ религіей (или, говоря иначе, поглощенія перваго послѣдней). Такое сліяніе невозможно уже потому, что ни одно положительное законодательство, какъ-бы ни было оно полно, не въ состояніи предвидѣть и обнять всей области постоянно измѣняющихся потребностей народной жизни и дать разъ навсегда удовлетворительный и неизмѣнный отвѣтъ на тѣ вопросы, которые непрерывно ставитъ ему эта жизнь, и что вслѣдствіе этого, правовыя нормы, хотя и стремятся къ возможно большей устойчивости, но по самому назначенію своему — регулировать измѣнчивый и постоянно разростающійся кругъ человѣческихъ потребностей—должны въ самомъ понятіи своемъ заключать возможность ихъ дальнѣйшаго развитія и измѣненія. Предписанія-же религіи, напротивъ, въ принципѣ неизмѣнны и вѣчны. Законодательство, которое придало-бы всѣмъ своимъ опредѣленіямъ характеръ вѣчно непреложныхъ и навсегда неизмѣнныхъ догматовъ религіи только затормозило-бы надолго дальнѣйшее развитіе права, и, будучи все таки не въ силахъ остановить его, въ концѣ концовъ вынуждено было-бы отказаться отъ своей непогрѣшимости, чѣмъ подорвало бы авторитетъ религіи. Эту истину сознавали, хотя можетъ быть и инстинктивно, и индусскіе законодатели; по крайней мѣрѣ этимъ, какъ намъ кажется, можно объяснить, почему они такъ часто даютъ своимъ опредѣленіямъ характеръ правилъ религіозной нравственности, не дѣлая ихъ безусловно обязательными и давая такимъ образомъ возможность существованію обычаевъ даже прямо противуположныхъ. Мало этого, перемѣны, происшедшія въ экономическомъ и соціальномъ быту народа, такъ необходимо влекли за собой измѣненіе въ его правовыхъ и нравственныхъ понятіяхъ, что даже религіозное вѣрованіе, положенное въ основаніе тѣхъ или другихъ нормъ закона, не спасало послѣднихъ отъ отмѣны, когда онѣ оказывались непримѣнимыми и несоотвѣтствующими потребностямъ народной жизни. Правда, что измѣненіе правовыхъ нормъ совершалось медленно, такъ какъ нужно было всякій разъ примирить новые обычаи съ требованіями религіи, чтобы признать за ними силу, а это сдѣлать часто было не-

Digitized by Google

легко: приходилось или мириться съ нарушеніемъ закона и смотрѣть на это нарушеніе, какъ говорится, сквозь пальцы, что невсегда удобно, или же отыскать достаточныя въ глазахъ вѣрующихъ основанія къ отмѣнѣ прежняго закона и къ созданію новаго, причемъ, дабы не умалить авторитета религіи, нужно было прибѣгать къ помощи чудеснаго, создавать легенды, ссылаться на откровеніе божества или по-крайней мѣрѣ на авторитетъ святыхъ лицъ (¹). Тѣмъ не менѣе, не смотря на всю трудность этого пути, развитіе права все таки не останавливалось. Невозможность слить окончательно воедино правовыя нормы съ предписаніями религіи выразилась впослѣдствіи въ томъ, что многіе законовѣды занялись исключительно разработкой и толкованіемъ тѣхъ статей древнихъ законодательныхъ книгъ, кото-

---

(¹) Примѣры всему этому постоянно встрѣчаются въ исторіи индусскаго права. Всѣ индусскіе законодатели, начиная съ божественнаго Manu, (Atri, Vishnou, Harita, Apastamba, Yama, Catyayana, Vrihaspati, Djnavalkya и др) окружены ореоломъ божественности или по крайней мѣрѣ принадлежатъ къ числу святыхъ, и всѣ измѣненія, внесенныя ими въ законодательство, оправдываются тѣмъ, что они изъявляли волю божества. Въ источникахъ мы нерѣдко видимъ, какъ законодатель, вводя новое постановленіе или отмѣняя прежнее, заботится отыскать въ религіи достаточное основаніе этому нововведенію. Важнѣйшимъ примѣромъ этого служитъ индусское ученіе о современномъ желѣзномъ вѣкѣ, въ которомъ, по причинѣ развращенія людскихъ нравовъ, не могутъ примѣняться многія правила древнихъ законовъ. Это ученіе дало возможность произвести многія важныя измѣненія въ правѣ. Припомнимъ здѣсь еще сказаніе о нечестивомъ царѣ Vena, которому законы Manu приписываютъ введеніе неодобреннаго ими левиратнаго брака, а также приведенную Оріанномъ (Dattaca, Chandrica, sect. III § 28 см. примѣч. переводчика къ этому параграфу) легенду о томъ, какъ два брата (Vetala и Bhairava), отличавшіеся святостью жизни, но неимѣвшіе дѣтей и немогшіе поэтому разсчитывать на блаженство въ жизни загробной, получили откровеніе отъ самого божества, что для спасенія ихъ обоихъ будетъ достаточно, если у одного только изъ нихъ родится сынъ, который и будетъ приносить могильныя трапезы обоимъ. Эта легенда объясняетъ запрещеніе прибѣгать къ усыновленію въ томъ случаѣ, если у лица, неимѣющаго дѣтей, есть въ живыхъ родной племянникъ (сынъ брата). Этимъ-же стремленіемъ согласить правила закона съ требованіями жизни объясняется такъ часто встрѣчающаяся въ источникахъ оговорка: «онъ имѣетъ право» или «получаетъ столько-то, если будетъ добродѣтеленъ».

Digitized by Google

рыя заключаютъ чисто правовыя опредѣленія, оставляя въ сторонѣ постановленія, относящіяся къ области религіи и морали. Масса юридическихъ сборниковъ, содержащихъ въ себѣ выписки постановленій законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, комментарій къ этимъ сборникамъ и самостоятельныхъ трактатовъ по различнымъ отдѣламъ юриспруденціи свидѣтельствуетъ о томъ, какъ велико было всегда въ Индіи число лицъ, посвящавшихъ себя изученію права, и какимъ трудолюбіемъ отличались индусскіе законовѣды. Соглашать между собою часто противорѣчивыя постановленія многочисленныхъ древнихъ кодексовъ, пользующихся одинаковымъ авторитетомъ,—дѣло нелегкое, и многіе трактаты индусскихъ юристовъ свидѣтельствуютъ объ обширной начитанности и замѣчательномъ интерпретаторскомъ талантѣ ихъ авторовъ (¹). Весьма естественно, что это, такъ сказать, механическое отдѣленіе постановленій права отъ предписаній религіи мало-по-малу навело законовѣдовъ на мысль, что область права отлична отъ области религіи, что нельзя всѣ правовыя нормы выводить только изъ предписаній религіи и что самыя предписанія эти не имѣютъ силы, если не одобряются ни обычаемъ, ни юридическими и нравственными воззрѣніями народа. „Не дѣлайте того, что хотя и законно, но возбуждаетъ отвращеніе во всѣхъ: ибо такимъ путемъ не достигаютъ небеснаго блаженства“ — вотъ изреченіе, которое часто повторяютъ комментаторы, приписывая его то божественному Ману, то святому Яйнавалькія, но которое не находится въ книгахъ этихъ законодателей. Авторъ Mitakchar'ы въ началѣ своего труда задается вопросомъ: основывается-ли право собственности исключительно на текстѣ священныхъ книгъ, или можно привести ему другія основанія? и рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что право собственности имѣетъ

(¹) Въ этомъ отношеніи мы позволимъ себѣ обратить вниманіе читателей на цитированное нами выше мѣсто Mitakchar'ы, гдѣ авторъ доказываетъ (см. стр. 32 пр. 3) право жены на наслѣдство послѣ мужа, а также на V отдѣлъ Dattuda-Chandrica, гдѣ опредѣляются права усыновленныхъ сыновей на наслѣдство. Разница во мнѣніяхъ между извѣстнѣйшими комментаторами повела къ тому, что туземные юристы раздѣлились на школы, которыхъ очень много въ Индіи. (Считаютъ по крайней мѣрѣ пять главнѣйшихъ).

Digitized by Google

свое начало не исключительно въ священномъ писаніи, что оно возникаетъ помимо него, что собственность имѣетъ цѣлью удовлетвореніе временныхъ потребностей и пріобрѣтается при помощи всякаго рода юридическихъ дѣйствій, непротивныхъ закону, а не одними только указанными въ законѣ способами. Въ доказательство своего положенія авторъ ссылается, между прочимъ, на варваровъ, которые не могутъ знать предписаній священныхъ книгъ, но которымъ тѣмъ не менѣе извѣстно право собственности, такъ какъ они продаютъ, покупаютъ и совершаютъ другія сдѣлки этого рода. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ не соглашается съ мнѣніемъ, что имущество дано человѣку исключительно для выполненія его религіозныхъ обязанностей, указывая на то, что при такомъ взглядѣ на имущество пришлось бы признать незаконнымъ удовлетвореніе почти всѣхъ, даже самыхъ обыденныхъ и необходимыхъ человѣческихъ потребностей (¹). Такъ постепенно у самихъ индусскихъ законовѣдовъ появляется сознаніе, что институты права имѣютъ свое основаніе въ самой жизни, а не въ предписаніяхъ религіи, и могутъ существовать независимо отъ этой послѣдней. Хотя процессъ высвобожденія права изъ подъ вліянія религіозныхъ вѣрованій не кончился еще и доселѣ, но несомнѣнно, что не въ этихъ вѣрованіяхъ надо искать источникъ и основаніе опредѣленій индусскаго законодательства относительно семьи, собственности и наслѣдованія, а въ условіяхъ и потребностяхъ народной жизни, которыя, измѣняясь съ теченіемъ времени, вызвали перемѣны и въ постановленіяхъ закона.

Источники даютъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія, на основаніи которыхъ можно до извѣстной степени уяснить себѣ тотъ путь, которымъ шло развитіе помянутыхъ институтовъ индусскаго права. Всѣ постановленія индусскихъ кодексовъ, касающіяся семейныхъ отношеній, права собственности и права наслѣдованія, имѣютъ исходную точку въ воззрѣніи на семью, какъ на одно цѣлое, передъ которымъ теряютъ свое значеніе всѣ составляющія это цѣлое отдѣльныя личности. Воззрѣніе это однако не всегда проводилось со всею послѣдовательностью; оно имѣетъ свою длинную исторію.

(¹) Mitakchara, 1, sect. III, § 4—6; 1, sect. I, §§ 1—16; 1, sect. 1, § 14.

Digitized by Google

История эта начинается съ того періода, когда семьи жили замкнуто, когда каждая изъ нихъ представляла собою свой особый мірокъ, на внутреннюю жизнь котораго не допускалось никакое постороннее вліяніе. При рѣдкости населенія, при незначительности потребностей неразвитаго быта, сношенія между отдѣльными семьями не могли быть часты, такъ какъ семья сама своими силами и средствами добывала все необходимое для своего существованія. При полномъ почти отсутствіи общихъ интересовъ, при неопредѣленности правъ сосѣднихъ семей на владѣніе занятыми ими участками земли и угодьями, изъ-за которыхъ возникали частыя распри, при безсиліи общественной власти, которая одна въ состояніи установить извѣстный правомѣрный порядокъ,—отношенія между этими семьями далеко не всегда были мирны. Столкновенія случались нерѣдко и рѣшались при помощи грубой силы. Постоянно приходилось быть на готовѣ отразить нападеніе врага, и, разумѣется, та семья была въ большей безопасности, которая была многочисленнѣе и между членами которой господствовало полное согласіе, достигавшееся всего легче безусловнымъ подчиненіемъ ихъ повелѣніямъ ея главы. Дѣйствительно, власть этого главы господствовала почти неограниченно внутри семьи. Онъ распоряжался имуществомъ и даже личностью ея членовъ; велъ всѣ дѣла семьи; былъ представителемъ ея въ сношеніяхъ съ посторонними; въ немъ выражалось понятіе о семьѣ, какъ о единомъ цѣломъ: семья моя — это я, могъ-бы сказать съ полнымъ правомъ древній домовладыка. Однако, неограниченная въ принципѣ, власть эта, вызванная необходимостью сплотить возможно больше между собою членовъ семьи и тѣмъ обезпечить ея благосостояніе, ограничивалась на дѣлѣ обязанностью главы заботиться объ этомъ благосостояніи. Дѣйствуя въ ущербъ семьѣ, глава ея вредилъ-бы самому-себѣ, такъ какъ интересы семьи были и его собственными. Онъ и пользовался своей властью только до тѣхъ поръ, пока былъ способенъ нести бремя заботъ о семейномъ благосостояніи. Если онъ оказывался неспособнымъ къ веденію дѣлъ семьи, то власть ускользала изъ его рукъ и переходила къ другому, болѣе способному и сильному, будь то младшій братъ или старшій сынъ. Право безмезднаго отчужденія семейнаго имущества хотя и принадлежало главѣ семьи, но онъ могъ пользоваться этимъ правомъ только съ осто-

Digitized by Google

рожностью, дабы не нарушить интересовъ семьи. Отчужденіе же на случай смерти никоимъ образомъ не могло имѣть мѣста, такъ какъ имущество не было личной его собственностью. По смерти отца семьи наслѣдованія въ имуществѣ собственно нѣтъ, такъ какъ обладатель послѣдняго — семья всегда на лицо, хотя составъ ея членовъ и мѣняется; а есть только преемство власти главы и связаннаго съ этой властью права завѣдыванія семейнымъ имуществомъ.

Семья обыкновенно не дѣлилась; мѣсто умершихъ членовъ ея замѣняли живые, а она продолжала свое существованіе, разростаясь въ союзъ, состоящій изъ нѣсколькихъ семействъ (родъ, племя). Только тогда, когда число членовъ этой группы родственниковъ возростало настолько, что занимаемый ею участокъ земли становился для нея тѣсенъ, или когда возникали несогласія между старшими членами ея, она распадалась на нѣсколько отдѣльныхъ самостоятельныхъ группъ, изъ которыхъ каждая собиралась вокругъ своего главы. Приэтомъ, конечно, имѣлъ мѣсто раздѣлъ движимаго имущества между этими группами; земля также дѣлилась, если только отдѣлившіяся группы не отправлялись искать себѣ новыхъ мѣстъ для поселенія. Имущество составляло принадлежность всей семьи; о правѣ собственности каждаго отдѣльнаго лица на извѣстную долю этого имущества и о раздѣлѣ послѣдняго между всѣми членами семьи не могло быть и рѣчи: ибо только коллективное пользованіе семейнымъ имуществомъ, при совокупномъ трудѣ всѣхъ членовъ семьи и подъ защитой ея, обезпечивало за каждымъ удовлетвореніе его потребностей. Право индивидуума на участіе въ пользованіи семейнымъ имуществомъ и на защиту и покровительство семьи обусловливалось его принадлежностью къ послѣдней и подчиненіемъ власти ея главы. Непризнававшій этой власти и выходившій изъ семьи разрывалъ всѣ связи съ нею, терялъ всѣ права въ ней и становился для нея такимъ-же чужимъ человѣкомъ, какъ всякій посторонній. При невозможности обезпечить себѣ болѣе или менѣе спокойное и сносное существованіе своими единичными силами, онъ долженъ былъ искать убѣжища въ чужой семьѣ, въ которой онъ далеко не всегда могъ разсчитывать на ласковый пріемъ: чаще всего, попадая въ чужую семью, онъ становился тамъ въ положеніе слуги или даже раба. Понят-

но, что самовольный выходъ отдѣльнаго лица изъ семьи былъ весьма рѣдкимъ явленіемъ и что связь между ея членами была очень крѣпка. Были однако случаи, когда лицо переходило изъ одной семьи въ другую съ согласія обоихъ семействъ, что имѣло мѣсто при отдачѣ ихъ дочерей замужъ и сыновей въ усыновленіе. Такой переходъ влекъ за собой для переходившаго также потерю всякихъ правъ въ его родной семьѣ; но зато онъ становился полноправнымъ членомъ той, въ которую былъ принятъ. Такъ какъ женщина, выходя замужъ, переходила въ другую семью, то родство по женской линіи не имѣло значенія; признавалось только родство чрезъ мужчинъ (агнатическое). О такомъ семейномъ строѣ напоминаютъ намъ многія постановленія въ законахъ Ману, хотя этотъ законодательный сборникъ появился, очевидно, уже при другомъ порядкѣ вещей. Въ этомъ періодѣ замкнутой жизни отдѣльныхъ семейныхъ группъ сложился и тотъ культъ семейныхъ божествъ, который, служа отраженіемъ современнаго ему семейнаго строя, освящалъ его и скрѣплялъ своимъ вліяніемъ. Признавъ и развивъ этотъ культъ, древніе религіозные законодатели положили его въ основаніе своихъ правовыхъ опредѣленій о семьѣ, собственности и наслѣдованіи, чѣмъ оказали существенное вліяніе на дальнѣйшую судьбу этихъ опредѣленій.

Но какъ ни проченъ былъ этотъ древній семейный бытъ, однако, современемъ, онъ подвергся значительнымъ измѣненіямъ. По мѣрѣ того, какъ населеніе становится гуще, появляются города, развиваются промышленность и торговля, расширяется кругъ потребностей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, является необходимость въ болѣе частыхъ сношеніяхъ между людьми,—древній порядокъ семейнаго строя измѣняется. Съ прогрессомъ экономической и соціальной жизни народа увеличиваются и разнообразятся роды занятій и способы пріобрѣтенія средствъ къ существованію; для отдѣльнаго лица является возможность жить личнымъ трудомъ, независимо отъ семьи, тѣмъ болѣе, что усилившаяся государственная власть гарантируетъ болѣе или менѣе личную и имущественную безопасность каждаго индивидуума, независимо отъ принадлежности его къ какому-либо семейному союзу и, слѣдовательно, прибѣгать къ защитѣ послѣдняго теперь уже нѣтъ такой надобности. Съ возрастаніемъ потребностей, увеличеніемъ сношеній, накопленіемъ знаній и процвѣтаніемъ искусствъ,

Digitized by Google

ремеслъ и торговли для способностей и талантовъ отдѣльныхъ личностей открывается обширное поле дѣятельности. Теперь отдѣльному лицу не только нѣтъ необходимости примкнуть къ какому-либо обширному семейному союзу; но, напротивъ, сожительство въ такомъ союзѣ оказывается для него часто неудобнымъ, стѣсняя его дѣятельность, прикрѣпляя его къ семьѣ, обязывая дѣлиться плодами своего труда со всѣми сочленами обширной семейной группы, не позволяя ему выбрать родъ занятій и приложить свои силы и средства туда, гдѣ это было бы для него выгоднѣе или куда ему хотѣлось-бы. Поэтому все чаще становятся случаи раздѣла семьи и выхода изъ нея отдѣльныхъ членовъ. Каждый, по мѣрѣ возможности, стремится основать свое самостоятельное хозяйство и жить независимо отъ другихъ. Семейная замкнутость рушится, слабѣютъ узы, связывавшія между собою членовъ древней семьи и умаляется значеніе послѣдней. Большія семейныя группы — роды или распадаются на свои составныя части—отдѣльныя семьи въ современномъ смыслѣ этого слова (союзъ родителей и дѣтей), изъ которыхъ каждая ведетъ свое самостоятельное хозяйство, или же обращаются въ имущественныя сообщества, гдѣ за каждымъ участникомъ признается одинаковое право на общее имущество и гдѣ глава есть только какъ-бы повѣренный, ведущій общее хозяйство съ согласія и подъ контролемъ остальныхъ сочленовъ, изъ которыхъ каждый можетъ во всякое время выйдти изъ сообщества и потребовать при этомъ выдѣла своей доли изъ общаго имущества. Отдѣльныя семьи, которыя образуются изъ распаденія одной большой семейной группы, хотя и живутъ теперь независимо другъ отъ друга, но сознаніе родственной связи между ними не утрачивается совершенно: оно высказывается въ общихъ вѣрованіяхъ, во взаимномъ правѣ ихъ членовъ на наслѣдство другъ послѣ друга и въ постоянно открытой для нихъ возможности вновь соединиться и образовать имущественное сообщество. Но и тогда, когда большія семейныя группы теряютъ уже свое значеніе и на мѣсто ихъ выступаетъ семья въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, т. е. какъ союзъ родителей и дѣтей (включая сюда и другихъ прямыхъ нисходящихъ: внуковъ и правнуковъ), внутренняя жизнь семьи и отношенія между ея членами долго еще опредѣляются прежними обычаями и вѣрованіями. Власть отца надъ остальными членами семьи все еще но-

Digitized by Google

ситъ суровый характеръ власти древняго неограниченнаго домовладыки, все болѣе смягчаясь однако, благодаря усилившемуся значенію власти общественной, которая простираетъ свое вліяніе и на внутреннюю жизнь семьи, опредѣляя точнѣе взаимныя права и обязанности ея членовъ. Мы видѣли уже выше, какъ постепенно ограничивалась власть отца надъ личностью членовъ семьи. Древній взглядъ, что только семья есть собственница имущества, все еще удерживается; но рядомъ съ этимъ все болѣе получаютъ значенія и права отдѣльныхъ членовъ ея на это имущество на нихъ начинаютъ смотрѣть, какъ на сособственниковъ его, и за каждымъ изъ нихъ признается самостоятельное право на полученіе изъ него своей доли въ случаѣ раздѣла. Вслѣдствіе этого, право отца семьи на распоряженіе этимъ имуществомъ ограничивается у него контролемъ сыновей, которые получаютъ возможность, какъ мы видѣли, въ нѣкоторыхъ случаяхъ требовать раздѣла даже при жизни отца. Мало того, за каждымъ членомъ семьи признается исключительное право на вещи, пріобрѣтенныя имъ безъ помощи семьи и не на ея средства: является различіе между имуществомъ семейнымъ (родовымъ), принадлежащимъ лицу, какъ члену семьи, вмѣстѣ съ другими ея сочленами, и благопріобрѣтеннымъ, которое не входитъ въ массу семейнаго имущества и принадлежитъ исключительно его обладателю. Вообще, имущественныя отношенія между членами семьи постепенно сводятся къ тѣмъ отношеніямъ, какія существуютъ между членами имущественнаго сообщества. Семья совершенно обращается въ такое сообщество, когда отдѣленные отцомъ сыновья вновь начинаютъ жить съ нимъ вмѣстѣ и вести общее хозяйство, или когда братья послѣ смерти отца не дѣлятся. Вмѣстѣ съ признаніемъ за отдѣльной личностью самостоятельныхъ правъ на имущество, съ увеличеніемъ случаевъ раздѣла послѣдняго между сособственниками является необходимость точно опредѣлить судьбу его, по смерти его обладателя. Кругъ лицъ, призываемыхъ къ наслѣдованію, и порядокъ ихъ призванія опредѣляется воззрѣніемъ на имущество, какъ на семейную собственность и на семью, какъ на союзъ лицъ, связанныхъ между собою агнатическимъ родствомъ.

Древнѣйшій порядокъ наслѣдованія на этомъ основаніи долженъ былъ быть слѣдующій:

Digitized by Google

На первомъ мѣстѣ призываются къ наслѣдованію сыновья умершаго и другіе нисходящіе мужескаго пола до правнука включительно, причемъ имѣетъ мѣсто право представительства. Ближайшее и преимущественное право этихъ лицъ на наслѣдованіе послѣ умершаго обусловливается не только близостью ихъ родства, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что они состояли, или могли состоять, подъ властью умершаго и составляли съ нимъ, слѣдовательно, одну семью; какъ члены этой семьи, они исключительно обязаны къ продолженію семейнаго культа и имѣютъ право на полученіе имущества. Сыновья и другіе нисходящіе, выдѣлившіеся при жизни отца изъ семьи, и основавшіе такимъ образомъ новыя семьи, не призываются, какъ мы видѣли, къ наслѣдованію при существованіи сыновей неотдѣленныхъ; для нихъ право на полученіе отцовскаго имущества возникаетъ только при отсутствіи послѣднихъ и ихъ нисходящихъ. Когда наслѣдниковъ этого рода, которыхъ можно назвать heredes sui, не осталось послѣ умершаго, и семья его такимъ образомъ погасла, то къ наслѣдованію призываются ближайшіе агнаты — члены родственныхъ семействъ. Самой близкой семьей къ умершему, послѣ его собственной, по родственной связи съ нимъ будетъ семья его отца, къ которой онъ прежде принадлежалъ самъ: къ членамъ этой семьи и переходитъ его имущество, т. е. къ отцу, его сыновьямъ, внукамъ и правнукамъ (братьямъ, племянникамъ и двоюроднымъ внукамъ умершаго). Послѣ семьи отца, ближайшею по родственной связи является семья дѣда, члены которой и призываются къ наслѣдованію (дѣдъ умершаго, его дяди, двоюродные братья и племянники). Затѣмъ наслѣдство переходитъ въ семью прадѣда (прадѣдъ, двоюродные дѣды, двоюродные дяди и троюродные братья). Весь этотъ кругъ родственниковъ, какъ мы уже знаемъ, носитъ названіе sapindas. Фюстель-де-Кулажъ справедливо приравниваетъ ихъ къ агнатамъ римскаго права. Всѣ они связаны единствомъ семейныхъ вѣрованій и обязанностью приносить хлѣбы (pinda) умершимъ предкамъ. Порядокъ, въ какомъ сапинды призываются къ выполненію этой обязанности, какъ мы уже выше сказали, есть въ тоже время и порядокъ ихъ призванія къ наслѣдованію, что и дало поводъ утверждать, будто послѣдній вытекъ изъ религіозныхъ вѣрованій. Но, какъ кажется, справедливѣе будетъ принять, что взаимныя права сапиндовъ на наслѣдство основываются на ихъ про-

Digitized by Google

исхожденіи отъ одного родоначальника и на той мысли, что они могли-бы составлять одну обширную семью подъ властью одного главы, еслибы не дѣлились, и имѣли-бы въ такомъ случаѣ не только общія вѣрованія, но и общее имущество. Законодатель, основываясь, вѣроятно, на народномъ воззрѣніи, не предполагаетъ, чтобы кругъ родственниковъ, могущихъ войдти въ составъ одной семьи, могъ простираться далѣе указаннаго имъ предѣла (4-го поколѣнія) и постановляетъ, что пятый изъ нисходящихъ не участвуетъ въ наслѣдствѣ (¹).

Само собою разумѣется, что такъ какъ весь семейный строй освященъ религіей, то индусское законодательство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозное чувство народа ставило, повидимому, въ опредѣленіи порядка наслѣдованія на первый планъ не родственныя связи и не права семьи на имущество, а требованія религіи; но несомнѣнно, что эти требованія явились не извнѣ, а вытекли изъ самаго семейнаго строя. Не религія дала право родственникамъ на полученія имущества умершаго, и опредѣлила порядокъ ихъ призванія а наоборотъ, это право вызвало соотвѣтствующее религіозное представленіе и поднялось такимъ образомъ въ народномъ воззрѣніи на степень религіознаго закона.

Когда нѣтъ въ живыхъ ни одного агната-сапинда, имущество переходитъ къ саманодакамъ, т. е. къ тѣмъ, болѣе отдаленнымъ, родственникамъ, которые хотя и сохраняютъ воспоминаніе о происхожденіи отъ одной общей семьи прародительницы, изъ которой вышла и семья умершаго, и носятъ съ послѣднимъ одно фамильное имя, но не могли принадлежать къ одной семьѣ и быть вмѣстѣ съ нимъ подъ властью одного главы. У нихъ свое имущество, своя чреда предковъ, которымъ они обязаны приносить хлѣбы; умершему-же и его предкамъ они могутъ приносить только воду. Этотъ кругъ родственниковъ обнимаетъ собою всѣхъ лицъ, носящихъ одно фамильное имя и сохраняющихъ воспоминаніе о происхожденіи отъ общаго родоначальника; всѣ они между собою gotrajas — родичи, тоже, что римскіе gentiles. Женщины, какъ мы сказали, исключались первоначально изъ числа лицъ, имѣющихъ право на наслѣдство, такъ какъ онѣ

(¹) Manou, IX, 185—187.

Digitized by Google

и вообще не признавались способными имѣть свое имущество и самостоятельно распоряжаться имъ. Но когда случаи раздѣла семействъ стали часты, то явилась необходимость обезпечить при этомъ раздѣлѣ положеніе женскаго персонала семьи, и уже въ законахъ Ману за женщиной признается право собственности на ея особое имущество, въ составъ котораго входитъ все, „что было дано женщинѣ ея отцомъ, матерью, мужемъ или братомъ, что она получила при выходѣ замужъ или по случаю вступленія ея мужа въ бракъ съ другою женщиной, и другимъ подобнымъ путемъ (¹)". Мужъ, потратившій что-либо изъ этого имущества, обязанъ вознаградить жену, исключая того случая, когда имущество было израсходовано имъ вслѣдствіе крайней нужды (голода, болѣзни и т. п.) (²). Кромѣ того, озабочиваясь положеніемъ женщины, законъ постановилъ выдавать женѣ при семейныхъ раздѣлахъ часть имущества, равную долѣ сыновей, если у нея не было своего особаго имущества, полученнаго отъ мужа или свекра при раздѣлѣ; но и въ противномъ случаѣ она получаетъ все-таки половину противъ сыновней доли (³). Дочерямъ, которыя не имѣютъ права участвовать въ раздѣлѣ семейнаго имущества при жизни отца, по смерти послѣдняго выдается сыновьями его, въ случаѣ раздѣла между ними, $^1/_4$ сыновней доли (⁴). Имущество, доставшееся женщинѣ такимъ путемъ, тоже составляетъ ея собственность. Мало по малу чувство естественной привязанности къ лицамъ женскаго пола, связаннымъ узами ближайшаго родства, заставляетъ находить все болѣе несправедливымъ лишеніе ихъ права на наслѣдованіе въ пользу болѣе отдаленныхъ агнатовъ мужескаго пола. Сначала женщина (жена или дочь) призывается къ наслѣдованію послѣ отца или мужа, умершаго безъ мужскаго потомства только въ томъ случаѣ, когда на ней лежитъ обязанность доставить

(¹) Mitakchara, 2, sect. XI. Manou, IX, 194. Jajnavalkya, II, 143. *Crémazy*, «Le droit hindou et le droit français comparés». Revue de législation 1876, p. 65 et suiv.

(²) Jâjnavalkya, II. 147. Vyavahara-sara-sangraha, part. 2, sect. I, § 31.

(³) Mitakchara, 1, sect. II, § 9 и 2, sect. I, § 31.

(⁴) Mitakchara, 1, sect. VII, § 5 и слѣд.

Digitized by Google

ему сына, къ которому и перейдетъ впослѣдствіи наслѣдственное имущество; затѣмъ постепенно устанавливается взглядъ, что жена и дочери ближе къ умершему по родственной связи, чѣмъ его восходящіе или боковые агнаты, что онѣ, какъ члены его собственной семьи, должны имѣть болѣе правъ на полученіе послѣ него имущества, чѣмъ эти послѣдніе, и потому должны быть призываемы къ наслѣдованію послѣ умершаго, если у него не осталось мужскаго потомства. Вслѣдствіе этого признанія за женщиной права на наслѣдство древній порядокъ призванія къ нему измѣнился, и въ современномъ индусскомъ правѣ онъ является въ слѣдующемъ видѣ (¹):

А. Прежде всего призываются къ наслѣдованію законные и усыновленные сыновья умершаго и ихъ нисходящіе мужскаго пола до правнука включительно, причемъ имѣетъ мѣсто право представительства (²). Если-же умершій не оставилъ мужскаго потомства, то ему наслѣдуетъ жена его (³), а ког-

(¹) *Gans*, Erbrecht, I s. 251 и слѣд. *Crémazy*, «La loi des successions dans le droit hindou moderne».

(²) Всѣ законные сыновья имѣютъ одинаковое право на наслѣдственное имущество и при раздѣлѣ его получаютъ равныя доли. Право первородства не имѣетъ примѣненія въ вѣкъ Kali-youga. О правахъ сыновей усыновленныхъ было сказано выше (см. стр. 43 примѣч. 1). Долю сыновей, умершихъ до раздѣла, получаютъ ихъ сыновья и внуки по праву представительства. См. Mitakchara, 1, sect. III, V и IX. Manou, IX, 104—184 и др. Jâjnavalkya, II, 117. Gesetzbuch der Gentoo's kap. II. 1. Vyavahara-sara-sangraha, part. 2. ch. XIII. § 2.

(³) Относительно права вдовы на имущество, оставшееся послѣ ея супруга, не оставившаго мужскаго потомства, индусскіе юристы и доселѣ еще не согласны между собой. Бенгальская школа признаетъ за вдовой только право на пожизненное пользованіе имуществомъ ея умершаго мужа безъ права отчужденія. Вдова не можетъ ни продавать его, ни закладывать, исключая указанныхъ въ законѣ случаевъ крайней необходимости. По смерти ея оно переходитъ къ родственникамъ мужа. Школа Бенареса, напротивъ, даетъ вдовѣ право собственности на имущество умершаго супруга и по смерти ея призываетъ къ полученію этого имущества наслѣдниковъ ея, а не мужа. Всѣ эти права вдова имѣетъ только въ томъ случаѣ, если не вступаетъ во второй бракъ. Mitakchara, h. 2, sect. 1 и примѣч. переводчика.

Digitized by Google

да и этой послѣдней нѣтъ въ живыхъ, то наслѣдство переходитъ къ дочерямъ и сыновьямъ дочерей (¹).

В. Если послѣ умершаго не осталось въ живыхъ ни одного изъ поименованныхъ здѣсь членовъ семьи его, то къ наслѣдству призывается семья его родителей, т. е. отецъ, мать, затѣмъ братья и ихъ нисходящіе мужескаго пола. Если нѣтъ на лицо сапиндовъ умершаго изъ этой семьи, то наслѣдство переходитъ сначала въ семью родителей его отца, т. е. къ нему призываются дѣдъ и бабка умершаго и ихъ нисходящіе мужскаго пола до 4-й степени, а затѣмъ въ семью родителей его дѣда, т. е. къ прадѣду, прабабкѣ и ихъ нисходящимъ мужскаго пола до той-же степени (²).

(¹) Незамужнія дочери предпочитаются замужнимъ, которыя наслѣдуютъ только въ случаѣ отсутствія первыхъ. Сынъ дочери также призывается къ наслѣдству вслѣдъ за послѣдней на томъ основаніи, что законъ (Manou, IX, 136) уподобляетъ его сыну сына и считаетъ обязаннымъ приносить хлѣбы своему умершему дѣду по матери. Mitakchâra, ch. 2, sect. II. Когда наслѣдниками умершаго являются сыновья его дочерей, то они дѣлятъ между собою имущество по ровну, сколько-бы ихъ ни было. Gesetzbuch der Gentoo's l. c.

(²) Относительно правъ матери и другихъ восходящихъ женскаго пола на наслѣдство послѣ умершаго существуетъ опять-таки разногласіе. По мнѣнію школы Бенареса, мать наслѣдуетъ первая, а отецъ призывается къ наслѣдству только послѣ нея. Мнѣніе это основывается на томъ, что мать ближе къ своимъ дѣтямъ по родственной связи, чѣмъ отецъ, у котораго могутъ быть дѣти и отъ другихъ женъ. Бенгальская школа юристовъ, напротивъ, считаетъ отца ближайшимъ родственникомъ и призываетъ его къ наслѣдству раньше матери. Точно также юристы первой школы даютъ бабкѣ и прабабкѣ преимущество передъ дѣдомъ и прадѣдомъ; а противники ихъ, наоборотъ, призываютъ къ наслѣдованію дѣда прежде бабки и прадѣда раньше прабабки. Послѣднее мнѣніе, болѣе согласуется съ духомъ индусскаго законодательства. См. Mitakchara, 2, sect. III и V и примѣч переводчика къ этимъ отдѣламъ; ср. Gesetzbuch der Gentoo's l. c. и Vyavahara saramsangraha, part. 2, ch. XIII, § 13. VI. (Въ послѣднемъ источникѣ наслѣдницей является бабка умершаго по матери, которая предпочитается дѣду съ отцовской стороны; за то бабка и прабабка съ отцовской стороны не упоминаются въ числѣ наслѣдниковъ). Между братьями умершаго полнородные исключаютъ единокровныхъ. Къ сыновьямъ братьевъ не примѣняется право представительства, и они наслѣдуютъ поголовно. Школа Бенареса не допускаетъ къ наслѣдству сыновей племянниковъ умершаго; но школа Бенгала въ этомъ слу-

Digitized by Google

C. При отсутствіи сапиндовъ умершаго, къ наслѣдованію призываются саманодаки (1).

D. Когда не найдется въ живыхъ ни одного изъ родичей умершаго, тогда призываются къ наслѣдованію когнаты (bandhu) (2).

E. При отсутствіи родственниковъ послѣдняго рода, имущество умершаго наслѣдуютъ посторонніе въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва духовный учитель умершаго, затѣмъ его ученикъ, потомъ товарищъ по ученію, наконецъ брамины, если умершій принадлежалъ къ ихъ кастѣ; въ противномъ же случаѣ имущество, какъ res vacans, поступаетъ къ раджѣ (3).

Весь этотъ порядокъ наслѣдованія установленъ, какъ говоритъ законъ, для того, чтобы обезпечить умершему послѣ его смерти выполненіе необходимыхъ для его блаженства за гробомъ очистительныхъ жертвъ и религіозныхъ церемоній (4). Во всякомъ случаѣ, всматриваясь ближе въ эти опредѣленія индуескаго права о порядкѣ призванія къ наслѣдству, нельзя не придти къ заключенію, что въ основаніи его лежитъ воззрѣніе на имущество, какъ на собственность семьи.

чаѣ слѣдуетъ строгому предписанію законовъ Маву, не допускающихъ къ наслѣдству только пятаго въ ряду нисходящихъ (Manou, IX, 186, 187). Сестры умершаго, а также сестры его отца, дѣда и т. д. не имѣютъ права на полученіе наслѣдства (хотя есть и противуположное мнѣніе на этотъ счетъ), но бенгальская школа признаетъ наслѣдниками сыновей этихъ сестеръ. Mitakchara, 2, sect. IV. Cesetzbuch der Gentoo's l. c. Такъ какъ съ признаніемъ за женщиной права имѣть свое имущество и съ допущеніемъ лицъ женскаго пола къ наслѣдованію удержалось въ индусскомъ законодательствѣ старое понятіе о родствѣ, какъ о связи агнатовъ, то, естественно, возникло много недоразумѣній относительно порядка призванія родственниковъ къ наслѣдству послѣ умершаго, что и повело къ большимъ разногласіямъ между юристами.

(1) *Crémazy*. «La loi des successions etc. Nouvelle Revue historique de droit. 1879. p. 358—360. Mitakchara, 2, sect. V, VI. Vyavahara-sara-sangraha, 2, Ch. XIII, § 13.

(2) Ibid.

(3) Ibid. Manou, IX. 189.

(4) Manou, IX. 188 in fine.

Digitized by Google

Совершенно иной порядокъ наслѣдованія установленъ закономъ по отношенію къ имуществу, оставшемуся послѣ женщины (1). Особое имущество дѣвицы по смерти ея переходитъ къ ея братьямъ, а за неимѣніемъ ихъ къ матери, потомъ къ отцу умершей (2). Относительно же порядка наслѣдованія въ имуществѣ, оставшемся послѣ замужней женщины, хотя и существуетъ большое разногласіе въ мнѣніяхъ индусскихъ законовѣдовъ, но по общему правилу наслѣдницами въ этомъ случаѣ являются дочери ея. Онѣ дѣлятъ между собою то, что остается отъ имущества ихъ матери за уплатою долговъ. При неимѣніи дочерей имущество умершей матери переходитъ къ сыновьямъ ея (3). Вышеуказанный порядокъ наслѣдованія можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда умершій не былъ членомъ имущественнаго сообщества, о чемъ мы уже говорили выше (4).

Намъ нѣтъ надобности входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе правилъ индусскаго права, опредѣляющихъ порядокъ призванія къ наслѣдованію, такъ какъ мы изложили здѣсь эти правила только для того, чтобы показать, какъ крѣпко держится доселѣ въ индусскомъ правѣ воззрѣніе, что собственница имущества есть семья, а не отдѣльные члены ея. Теперь посмотримъ, какъ это воззрѣніе отразилось на интересующемъ собственно насъ ученіи объ отвѣтственности наслѣдниковъ за долги умершаго оставителя наслѣдства.

Индія, какъ мы уже сказали, представляетъ любопытный примѣръ страны, въ которой издавна существуетъ рядомъ различныя формы собственности и общежитія. Не говоря уже о томъ, что земельная собственность принадлежитъ тамъ часто цѣлой общинѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ семействъ, иногда связанныхъ между собою единствомъ происхожденія, иногда совершенно неродственныхъ, между которыми, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ нашемъ

---

(1) См. *Crémazy*, «La loi des successions dans le droit hindou moderne».

(2) Id.

(3) Id.

(4) См. выше, стр. 28.

Digitized by Google

отечествѣ, совершаются время отъ времени передѣлы земельныхъ участковъ (1), мы встрѣчаемся тамъ съ другой формой коллективной собственности, съ собственностью семейной. Семья при этомъ то является въ своемъ естественномъ видѣ, то въ видѣ имущественнаго сообщества, въ составъ котораго могутъ входить нѣсколько естественныхъ семей. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Индіи давно уже существуетъ и частная собственность отдѣльнаго лица, которая можетъ принадлежать ему независимо отъ того, состоитъ онъ или нѣтъ членомъ какой либо семейной группы (2). Очевидно, что та и другая форма собственности, т. е. собственность индивидуальная и собственность коллективная, существуя одновременно, постоянно вліяютъ одна на другую. Борьба между принципомъ, по которому за каждой отдѣльной личностью признается право на самостоятельное обладаніе имуществомъ,—и другимъ болѣе древнимъ воззрѣніемъ, признающимъ право собственности на имущество не за отдѣльной личностью, а за родственнымъ союзомъ, повела къ той запутанности, которая существуетъ въ опредѣленіяхъ индусскаго законодательства, относящихся къ праву собственности, правамъ семейному и наслѣдственному. Такъ, многія правила этого законодательства, опредѣляющія права индивидуума на лично ему принадлежащее имущество, особенно постановленія о наслѣдственномъ переходѣ этого имущества явились, очевидно, какъ слѣдствіе того принципа, что собственница имущества есть семья. Съ другой стороны, несомнѣнно, что признаніе за отдѣльнымъ лицомъ исключительнаго права на обладаніе принадлежащимъ ему лично имуществомъ повело къ измѣненію личныхъ и имущественныхъ отношеній между членами родственныхъ союзовъ и оказало существенное вліяніе на характеръ послѣднихъ: соединенная семья, составлявшая естественное продолженіе семьи обыкновенной и разростаившаяся въ обширный союзъ родственныхъ лицъ, всѣ отношенія между которыми складывались по образцу семьи есте-

(1) См. Мэнъ. Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ.

(2) См. выше, стр. 27—29. Прекрасный очеркъ исторіи поземельной собственности въ Индіи см. въ соч. *Ковалевскаго*, «Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія». Москва, 1879 г. ч. I.

Digitized by Google

ственной, обратилась мало по малу въ *имущественное сообщество*, составляемое по свободному желанію его членовъ и легко распадающееся при первомъ несогласіи между ними; а естественная семья, съ смягченіемъ родительской власти и съ постепеннымъ признаніемъ личныхъ и имущественныхъ правъ за каждымъ ея сочленомъ, хотя и сохранила еще по настоящее время многія черты древней патріархальной семьи, однако приблизилась тоже къ типу имущественнаго сообщества, отъ котораго отличается лишь большимъ авторитетомъ власти своего главы—отца. Вслѣдствіе постояннаго столкновенія противорѣчивыхъ понятій и взглядовъ на имущественныя отношенія внутри семейныхъ союзовъ и правила, опредѣляющія взаимную отвѣтственность членовъ этихъ союзовъ другъ за друга, какъ при жизни всѣхъ, такъ и на случай смерти котораго либо, кажутся на первый взглядъ весьма запутанными. Трудно объяснить себѣ: почему въ одномъ случаѣ наслѣдники, даже не получивъ наслѣдства, привлекаются къ отвѣтственности по долгамъ умершаго, а въ другомъ нѣтъ? почему одинъ обязывается платить эти долги собственнымъ имуществомъ, а другой только обязанъ выдать кредиторамъ полученную долю? на какомъ основаніи одинъ платитъ эти долги съ процентами, другой можетъ отказаться отъ уплаты послѣднихъ? и т. д. Всѣ эти вопросы уясняются только при болѣе внимательномъ отношеніи къ нимъ. И тогда невольно проникаешься уваженіемъ къ индусскимъ законодателямъ и законовѣдамъ, которые умѣютъ рѣшать самыя запутанныя юридическія задачи, руководствуясь чувствомъ справедливости.

Всѣ члены индусской семьи, когда они ведутъ общее хозяйство, будетъ-ли то семья соединенная или обыкновенная, связаны между собою такъ сказать круговою порукой по отношенію къ общимъ дѣламъ и платятъ долги, сдѣланные членомъ семьи для нуждъ послѣдней. Хозяйство въ семьѣ ведетъ глава ея, который обыкновенно и заключаетъ сдѣлки съ посторонними; очевидно, онъ первый и отвѣтственъ за свои дѣйствія (¹). Отвѣтственность эту раздѣляютъ съ нимъ всѣ члены его семьи (²), иначе и быть не можетъ при общности

(¹) Vyavahara-sara-sangraha 2, § 22, 1.

(²) Vyavahara-sara-sangraha 2, § 15, 1.

Digitized by Google

имущества; но послѣдніе отвѣчаютъ только тогда, когда возможно предположеніе, что глава въ своихъ дѣйствіяхъ руководствовался заботой о нуждахъ семьи и имѣлъ въ виду ея пользу, а не исключительно свою личную выгоду или удовлетвореніе своихъ прихотей. Здѣсь ясно выступаетъ разница въ отношеніяхъ главы къ подвластнымъ въ семьѣ соединенной и въ семьѣ естественной. Хотя отецъ въ семьѣ естественной, также какъ и глава семьи соединенной, не можетъ отчуждать семейную недвижимость безъ согласія другихъ взрослыхъ членовъ семьи, но онъ болѣе свободенъ въ своемъ правѣ распоряженія семейнымъ имуществомъ, чѣмъ послѣдній: онъ дѣйствительно хозяинъ этого имущества, тогда какъ глава семьи соединенной скорѣе ея уполномоченный, управляющій дѣлами отъ ея имени. Сыновья неотдѣленные хотя и имѣютъ вмѣстѣ съ ихъ отцомъ право собственности на имущество, дошедшее отъ предковъ, но это право менѣе обширно, чѣмъ право сочленовъ семьи соединенной на имущество сообщества. Глава сообщества, будучи только управителемъ, не можетъ отчуждать ни движимыхъ, ни недвижимыхъ имуществъ сообщества безъ явнаго или молчаливаго согласія членовъ его. Правда, что согласіе это предполагается, что существуетъ легальная презумпція, въ силу которой всѣ дѣйствія главы сообщества считаются предпринятыми имъ не въ личномъ интересѣ, а въ интересахъ всего сообщества; но сочлены всегда могутъ опровергнуть это предположеніе доказательствомъ противнаго, и разъ будетъ доказано, что глава семьи заключилъ извѣстное обязательство, наблюдая исключительно свой личный интересъ и въ ущербъ интересамъ остальныхъ сочленовъ, они могутъ тогда требовать съ него возмѣщенія убытковъ или просить объ обращеніи взысканія по такому обязательству лишь на его долю; послѣднее, впрочемъ, допускается лишь подъ условіемъ, чтобы не были нарушены интересы третьяго лица, дѣйствовавшаго добросовѣстно. Если-же будетъ доказано, что третье лицо дѣйствовало недобросовѣстно, т. е., по уговору съ самимъ главою, вступило съ нимъ въ сдѣлку въ ущербъ интересамъ сообщества, то сочлены могутъ требовать уничтоженія такой сдѣлки. Такимъ образомъ можно сказать, что отвѣтственность за дѣйствія главы лежитъ на сочленахъ сообщества лишь дотолѣ, пока первый дѣйствуетъ съ ихъ вѣдома и согласія. Въ семьѣ естественной, напро-

Digitized by Google

тивъ, отецъ имѣетъ безконтрольное право отчужденія движимостей и стѣсненъ согласіемъ совершеннолѣтнихъ сыновей только по отношенію къ праву распоряженія семейными недвижимостями; да и тутъ законъ указываетъ случаи, когда отецъ можетъ отчуждать эти имущества, не спрашивая согласія сыновей, и перечисляетъ также основанія, по которымъ послѣдніе имѣютъ право протестовать противъ такого отчужденія. Всѣ распоряженія и дѣйствія отца семьи естественной считаются клонящимися къ пользѣ ея, и заключенныя имъ обязательства могутъ быть признаны недѣйствительными, даже если они состоятъ въ безмездномъ отчужденіи семейныхъ недвижимостей, лишь въ томъ случаѣ, когда взрослые члены семьи докажутъ, что отецъ дѣйствовалъ на этотъ разъ въ ущербъ семьѣ по причинамъ безнравственнымъ или по отсутствію всякихъ способностей къ веденію дѣлъ семьи (¹). Вслѣдствіе этого, отвѣтственность членовъ семьи естественной по обязательствамъ, заключеннымъ ихъ главою, строже отвѣтственности членовъ семьи соединенной, что и должно быть при большемъ авторитетѣ власти отца, сравнительно съ властью главы сообщества, а также въ силу большей крѣпости связи между членами естественной семьи и большей солидарности ихъ интересовъ. По правилу, каждый членъ семьи или сообщества, кромѣ главы, можетъ обязываться только за себя, и ни глава, ни остальные члены не отвѣчаютъ за него, если съ ихъ стороны не было на это предварительнаго согласія. Но когда любой изъ членовъ семьи естественной или соединенной сдѣлалъ долгъ въ общихъ интересахъ и на общія нужды съ согласія главы или даже безъ вѣдома послѣдняго, если въ займѣ предстояла настоятельная надобность, а согласіе главы получить было невозможно или затруднительно (во время его болѣзни или долговременнаго отсутствія, а также при какихъ либо чрезвычайныхъ обстоятельствахъ: для спасенія семьи, поддержанія ея чести, для

(¹) См. выше стр. 38—40. *Crémazy*, «Le droit Hindou actuellement en vigueur dans les établissements français de l'Inde (Revue generale du droit, de la législation et de la jurisprudence en France et à l'étranger. 1879 г. livr. I, III, V), а также выше цитированную нами статью того же автора, «Le droit hindou et le droit français comparés. ch. V. De la communauté (1). (Revue de legislation ancienne et moderne français et étranger 1876, стр. 324 и слѣд.)

Digitized by Google

приношенія умершимъ и т. п.), въ такихъ случаяхъ какъ глава, такъ и всѣ члены этой семьи или сообщества обязаны уплатить этотъ долгъ (¹). Такимъ образомъ, основаніемъ обязанности платить долгъ за родственника служитъ не родственная связь сама по себѣ, а то обстоятельство, что долгъ былъ заключенъ въ общихъ интересахъ или съ общаго согласія. За сдѣланный которымъ-либо членомъ семьи для личныхъ своихъ цѣлей долгъ отвѣчаетъ онъ самъ своимъ имуществомъ; а остальные сочлены семьи или сообщества платить не обязаны. „Отецъ не отвѣчаетъ за долги сына, ни мужъ за долги жены, ни жена за долги мужа, если на уплату такихъ долговъ не было предварительнаго со стороны этихъ лицъ согласія. Сыновья, раздѣлившіеся съ отцомъ, не отвѣчаютъ за долги, сдѣланные имъ послѣ этого раздѣла, а обязанность эта лежитъ на сыновьяхъ неотдѣленныхъ, живущихъ вмѣстѣ съ отцомъ". Ясно, такимъ образомъ, что къ отвѣтственности за долги, сдѣланные кѣмъ-либо, могутъ, кромѣ самого обязавшагося должника, быть привлечены также члены его семьи или того сообщества, къ которому онъ принадлежитъ, если долгъ былъ заключенъ имъ не для личныхъ цѣлей, а для удовлетворенія нуждъ семьи; въ противномъ же случаѣ, для привлеченія этихъ лицъ къ отвѣтственности за обязавшагося ихъ сочлена нужно, чтобы они изъявили свое согласіе на совершеніе этого обязательства и сами приняли на себя отвѣтственность по нему (²). Всѣ эти положенія необходимо имѣть въ виду при рѣшеніи вопроса о томъ, кто и въ какой мѣрѣ долженъ платить долги умершаго. Одни лица могутъ быть привлечены къ отвѣтственности по этимъ

(¹) Главѣ семьи предоставляется на волю платить или не платить долги своихъ подвластныхъ, сдѣланные не на нужды семьи и безъ его согласія; но онъ обязанъ уплатить долгъ, сдѣланный съ его согласія кѣмъ-либо изъ членовъ семьи, по какимъ бы то ни было мотивамъ, хотя-бы и не для поддержки семьи. Остальные члены сообщества въ послѣднемъ случаѣ не отвѣчаютъ. Существуетъ законная презумпція, что всякій долгъ, заключенный каждымъ членомъ семьи, исключая ея главы, сдѣланъ имъ въ собственныхъ интересахъ; противное должно быть доказано. См. Vyavahara-sara-sangraha, 2, § 22, III—VI. Manou, VIII, 166. Djadjavalkya, II, 45—49. Gesetzbuch der Gentoo's, Kap. I, Abschn. 4.

(²) См. указанныя въ предыдущемъ прим. цитаты, а также Gesetzbuch der Gentoo's, Kap. II, Ab. 14; Vyavahara-sara-sangraha, 2, § 23, II in fine и статья *Crémazy*, цитир. на стр. 66, прим. 1.

Digitized by Google

долгамъ на томъ основаніи, что были членами одной семьи или одного сообщества съ умершимъ и должны поэтому платить всѣ долги, которые были сдѣланы имъ въ общихъ интересахъ или съ общаго согласія; на другихъ отвѣтственность падаетъ потому, что къ нимъ перешло имущество умершаго; третьи, наконецъ, могутъ быть отвѣтственными по обоимъ основаніямъ вмѣстѣ. Смотря по различію основаній, одни могутъ быть обязаны къ уплатѣ долговъ умершаго даже собственными средствами, отвѣтственность же другихъ ограничивается средствами полученнаго ими имущества умершаго, и они всегда могутъ избѣгнуть ея, выдавъ это имущество сполна на удовлетвореніе кредиторовъ.

Изъ всего сказаннаго выше видно, что правила индусскаго права объ обязанностяхъ наслѣдниковъ платить долги оставителя наслѣдства могутъ быть поняты и ясно излагаемы только въ связи съ правилами объ отвѣтственности всѣхъ членовъ семейнаго союза за долги своего сочлена.

Прежде всего, конечно, намъ придется говорить объ отвѣтственности за долги отца семьи его нисходящихъ мужескаго пола, т. е. сыновей и внуковъ, такъ какъ эти лица всего чаще призываются къ уплатѣ долговъ за своего предка, и объ этой обязанности ихъ весьма подробно трактуется въ источникахъ индусскаго права. Религіозныя воззрѣнія народа дѣлаютъ уплату по обязательствамъ предка нравственной обязанностью потомковъ, которые должны заботиться о доставленіи ему счастія въ жизни загробной. Умереть, не уплативъ долга,—это грѣхъ, за который умершаго ожидаетъ наказаніе: „онъ возродится вновь для того, чтобы работать на кредитора въ видѣ его рабочаго, или женщины, или раба, или лошади, или вола, или осла (1)“, если потомки не выплатятъ за него. Понятно, что такое религіозно-нравственное воззрѣніе на обязанности должника могло отразиться въ постановленіяхъ закона объ отвѣтствен-

(1) Vyavahara-sara-sangraha, 2, § 15. Ill. *Crémazy* (Nouvelle revue historique de droit etc. 1879. № 4 p. 363) приводитъ текстъ *Katyayana*'ы, который, налагая на сына обязанность платить отцовскіе долги, угрожаетъ ему, если онъ не выполнитъ этого долга, наказаніемъ въ жизни загробной, и текстъ *Nareda*, подобнаго же содержанія. — См. также и Revue de législation anc. et moder. français et étrang. 1876 г. стр. 314.

Digitized by Google

ности нисходящихъ за долги ихъ предковъ, дѣлая эту отвѣтственность очень строгой; но и помимо религіозно-нравственныхъ мотивовъ, обосновывающихъ нравственную обязанность сыновей платить долги отца, строгость эта обусловливается причинами, лежащими въ ихъ имущественныхъ и личныхъ отношеніяхъ къ отцу. Сыновья еще при жизни отца, составляя одну семью съ нимъ, повинуясь его власти, направляющей, по предположенію закона, всю свою дѣятельность на пользу семьи, несутъ на себѣ всѣ выгодныя и невыгодныя послѣдствія его распоряженій. Въ случаяхъ, когда отецъ теряетъ навсегда или на продолжительное время возможность самъ вести семейное хозяйство, взрослые сыновья, естественно, тотчасъ занимаютъ его мѣсто: они могутъ тогда, какъ мы уже видѣли, заключать обязательство отъ имени всей семьи; они же должны отвѣчать и предъ кредиторами ихъ отца, которые суть, собственно говоря, кредиторы семьи, такъ какъ всякій долгъ, сдѣланный отцомъ, законъ считаетъ сдѣланнымъ въ пользу семьи и потому налагаетъ на членовъ ея обязательство выплатить его. Конечно, здѣсь мы должны принять во вниманіе разницу, которая существуетъ между положеніемъ сыновей отдѣленныхъ и неотдѣленныхъ. Первые, принявъ на себя при выдѣлѣ имъ имущества часть семейныхъ долговъ, соотвѣтствующую полученнымъ ими долямъ, не имѣютъ болѣе ничего общаго ни съ имуществомъ, ни съ долгами отца, пока живъ послѣдній и пока онъ въ состояніи самъ вести свое хозяйство; по смерти его, а также при наступленіи какого-либо обстоятельства (тяжкая и неизлечимая болѣзнь, отреченіе отъ міра и поступленіе въ отшельники, продолжительное отсутствіе изъ мѣста постояннаго жительства и т. п.), лишающаго его возможности продолжать лично распоряжаться своимъ имуществомъ, сыновья отдѣленные не могутъ вмѣшиваться въ его дѣла и не могутъ получить наслѣдства послѣ него, если есть на лицо сыновья неотдѣленные, къ которымъ переходитъ тогда все имущество отца, какъ оставшееся у него при раздѣлѣ, такъ и пріобрѣтенное имъ послѣ того, и на которыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, падаетъ обязанность платить всѣ долги отца (¹). Другое дѣло, если отдѣленный

(¹) Manou, VIII, 166. Jâjnavalkya, II, 45. Vyavahara-sara-sangraha, 2. cap. I, § 18, 1 и § 18, II. Gesetzbuch der Gentoo's, Kap. 2, 13, s. 226,

сынъ вновь присоединяется къ отцу, т. е. вступаетъ съ нимъ въ имущественное сообщество: тогда, хотя бы у отца и были, кромѣ этого сына, сыновья неотдѣленные, первый по смерти отца дѣлитъ съ послѣдними имущество и долги отцовскіе поровну (1). Однако нельзя сказать, что сынъ отдѣленный, вступая вновь въ сообщество съ отцомъ, становится въ тоже положеніе къ имуществу и къ долгамъ послѣдняго, въ какомъ онъ находился бы, оставаясь сыномъ неотдѣленнымъ. Законъ говоритъ: если у отца, послѣ его раздѣла съ дѣтьми, родится еще сынъ, то хотя бы сыновья отдѣленные и вступили въ имущественное сообщество съ отцомъ, тѣмъ не менѣе все имущество, пріобрѣтенное отцомъ послѣ раздѣла безъ помощи сыновей отдѣленныхъ и не на средства общей имущественной массы, по смерти его должно перейдти къ сыну неотдѣленному; а сыновья, вновь вступившіе съ отцомъ въ сообщество, не получаютъ изъ этого имущества ничего; за то они не платятъ и долговъ, сдѣланныхъ отцомъ послѣ раздѣла съ ними и въ его личныхъ интересахъ, такіе долги долженъ платить сынъ неотдѣленный. Разумѣется, имущество, пріобрѣтенное общимъ трудомъ и на общія средства, а также долги, которые отецъ дѣлалъ не исключительно для себя, а для нуждъ всего сообщества, дѣлятся между членами послѣдняго поровну (2). Здѣсь мы видимъ новое подтвержденіе того положенія, что члены семьи отвѣчаютъ за дѣйствія главы тогда, когда послѣднія совершены въ ихъ интересѣ. Итакъ, забота о дѣлахъ семьи и отвѣтственность за долги отца прежде всего падаетъ на неотдѣленныхъ сыновей, въ руки которыхъ переходитъ все семейное хозяйство, когда отца ихъ постигаетъ тяжкая и неизлечимая болѣзнь, лишающая его возможности управлять дѣлами семьи, когда онъ самъ отрекается отъ міра, или когда онъ удаляется изъ мѣста своего жительства, равно, какъ и въ случаѣ его смерти (3). Замѣтимъ здѣсь, что для обя-

(1) Manou, IX, 216. Mitakchara, 1. sect. VI. Gesetzbuch der Gentoo's. Kap 2, 13, s. 219, 220 и 226.

(2) См. цитаты въ примѣч. 1.

(3) Vyavahara-sara sangraha, 2, ch. I, § 18, II, III, § 22. VI, ch. XIII, § 2. VI, VII. Gesetzbuch der Gentoo's. Kap. I, 3. s. 152. «Если слѣпорожденный, разслабленный, слабоумный пораженный проказою и т. п. живетъ въ домѣ своего сына, то сынъ долженъ платить долги отца; но если послѣдній живетъ отдѣльно и дѣлаетъ долги, то онъ долженъ самъ платить ихъ и сынъ за него не отвѣчаетъ».

Digitized by Google

занности сына неотдѣленнаго платить долгъ безвѣстно отсутствующаго отца не требуется, кажется, чтобы это отсутствіе продолжалось извѣстное число лѣтъ; нужно только, чтобы во время наступленія срока уплаты долга должникъ отсутствовалъ, для того чтобы кредиторъ могъ обратиться съ требованіемъ объ удовлетвореніи къ неотдѣленнымъ сыновьямъ, которые въ этомъ случаѣ являются необходимыми представителями ихъ отца. Конечно, если извѣстно, что отецъ находится въ кратковременной отлучкѣ изъ мѣста жительства, то сыновья его, во время его отсутствія, не могутъ быть принуждены къ уплатѣ его долговъ (¹). Когда нѣтъ сыновей неотдѣленныхъ, то какъ имущество, такъ и долги отца во всѣхъ вышеуказанныхъ случаяхъ переходятъ на сыновей отдѣленныхъ. Однако, въ случаѣ отсутствія отца кредиторъ можетъ обратиться съ искомъ къ отдѣленнымъ сыновьямъ лишь тогда, когда это отсутствіе было безвѣстное и когда оно продолжалось не менѣе 20 лѣтъ. Очевидно, что до истеченія этихъ 20-ти лѣтъ право собственности на имущество отсутствующаго еще не переходитъ къ сыновьямъ его, и взыскивать лично съ нихъ отцовскій долгъ кредиторъ, ранѣе истеченія указаннаго въ законѣ срока, не имѣетъ никакого права. Ничто не препятствуетъ, конечно, отдѣленнымъ сыновьямъ удовлетворить кредиторовъ безвѣстно отсутствующаго отца и до истеченія этого срока, если сыновья сами пожелаютъ сдѣлать это. Во всемъ остальномъ отношеніе сыновей отдѣленныхъ къ имуществу и къ долгамъ, оставленнымъ имъ отцомъ, таково же, каково было-бы, если-бы они были сыновьями неотдѣленными (²). Законъ какъ будто пред-

(¹) Vyavahara-sara-sangraha, 2, ch. II, § 15, I, § 18, I in fine, § 22, IV. Впрочемъ, и отдѣленный сынъ можетъ быть принужденъ къ уплатѣ долга за своего отца при его жизни въ томъ случаѣ, когда послѣдній рѣшительно не въ состояніи уплатить его самъ, а сынъ имѣетъ средства. Gesetzbuch der Gentoo's, Kap. X, s. 450.

(²) Jajnavalkya, II, 50. Gesetzbuch der Gentoo's, Kap. I, Ab. 4: «Если человѣкъ, обремененный долгами, уходитъ изъ страны и остается въ отсутствіи 20 лѣтъ, то сынъ его долженъ уплатить долги . . . До истеченія 20-ти лѣтняго срока кредиторы не имѣютъ права принуждать его къ этой уплатѣ». См. также Vyavahara-sara-sangraha, 2, ch. I, § 18, I и II, ch. 43 § 2, VI, VII.

Digitized by Google

полагаетъ, что хотя отецъ и раздѣлился съ сыновьями, но тѣмъ не менѣе вся его хозяйственная дѣятельность и послѣ этого раздѣла все-таки направлялась въ пользу прямыхъ его наслѣдниковъ. Послѣ смерти отца, если не осталось у него сыновей неотдѣленныхъ, фактъ раздѣла его съ сыновьями теряетъ свое значеніе, и на первый планъ опять выступаетъ идея единства семьи и общности ея имущества и интересовъ. Отецъ можетъ оставить или не оставить послѣ себя имущество; но кредиторы все-таки могутъ обратиться съ исками къ его сыновьямъ, которые обязаны платить его долги во всякомъ случаѣ. Что касается до права отреченія отъ наслѣдства по несоразмѣрности его съ долгами, то этого права индусское законодательство сыновьямъ не даетъ. Оно говоритъ только о томъ, что сынъ можетъ отказаться отъ своей доли при раздѣлѣ общаго имущества, причемъ эта доля дѣлится между другими братьями его, которые и платятъ долги отца. Законъ такимъ образомъ здѣсь предвидитъ только тотъ случай, когда активнаго имущества больше, чѣмъ долговъ, и напрасно стараются вывести отсюда, что индусское законодательство всегда даетъ наслѣднику право отказаться отъ наслѣдства и избѣжать такимъ образомъ обязанности платить лежащіе на послѣднемъ долги (¹).

(¹) См. *Crémazy*, La loi des successions dans le droit hindou moderne (Nouvelle Revue historique de droit français et étranger 1879 № 4 p. 363). Основываясь на двухъ текстахъ *Katyayan*'ы: 1) «Тотъ, кто принялъ наслѣдство, платитъ кредиторамъ»; 2) «Когда отецъ умеръ, а одинъ изъ сыновей не хочетъ принять наслѣдство, то тотъ, который его принялъ, обязанъ уплатить долги кредиторамъ», — и противупоставляя этимъ текстамъ другіе (одинъ — того-же *Katyayan*'ы), налагающіе на сына религіозную обязанность платить долги отца и угрожающіе въ случаѣ невыполненія этой обязанности, какъ ему, такъ и отцу его наказаніемъ въ жизни загробной, названный нами авторъ приходитъ къ заключенію, что первые утверждаютъ за сыномъ право отреченія отъ наслѣдства; остальные же не противорѣчатъ имъ, а представляютъ собою скорѣе религіозныя правила, нежели гражданскія обязательства, относящіяся къ случаю, когда сынъ, принявшій наслѣдство, не платитъ лежащихъ на немъ долговъ, такъ какъ нельзя предположить, чтобы одинъ и тотъ-же законодатель захотѣлъ самъ себѣ противорѣчить. Не смотря на то, что авторъ ссылается, въ подтвержденіе своего толкованія, на солидные авторитеты, мы позволимъ себѣ не согласиться съ его мнѣніемъ, которое противорѣчитъ какъ текстамъ законовъ, такъ и индусскимъ воззрѣніямъ на семью и на

Digitized by Google

Все сказанное о сыновьямъ относится и къ внукамъ, которые, подобно сыновьямъ, обязаны платить долги дѣда, хотя бы они и не получили отъ него непосредственно наслѣдства. Законъ въ послѣднемъ случаѣ дѣлаетъ имъ только ту уступку, что освобождаетъ ихъ отъ платежа процентовъ,

---

отношенія главы предка къ его подвластнымъ. Между приведенными имъ текстами нѣтъ, дѣйствительно, никакого противорѣчія; но всѣ они, вмѣстѣ взятые, противорѣчатъ выводамъ автора. Цитируемые авторомъ тексты *Katyayan*'ы говорятъ, тоже, что тексты другихъ законодателей, упущенные авторомъ изъ вида. Въ законахъ Manou (IX, 207) читаемъ: «Если одинъ изъ братьевъ въ состояніи самъ пріобрѣтать имущество своей профессіей и не имѣетъ нужды въ имуществѣ отца, то онъ можетъ отказаться отъ своей части; но ему нужно сдѣлать небольшой подарокъ для того, чтобы его потомки не могли впослѣдствіи искать своей доли въ этомъ имуществѣ». Тоже самое встрѣчаемъ и въ другихъ источникахъ. См. Яйнавалькія, II, 116. Mitakchara, 1, sect. II. § 11, 12. Gesetzbuch der Gentoo's, Kap. I, 12. s. 223. Смыслъ текста вездѣ ясенъ: законъ говоритъ объ одномъ изъ сыновей, уже довольно обезпеченномъ, и нежелающемъ пользоваться отцовскимъ имуществомъ, а предоставляющемъ свою долю въ пользу братьевъ. Разумѣется, какъ не получившій доли при дѣлежѣ семейнаго имущества, онъ не обязанъ платить долговъ, которые сполна должны быть уплачены его братьями. Таковъ смыслъ втораго текста *Katyayan*'ы. Очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь о такомъ случаѣ, когда отцовскаго имущества достаточно на покрытіе долговъ, и гдѣ отреченіе отъ наслѣдства является такимъ образомъ прямо отреченіемъ отъ собственныхъ выгодъ, а не средствомъ избѣгнуть платежа долговъ. При такомъ толкованіи устраняется всякая мысль о противорѣчіи между цитированными авторомъ текстами и нѣтъ надобности прибѣгать къ натяжкамъ для яснаго разумѣнія ихъ. Конечно, тамъ, гдѣ индивидуальная собственность все болѣе начинаетъ брать верхъ надъ собственностью семейной, гдѣ отдѣльная личность все болѣе освобождается отъ подчиненія семейному союзу и пріобрѣтаетъ постепенно большую свободу распоряженія своей личностью и имуществомъ, должно, наконецъ, рано или поздно быть признано за сыновьями право отречься отъ отцовскаго наслѣдства и избѣгнуть такимъ образомъ обязанности уплаты долговъ наслѣдодателя. Мы ничего не имѣемъ возразить противъ того, что такое право давно уже допускается индусскими судами на практикѣ. Мы утверждаемъ только, что оно не основано на текстѣ древнихъ законовъ, а могло явиться лишь какъ результатъ позднѣйшихъ измѣненій въ семейномъ и общественномъ быту народа.

Digitized by Google

пеніяхъ. Хотя послѣ раздѣла каждый членъ и становился собственникомъ своей доли, но его право распоряженія своимъ имуществомъ было, по крайней мѣрѣ въ древности, ограничено существованіемъ родственниковъ: такъ, онъ не могъ отчуждать недвижимость безъ ихъ согласія, не могъ дарить на случай смерти или завѣщать свое имущество и т. п. (¹). Что строгая отвѣтственность сыновей и внуковъ основана такимъ образомъ на идеѣ о единствѣ семьи и на представленіи о томъ, что отецъ или дѣдъ, какъ глава этой семьи, направляетъ свою хозяйственную дѣятельность въ пользу ея членовъ,—это подтверждается еще тѣмъ, что послѣдніе освобождаются отъ отвѣтственности по долгамъ своего предка, когда несомнѣнно, что эти долги были сдѣланы имъ не на нужды семьи, а безъ всякихъ основаній, для удовлетворенія своей личной прихоти или по безнравственнымъ мотивамъ. Такъ, долги, сдѣланные имъ для покрытія издержекъ на спиртные напитки, воловитство, игру, штрафы, наложенные на него судомъ за преступленія, подарки, обѣщанные подъ вліяніемъ страстей — гнѣва, вражды, сладострастія и т. д., а также подарки „ненужные и безполезные", какъ напр. обѣщанные музыканту, танцору, льстецу, фокуснику—и вообще всѣ подобные долги, сдѣланные безъ всякихъ основаній, сыновья и внуки не обязаны платить (²). Также не всегда сыновья являются отвѣтственными за поручительство отца. Правила объ отвѣтственности сыновей поручителей, въ случаѣ смерти послѣднихъ, довольно подробно изложены въ законахъ Manou: VIII. § 159. „Когда отецъ поручился за кого въ явкѣ на судъ и умеръ, то сынъ не обязанъ платить вслѣдствіе этого поручительства". § 160. „Таково правило, установленное на случай поручительства въ явкѣ на судъ; но если умеръ человѣкъ, который гарантировалъ уплату долга, то судья долженъ заставить наслѣдниковъ его заплатить долгъ". § 161, 162. „Если поручитель, ручавшійся даже и не за уплату долга, *получилъ деньги съ должника* и умеръ и имѣетъ достаточно средствъ, то наслѣдникъ обязанъ платить". Подобныя-же постановленія объ отвѣтственности наслѣд-

(¹) Относительно этого см. выше и ср. *Ковалевскій* «Общинное землевладѣніе», стр. 110.

(²) Manou, VIII, 159. Jâjnavalkya, II, 47. Vyavahara-sara-sangraha, 2, ch. 1, §§ 19—20. 1. Gesetzbuch der Gentoo's, Kap. 1. 4, s. 153, 154.

Digitized by Google

никовъ поручителей содержатся и въ другихъ законодательныхъ сборникахъ. Прибавимъ, что внуки умершаго поручителя не отвѣчаютъ за него (¹). Намъ нѣтъ надобности вдаваться въ подробности по этому предмету, такъ какъ достаточно нами сказаннаго, чтобы убѣдиться, во первыхъ, въ томъ, что по индусскому праву прямые наслѣдники умершаго, т. е. нисходящіе до правнука, являются наслѣдниками, sive velint, sive nolint и обязаны платить всѣ его долги, исключая тѣхъ, относительно которыхъ несомнѣнно извѣстно, что они сдѣланы безъ достаточныхъ основаній, т. е. не на нужды семьи, а по личной прихоти, во вторыхъ, въ томъ, что эта отвѣтственность вытекаетъ изъ мысли о принадлежности ихъ къ одной семьѣ съ ихъ предкомъ, семьѣ, которая является собственницей имущества.

Въ томъ случаѣ, когда прямыми и единственными наслѣдниками умершаго являются лица, неспособныя къ управленію имуществомъ (слѣпорожденные, идіоты и т. п.), то обязанность платить долги переходитъ къ тому, кто взялъ на себя попеченіе объ этихъ лицахъ и объ ихъ имуществѣ (²).

За сыновьями всѣхъ ближе къ умершему въ ряду наслѣдниковъ стоитъ его жена. По древнему праву, какъ мы видѣли, женщины не могли имѣть имущества и долго не допускались къ наслѣдству, а имѣли право только на алименты (³). Какъ неполноправный членъ семьи и несобствен-

(¹) Jâjnavalkya II, 47, §§ 53—55. Vyavahara-sara sangraha 2, ch. I, § 7, V и § 8, I—III. Gesetzbuch der Gentoo's Kap. I, 3, s. 147—149. Здѣсь же замѣтимъ, что обязательство солидарное на сторонѣ должника можетъ иногда, переходя на его наслѣдниковъ, обратиться въ обязательство по соразмѣрности. Покрайней мѣрѣ, мы находимъ въ Gesetzbuch der Gentoo's слѣдующее правило (I, 4, s. 52 in fine): «Wenn jemand auf Verbürgung zweier Leute Geld leihet, unter der Abrede, dass jeder von ihnen, den er zur Zeit der Zahlung antrifft für die Schuld hatten solle; in dem Fall soll, wenn einer der Bürgen stirbt und keine Kinder hinterlässt, der Andere aber abwesend ist, der Sohn des Abwesenden das Geld bezahlen. Wenn beide Bürgen sterben, und einer oder andere Kinder hinterlässt, so soll der Sohn seines Vaters Theil der Schuld bezahlen.

(²) Jâjnavalkya II, 51. Vyavahara-sara-sangraha 2, ch. I, § 21.

(³) См. выше стр. 32 примѣч. 3.

ница семейнаго имущества, жена поэтому не могла отвѣчать предъ кредиторами семьи. Когда за ней было признано право имѣть собственное имущество и самостоятельно распоряжаться имъ, то на это имущество права семьи не распространялись. Жена продолжаетъ въ этомъ отношеніи быть чужимъ человѣкомъ въ семьѣ. За долги мужа или сына она не отвѣчаетъ, если не обязалась вмѣстѣ съ ними, также какъ и они не отвѣчаютъ за ея личные долги (¹). Но, конечно, въ томъ случаѣ, когда она является наслѣдницей мужняго имущества, она платитъ долги мужа (²). Простирается-ли эта отвѣтственность свыше силъ полученнаго ею наслѣдства, — объ этомъ мы не рѣшаемся сказать что-либо опредѣленное, такъ какъ въ источникахъ не нашли отвѣта на этотъ вопросъ. Разумѣется, въ томъ случаѣ, когда жена является только пожизненной владѣтельницей (³) этого имущества, безъ права отчужденія его, для отвѣтственности ея собственнымъ имуществомъ за долги мужа нѣтъ никакихъ основаній. Принятіе наслѣдства для нея во всякомъ случаѣ не обязательно.

Относительно всѣхъ остальныхъ наслѣдниковъ лица, живущаго отдѣльно, а не въ сообществѣ, т. е. дочерей, восходящихъ и боковыхъ родственниковъ и постороннихъ, которымъ законъ даетъ право на полученіе имущества умершаго при отсутствіи другихъ наслѣдниковъ, хотя законы Ману и Яйнавалькія и не говорятъ о правѣ ихъ отречься отъ наслѣдства, тѣмъ не менѣе трудно предположить, чтобы законодатели признавали принятіе его для этихъ наслѣдниковъ обязательнымъ, а помянутый нами выше (стр. 72 прим. 1) текстъ Katyayan'ы: — „Наслѣдникъ, принявшій наслѣдство“ и т. д., какъ кажется, имѣющій въ виду именно этихъ наслѣдниковъ, прямо утверждаетъ противное. На этихъ наслѣдниковъ переходитъ только нравственная обязанность заботиться о душѣ умершаго; но обязанности непремѣнно принимать наслѣдство законъ нигдѣ на нихъ не налагаетъ. Воз-

(¹) Jâjnavalkya, II. 46, 48, 49. Vyavahara-sara-sangraha, 2, ch. I, §§ 22—23, I, II. Gesetzbuch der Gentoo's | c.

(²) Vyavahara-sara sangraha, 2, ch. I, § 23, III.

(³) Mitakchara, 2, sect. I. См. примѣч. переводчика къ § 39.

Digitized by Google

можно, что для нѣкоторыхъ болѣе близкихъ родственниковъ умершаго (сына дочери, брата, племянника и т. п.) принятіе наслѣдства въ прежнее время, при большемъ значеніи кровной связи, и было обязательно; можетъ быть, и теперь еще такой обычай существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи, но признавать окончательно за неизмѣнное правило, что право отреченія отъ наслѣдства не существуетъ въ Индіи какъ это дѣлаютъ нѣкоторые писатели, мы не имѣемъ основаній (¹). Обязательно или нѣтъ принятіе наслѣдства, во всякомъ случаѣ принявшій отвѣчаетъ по обязательствамъ оставителя. Законъ говоритъ, что при неимѣніи прямыхъ нисходящихъ въ мужскомъ поколѣніи долги умершаго платитъ тотъ, къ кому перешло его имущество (²). Имѣетъ-ли, однако, здѣсь законъ въ виду заставить наслѣдника платить всѣ долги оставителя сполна, хотя бы оставшагося отъ послѣдняго имущества далеко было недостаточно для этого? Въ самомъ законѣ основаній для такой строгой отвѣтственности не содержится. Они могутъ лежать только въ томъ фактическомъ обстоятельствѣ, что стоимость получаемаго наслѣдникомъ имущества иногда невозможно опредѣлить, или самъ наслѣдникъ не заботится объ этомъ опредѣленіи. Когда-же такое опредѣленіе возможно и было сдѣлано, то несправедливо заставлять наслѣдника платить больше того, чѣмъ онъ получилъ. Мѣстные обычаи на этотъ счетъ могутъ, конечно, быть весьма разнообразны. Такъ Boscheron-Desportes сообщаетъ, что въ Бенгалѣ наслѣдники, дѣйствительно, отвѣчаютъ только quoad vires наслѣдства, а въ южной части полуострова къ нимъ относятся строже, хотя и здѣсь обязанность ихъ платить всѣ долги оставителя смягчается мѣстными обычаями въ случаѣ, когда оказывается, что наслѣдственной массы недостаточно на покрытіе дол-

(¹) См. *Boscheron-Desportes* (Revue historique de droit Français et étranger. 1855. t. I. p. 331). Не соглашаясь съ *Crémazy* (стр. 72, прим. 1) въ томъ, что право отреченія отъ наслѣдства издавна принадлежало всѣмъ наслѣдникамъ, и отрицая вѣрность этого положенія по отношенію къ сыновьямъ и внукамъ, мы охотно допускаемъ, принимая во вниманіе указанія, сдѣланныя авторомъ въ его статьѣ, существованіе этого права у другихъ наслѣдниковъ, кромѣ прямыхъ нисходящихъ.

(²) Jâjnavalkya, II, 51. Vyavahara-sara-sangraha, 2, ch. 1, 21, 1.

Digitized by Google

говъ (¹). Кромѣ уплаты долговъ умершаго, на наслѣдникахъ его лежитъ обязанность исполнить выраженное имъ на смертномъ одрѣ желаніе сдѣлать кому-либо подарокъ. Обязанность эта имѣетъ мѣсто, какъ мы видѣли, для сыновей и внуковъ только тогда, когда оставитель наслѣдства имѣлъ для этого обѣщанія добрыя и основательныя причины. Это правило, послужившее исходной точкой для допускаемыхъ современнымъ обычаемъ и судебной практикой легатовъ изъ принадлежавшаго умершему имущества и являющееся какъ-бы зародышемъ завѣщанія, введено первоначально, какъ кажется, подъ вліяніемъ браминовъ, которымъ было выгодно признать обязательной для наслѣдниковъ выдачу подарковъ, обѣщанныхъ умершимъ съ религіозной цѣлью (²). Затѣмъ, на наслѣдникахъ лежитъ обязанность заботиться о содержаніи тѣхъ членовъ семьи умершаго, которые не получили наслѣдства, каковы: его вдова, когда она не наслѣдуетъ, мать, бабка, незамужнія дочери или овдовѣвшія и возвратившіяся въ родительскій домъ, сыновья, неспособные наслѣдовать и т. п. (³).

(¹) *Boscheron-Desportes* см. стр. 79 прим. 1. — Въ Gesetzbuch der Gentoo's содержится правило, обязывающее всѣхъ непрямыхъ наслѣдниковъ умершаго къ платежу только капитальной суммы долга и освобождающее ихъ отъ платежа процентовъ по ней. Есть указанія и на существованіе обычая прежде принятія наслѣдства выплачивать изъ наслѣдственной массы долги умершаго, обѣщанные имъ кому-либо подарки и издержки на его погребеніе, а затѣмъ уже, если останется за этими расходами излишекъ, наслѣдники приступаютъ къ дѣлежу его между собою.

(²) По крайней мѣрѣ, Mitakchara считаетъ полученіе *подарковъ* способомъ пріобрѣтенія, свойственнымъ браминамъ. Въ Gesetzbuch der Gentoo's также читаемъ слѣдующія постановленія: «Если кто-либо по собственному желанію обѣщалъ что-либо подарить брамину и не даритъ, то начальство можетъ его принудить уплатить обѣщанное съ процентами и вдобавокъ беретъ съ него въ наказаніе штрафъ. Если кто-либо сказалъ, что хочетъ подарить другому что-либо съ религіозной цѣлью, и затѣмъ умеръ, то сыновья его должны выдать обѣщанное; если же обѣщаніе было сдѣлано не съ религіозной цѣлью, то они не обязаны къ его выполненію». Кар. VII s. 292 и 295.

(³) *Boscheron-Desportes* l. c. Manou, IX. 200—202. Jâjnavalkya, II, 51, 124, 140, 142. Vyavahara-sara-sangraha, 2. ch. XIII, § 5. Mitakchara также содержитъ много опредѣленій объ этомъ предметѣ l. c. Gesetzbuch der Gentoo's Kap. II, 5, s. 206.

Digitized by Google

Что касается до лицъ посторонних, которымъ законъ даетъ право на получение имущества умершаго, если кроме него не останется никакихъ родственниковъ, то къ этимъ лицамъ и подавно не можетъ быть применено правило объ отвѣтственности за долги умершаго свыше силъ оставленнаго имъ имущества. Они обязаны озаботиться погребеніемъ и выполненіемъ религіозныхъ обрядовъ по умершемъ, въ такихъ лицахъ имѣетъ и даетъ законъ право на полученіе имущества; платить же его долги собственными средствами они рѣшаются (принимая, конечно, не принимаютъ себя обязанности) (1).

Теперь представимъ себѣ случай, когда умершій былъ главою имущественнаго сообщества. Въ то болѣе древнее время, когда соединенная семья по внутреннему строю и по отношеніямъ между членами ея еще не отличалась отъ семьи естественной, т. е. когда въ ней принципъ семейной собственности, единство семьи, кровь родственной связи сознавались сильнѣе, когда строй ея еще не потерпѣлъ тѣхъ измѣненій, которымъ онъ подвергся впослѣдствіи, подъ вліяніемъ все болѣе развивающагося представленія объ индивидуумѣ, какъ о субъектѣ правъ на имущество, не смотря главы семьи, дѣлились или не дѣлились члены ея, — они обязаны были платить всѣ его долги, кромѣ, можетъ быть, такихъ, отъ уплаты которыхъ освобождены сыновья, т. е. кромѣ долговъ, сдѣланныхъ по безнравственнымъ мотивамъ, и безполезныхъ подарковъ, обѣщанныхъ имъ кому-либо. За умершаго-же сочлена, не носившаго званія главы, семья отвѣчала только въ такомъ случаѣ, когда не было сомнѣнія въ томъ, что долги сдѣланы для нуждъ всей семьи, или когда глава семьи самъ признавалъ нужнымъ платить ихъ. Иначе и быть не могло, такъ какъ за ними, какъ за подвластными, не признавалось права вступать въ обязательства (2). Позднѣе, когда за членами соединенной семьи было признано болѣе самостоятельности, когда они получили возможность имѣть свое собственное, не только движимое, но и недви-

(1) Manou, IX, 188—189. Mitakchara, 2, sect. VII. Gesetzbuch der Gentoo's, Kap. I, 4, s. 155.

(2) Manou, VIII, 166. Jâjnavalkya II, 45. Vyavahara-ctra-sangraha, 2, ch. I, § 22. III—V.

личное имущество, не входящее въ составъ общей массы семейнаго имущества, когда они получали право требовать во всякое время выдачи своей доли: тогда и правила относительно отвѣтственности сочленовъ за долги другъ-друга должны были измѣниться (¹). Въ принципѣ осталось неизмѣненнымъ прежнее правило, что всѣ члены соединенной семьи платятъ долги своего умершаго сочлена, — все равно дѣлятся они или не дѣлятся послѣ его смерти, — не только изъ имущества сообщества, но даже изъ личнаго имущества каждаго въ томъ случаѣ, когда долги эти были сдѣланы для общихъ нуждъ сообщества (²). Если же членъ сообщества вступалъ въ обязательства и дѣлалъ долги для своихъ личныхъ цѣлей и выгодъ, что, замѣтимъ, сдѣлалось возможнымъ только съ появленіемъ у него права имѣть свое особое имущество, то какъ при жизни, такъ и по смерти его остальные члены сообщества не отвѣчаютъ за такіе долги. Личные кредиторы могутъ обратить въ этомъ случаѣ взысканіе только на личную собственность умершаго (³). Отвѣтственными лицами въ такомъ случаѣ являются тѣ прямые наслѣдники умершаго, къ которымъ его собственность перешла, все равно, выходятъ-ли эти лица изъ сообщества или нѣтъ (⁴). Если же личной собственности умершаго на покрытіе долговъ недостаточно, то вопросъ относительно удовлетворенія личныхъ

(¹) Разумѣется, всѣ эти измѣненія въ строѣ семьи, начавшіяся издавна, продолжаются и доселѣ. Разногласіе мѣстныхъ обычаевъ, а также отсутствіе строгой опредѣленности въ кодексахъ и, еще чаще, противорѣчія, встрѣчающіяся въ постановленіяхъ послѣднихъ, ставятъ мѣстные суды при рѣшеніи дѣлъ о семейныхъ раздѣлахъ и объ отвѣтственности членовъ сообщества другъ за друга въ большое затрудненіе. Въ статьѣ *Crémazy* «Le droit hindou actuellement en vigueur dans les établissements français de l'Inde» (Revue générale du droit etc. 1879) можно видѣть примѣры того, какъ колеблется судебная практика въ подобныхъ случаяхъ.

(²) *Crémazy*, «Le droit hindou et le droit français comparés». Revue de législ. 1876. p. 332. О томъ, какая существуетъ разница между отвѣтственностью сообщества за долги своего главы и за долги остальныхъ членовъ, см. выше.

(³) *Crémazy*, ibid. p. 334.

(⁴) Этотъ выводъ основанъ на томъ, что нисходящіе наслѣдуютъ личную собственность своего отца и что на нихъ законъ налагаетъ непремѣнную обязанность платить долги послѣдняго.

Digitized by Google

кредиторовъ его можетъ рѣшиться различнымъ образомъ. Можетъ случиться, что прямые нисходящіе умершаго, получивъ его долю изъ общаго имущества, выдѣлятся изъ соединенной семьи, тогда кредиторы его обращаются къ нимъ за удовлетвореніемъ; если-же они остаются въ сообществѣ, то послѣднее можетъ удержать за собою долю имущества умершаго, принявъ на себя обязанность выплатить его долги, или-же прибѣгнуть къ отчужденію этой доли на удовлетвореніе кредиторовъ (¹).

Въ томъ случаѣ, когда всѣ члены имущественнаго сообщества являются наслѣдниками умершаго, къ которымъ должно перейти его личное имущество, и принимаютъ это доставшееся имъ имущество сообща, они, конечно, сообща-же должны уплатить и всѣ долги умершаго. Если они не въ состояніи сдѣлать этого тотчасъ, то, по соглашенію съ кредиторами, могутъ отстрочить уплату до раздѣла этого имущества между собою, и тогда платятъ соразмѣрно полученнымъ ими долямъ. Если умершій обѣщалъ при жизни кому-нибудь что-либо подарить, то они должны также выполнить и это желаніе его. Разумѣется, сообщество можетъ отказаться отъ полученія по наслѣдству личнаго имущества умершаго, если члены этого сообщества не прямые нисходящіе, а напр. братья или другіе боковые родственники оставителя наслѣдства; въ такомъ случаѣ, предъ личными кредиторами умершаго они не отвѣчаютъ (²). Послѣднее правило примѣнимо и къ тому случаю, когда все сообщество является наслѣдникомъ лица, жившаго отдѣльно и не состоявшаго въ числѣ его членовъ.

(¹) *Crémazy*. «Le droit hindou» etc. (Revue générale du droit, de la législ. et de la jurisp. en France et à l'étranger 1879. p. 468).

(²) Gesetzbuch der Gentoo's. Кар. 2, Ab. XII. S. 223. Первый случай можетъ имѣть мѣсто, когда всѣ члены сообщества суть сыновья или внуки умершаго; что касается до второго случая, то и здѣсь сочлены, разумѣется, обязываются къ уплатѣ долговъ умершаго, сдѣланныхъ для общихъ цѣлей, и такіе долги платятъ изъ общаго имущества, а при недостачѣ его, и изъ имущества, принадлежащаго каждому изъ нихъ лично. Кромѣ того, на сообществѣ всегда лежитъ обязанность озаботиться судьбою вдовъ и дочерей умершаго.

Digitized by Google

Если наслѣдство открывается послѣ такихъ лицъ въ семьѣ, которыя не принадлежатъ къ числу полноправныхъ членовъ ея, но могутъ имѣть свое имущество, т. е. послѣ матери, дочери, жены и т. п., то долги этихъ лицъ должны быть уплачены изъ оставшагося послѣ нихъ имущества и уже только излишекъ дѣлится между ихъ наслѣдниками (¹).

Если взрослый неотдѣленный сынъ имѣетъ свое имущество, доставшееся по наслѣдству, подаренное, пріобрѣтенное личнымъ трудомъ и т. п., которымъ онъ завѣдуетъ самостоятельно, то по отношенію къ этому имуществу онъ можетъ вступать въ обязательства, по которымъ отецъ не отвѣчаетъ. Если такой сынъ умретъ, то кредиторы его могутъ требовать удовлетворенія только изъ его личнаго имущества (²).

Вотъ и все, что мы можемъ сказать, при имѣющихся у насъ въ рукахъ скудныхъ данныхъ, о томъ, какъ индусское право рѣшаетъ вопросъ объ отвѣтственности наслѣдниковъ по обязательствамъ оставителя наслѣдства. При этомъ мы должны сознаться, что, во первыхъ, сказаннаго нами далеко не достаточно, чтобы составилось полное и ясное изложеніе этого вопроса по индусскому праву, вовторыхъ, далеко не все изъ сказаннаго нами должно признать достовѣрнымъ. Многое здѣсь носитъ характеръ гипотетическій и требуетъ дальнѣйшей провѣрки на основаніи болѣе тщательнаго и подробнаго знакомства не только съ источниками, но и съ литературой индусскаго права, съ исторіей Индіи и бытомъ ея народонаселенія. Скажемъ прямо, что такое подробное изученіе для насъ было невозможно. Мы мог-

---

(¹) Mitakchara, 1, sect. III, §§ 8—12. Это-же правило, конечно, должно быть примѣнено къ наслѣдству послѣ дѣвицы, состоящей подъ властью отца или братьевъ, хотя законъ и не говоритъ объ этомъ прямо. Что касается до отвѣтственности мужа за долги жены, то хотя послѣдній и не обязанъ платить за нее, если не давалъ на заключеніе ею долговаго обязательства своего согласія, но есть изъ этого правила и исключенія: портомои, дѣлатели растительнаго масла, пастухи, охотники, виноторговцы и танцовщики должны платить всѣ долги своихъ женъ, желаютъ или не желаютъ этого. Gesetzbuch der Gentoo's, s. 154. Vyavahara-sara-sangraha, part. 2. § 22, V.

(²) Vyavahara-sara-sangraha, part. 2, § 22, V, Gesetzbuch der Gentoo's, s. 154. *Crémazy*, Le droit hindou (Revue générale d. droit. 1879 p. 22, 24, 25).

Digitized by Google

ли пользоваться только тѣмъ немногимъ матеріаломъ, который нашли подъ руками. Смѣемъ, однако, думать, что и на основаніи этого матеріала намъ удалось вывести нѣсколько вѣрныхъ и неоспоримыхъ положеній, а именно:

I. Въ индусскомъ правѣ отвѣтственность наслѣдниковъ по обязательствамъ наслѣдодателя далеко не всегда простирается свыше силъ наслѣдства, а гораздо чаще, напротивъ, они отвѣчаютъ только полученнымъ ими имуществомъ.

II. Тамъ, гдѣ законъ требуетъ, чтобы наслѣдники отвѣчали за долги умершаго собственнымъ имуществомъ, требованіе это вытекаетъ изъ идеи о единствѣ семьи, изъ дѣйствительной или предполагаемой общности имущества и интересовъ между ея членами.

III. Наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ очевидно, что обязательства умершаго были сдѣланы имъ въ его личныхъ цѣляхъ и не могутъ быть считаемы дѣйствіями, направленными въ пользу наслѣдниковъ, послѣдніе или вовсе не отвѣчаютъ, или отвѣчаютъ только полученнымъ ими отъ умершаго имуществомъ.

КИТАЙ(1).

Если мы теперь обратимся къ сосѣднему съ Индіей Китаю, цивилизація котораго признается древнѣйшей на зем-

---

(1) При ознакомленіи съ китайскимъ правомъ мы могли пользоваться только слѣдующими источниками и пособіями:

1) Les livres sacrés de l'Orient, traduits par G. Pauthier. Paris, 1852. *Chou-king*, ou le livre par excellence. Les Sse-Chou, ou les quatre livres de philosophie morale et politique de la Chine. Послѣднія 4 книги изданы Pauthier въ 1841 г. (Paris) подъ заглавіемъ: «*Confucius et Mencius*». Это изданіе также цитируется здѣсь.

2) *Ta-tsing-leu-lé*, ou les lois fondamentales du code pénal de la Chine, mis en français par M. Félix—Renouard de Sainte-Croix. Paris. 1812. t. V. III (переводъ съ англійскаго перевода Стаунтона).

3) Code Annamite (Hoang-viet-luât-le). Lois et règlements du royaume d'Annam, traduits du texte chinois original par G. Aubaret. Этотъ кодексъ по содержанію и расположенію статей написанъ по образцу китайскаго уложе-

Digitized by Google

номъ шарѣ (¹) и который считается, вдобавокъ, страною консервативной по преимуществу, то даже при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ семейнымъ бытомъ и съ институтами семейнаго и наслѣдственнаго права въ этой странѣ мы невольно обратимъ вниманіе на поразительное сходство строя китайской семьи съ тѣмъ, который мы встрѣчаемъ у многихъ историческихъ народовъ арійской расы въ древнѣйшій періодъ ихъ исторіи. Это давно уже было замѣчено изслѣдователями, и на сходство китайской семьи то съ римской, то съ индусской семьею не разъ уже указывалось (²). Здѣсь мы встрѣчаемъ тѣ-же понятія о родствѣ, ту-же суровую отеческую власть, такое-же безправное положеніе женщины въ семьѣ и т. п. Разница оказывается только въ томъ, что семейный строй народовъ арійской расы съ образованіемъ государствъ, съ вступленіемъ ихъ, если такъ можно выразиться, на историческую сцену довольно скоро подвергся существеннымъ измѣненіямъ: всюду почти древнія понятія о родствѣ и крѣпости родственной связи постепенно ослабѣваютъ и замѣняются новыми; семейная замкнутость рушит-

---

ніи съ измѣненіями настолько незначительными, что имъ съ успѣхомъ можно пользоваться и при ознакомленіи съ китайскимъ правомъ. См. Etude analytique sur les codes annamites et chinois, par M. Vanier, 1868 г.

4) *Grosier*, Description gécérale de la Chine, Paris. 1787 г. t. I и II.

5) *Gans*, Erbrecht etc. t. I.

6) *Davis*, China. Нѣмецкій переводъ Весенфельда. Magdeburg 1839.

7) *Wuttke A.*, China's religiöse, sittliche und gesellschaftliche Zustande. Berlin. 1855.

8) *Frank*, Etudes orientales. Paris 1861.

9) *Plath*, Ueber die häuslichen Verhältnisse der alten Chinesen, München. 1863. Gesetz und Recht alten China nach chinesischen Quellen, München. 1865. Ueber die lange Dauer und die Entwickelung des chinesischen Reiches. München. 1861.

10) *Осиповъ*. Брачное право древняго Востока. Казань. 1873 г.

(¹) *Pauthier* относитъ начало китайской цивилизаціи приблизительно за 3000 лѣтъ до нашей эры. См. Description de la Chine, t. I, p. 42. Paris. 1837 г. Того-же мнѣнія *Plath*. См. Ueber die Verfassung und Verwaltung China's unter den drei ersten Dynastien. München. 1865 г. s. 3.

(²) См. писателей, цитированныхъ на предъидущей стр., а также Mein.

Digitized by Google

ся; личность все болѣе освобождается изъ подъ власти семьи; коллективная родовая или семейная собственность уступаетъ мѣсто индивидуальной и т. д. Въ Китаѣ мы видимъ обратное явленіе: тамъ съ образованіемъ государства и съ развитіемъ государственной жизни семья, повидимому, не только не утратила своей власти надъ личностью, а напротивъ, скорѣе окрѣпла и значеніе ея усилилось, такъ какъ государство, само сложившееся по образцу семьи, взяло ее подъ свою защиту. Родовой бытъ, вѣроятно, долго господствовалъ въ Китаѣ, и населеніе его жило родовыми общинами. Китайскіе источники даютъ указанія на то, что ядро китайскаго населенія составилось изъ ста такихъ общинъ. Выраженіе „сто семействъ" часто употребляется для обозначенія всего китайскаго народа (¹). Когда родовые союзы мало по малу распались, мѣсто ихъ заняли союзы семейные, являющіеся и здѣсь то въ видѣ семьи естественной, то въ видѣ семьи соединенной, состоящей подъ властью лица, ближайшаго къ общему родоначальнику. Китайскіе моралисты не одобряютъ семейныхъ раздѣловъ, и случаи, что потомки не дѣлятся по смерти своего родителя, а живутъ вмѣстѣ и ведутъ общее хозяйство, повинуясь старшему родственнику, какъ отцу, и теперь нерѣдки (²). Семейный союзъ является основнымъ принципомъ всей общественной и государственной жизни Китая. Основными отношеніями между людьми Китайцы считаютъ отношенія между мужемъ и женою, родителями и дѣтьми, правителями и управляемыми (³). Хорошій порядокъ въ семейной жизни есть, по мнѣнію ихъ, необходимѣйшее и прочнѣйшее основаніе государ-

(¹) См. напр. Lun-yu, ch. XII, § 9. Meng-tseu, IV, I, ch. I, § 7. *Plath*, Ueber die lange Dauer und die Entwickelung des chinesischen Reiches. München. 1865. s. 1. *Такинфъ Бичуринъ*, Китай: „Въ Китаѣ для 360 ти милліоновъ жителей имѣется всего 100 прозваній, которыя всѣ собраны въ одну книгу Бо-ши-синь, что значитъ: прозванія 100 семействъ, стр. 160.

(²) *Gans*. Erbrecht, I, s. 115 и 116. См. Ta-tsing-leu-lée, sect. LXXV.

(³) См. *Plath*, Ueber die häuslichen Verhältnisse der alten Chinesen, I. Къ этимъ тремъ основнымъ отношеніямъ прибавляютъ еще отношенія между братьями старшими и младшими и отношенія между друзьями. Изъ этихъ пяти отношеній вытекаютъ всѣ важнѣйшія обязанности человѣка. См. Tchoung-Young (L'invariabilité dans le milieu), ch. XX, § 7.

Digitized by Google

ственнаго порядка. Въ книгѣ Та-гіо (Великая наука) подробно развивается мысль, что только тотъ, кто умѣетъ исправить себя отъ порочныхъ страстей и дурныхъ привычекъ, можетъ ввести хорошій порядокъ въ своей семьѣ, а кто въ состояніи ввести такой порядокъ въ семьѣ, лишь тотъ способенъ водворить этотъ порядокъ въ государствѣ. „Искусство хорошо управлять государствомъ состоитъ въ умѣньи вести хорошій порядокъ въ собственной семьѣ. Ведите себя какъ должно по отношенію къ членамъ вашей собственной семьи, потомъ уже вы будете въ состояніи образовывать и направлять цѣлую націю". Хорошее управленіе государствомъ поддерживаетъ миръ и гармонію въ цѣломъ свѣтѣ (¹). Такимъ образомъ хорошій порядокъ въ семьѣ является необходимымъ условіемъ порядка во *вселенной*. Самое существенное требованіе хорошаго семейнаго порядка состоитъ въ томъ, чтобы каждый занималъ въ семьѣ свое мѣсто, говоря словами Конфуція, „чтобы отецъ былъ отцомъ, сынъ—сыномъ, старшій братъ—старшимъ братомъ, младшій братъ—младшимъ братомъ, мужъ чтобы былъ мужемъ, а жена—женою". „Тогда только будетъ порядокъ въ домѣ, а когда есть порядокъ въ домѣ, то царство крѣпко (²)". Въ источникахъ сопоставленіе государства съ семьею и государя съ отцомъ встрѣчается постоянно. Ученіе мудраго Конфуція направлено къ тому, чтобы вывести всѣ законы общественнаго строя и правила религіозной и общественной морали изъ семьи, какъ базиса общества, и создать для самихъ семейныхъ отношеній такой нравственный идеалъ, который бы всего болѣе гармонировалъ съ представлявшимся ему идеаломъ общественнаго строя. Конфуцій желалъ-бы, чтобы старшіе были всегда справедливы къ младшимъ и относились къ нимъ съ отеческой любовью и нѣжностью, служили для нихъ образцомъ поведенія и управляли-бы ими не посредствомъ наказаній, а посредствомъ хорошаго воспитанія, надлежащихъ совѣтовъ и добрыхъ примѣровъ; а младшіе повиновались старшимъ безпрекословно не изъ страха предъ ними, а изъ сыновней

(¹) *Pauthier*. Les livres sacrés de l'Orient. Confucius et Mencius. Ta-Hio, ch. VIII и слѣд.

(²) *Plath* и цитированныя имъ сочиненія.

любви къ нимъ и почтенія (¹). Эта сыновняя любовь или, вѣрнѣе, благоговѣніе предъ родителями, переходящее по смерти послѣднихъ въ обожаніе ихъ, есть главнѣйшая добродѣтель и, такъ сказать, основаніе и источникъ нравственнаго совершенства. Какъ Конфуцій, такъ и ученики его выдвигаютъ это сыновнее благоговѣніе и почтеніе къ старшимъ въ семьѣ, какъ начало и вѣнецъ всѣхъ добродѣтелей и основаніе всеобщаго благоденствія на землѣ. Всѣ первыя четыре главы книги Люнъ-ю (философскія бесѣды) посвящены опредѣленію того значенія, которое имѣетъ эта добродѣтель въ человѣческой жизни, и указанію правилъ поведенія, сообразныхъ съ этой добродѣтелью. Въ другихъ книгахъ мы также встрѣчаемъ безчисленное множество разсужденій и историческихъ примѣровъ, направленныхъ къ восхваленію этой добродѣтели и благихъ послѣдствій ея примѣненія въ жизни. Конфуцій въ своихъ поученіяхъ всегда ссылается на древнихъ мудрецовъ, называетъ себя самъ только комментаторомъ и разъяснителемъ древнихъ писателей, постоянно ссылается на обычаи предковъ и совѣтуетъ имъ слѣдовать, восхваляетъ древнихъ государей, соблюдавшихъ эти обычаи. „Я вѣрю въ древнихъ, я люблю ихъ", говоритъ онъ (²). Основываясь на этомъ, можно предположить, что тотъ семейный и общественный строй, который онъ считаетъ желательнымъ, издавна существовалъ. Но, если даже это и такъ, тѣмъ не менѣе очевидно, что ко времени Конфуція тѣ древніе устои, на которыхъ опирался порядокъ общественной и частной жизни, расшатались, древніе обычаи вышли изъ употребленія, славные примѣры предковъ не находили подражателей и общественная нравственность находилась въ упадкѣ. „Встрѣчались подданные, которые убивали правителей, сыновья, которые убивали отцовъ", говоритъ объ этой эпохѣ Meng-tseu (³). Въ сочиненіяхъ Конфуція мы встрѣчаемъ частыя жалобы на безнравственность современниковъ и указанія на

(¹) См. напр. Ta-Hio. l. c.; Lun-yu, liv. I, ch. II, §§ 5—8, 19, 20, ch. V, § 17—21, ch. VI, § 28, ch. XIII, §§ 4, 6; Meng-tseu, liv. I, ch. I, § 7; liv. II, ch. I, §§ 18—20, 26—28, ch. VI, § 4. Tchong-yong, ch. XIX, XX.

(²) Lun-yu, liv. I, chap. VIII, § 1.

(³) Meng-tseu, liv. I, ch. VI, § 9

то, что обычаи его времени далеко не согласовались съ тѣми правилами семейной и общественной нравственности, которымъ училъ онъ. Ученіе его для многихъ было новостью, и далеко не всѣ, слушавшіе его, убѣждались въ истинѣ его словъ и вѣрили въ несомнѣнный успѣхъ его пропаганды (¹). Да и по смерти его противъ его ученія многіе возставали. Знаменитому послѣдователю Конфуція Meng-tseu приходилось бороться съ ученіями Янгъ-Тшу и Мети, ученіями, грозившими одно время взять верхъ въ странѣ. Первый, сводя все къ индивидууму, не хотѣлъ признавать ни государей, ни начальниковъ; второй училъ, что нужно равно любить всѣхъ людей, что не должно дѣлать отличій между отцомъ и посторонними, словомъ, онъ отрицалъ связи родства и родительскую власть. Meng-tseu справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что если бы эти ученія взяли верхъ, то обществу угрожала бы опасность разрушенія (²). Государственная власть, разумѣется, должна была встать на сторону ученія Конфуція, потому что оно поддерживало порядокъ. Такъ какъ государственная власть основана на представленіи о томъ, что монархъ есть отецъ народа, то сама собой является необходимость, для поддержанія этой власти въ глазахъ подданныхъ, поддержать значеніе и силу власти главы въ семьѣ. Для опредѣленія отношеній къ чиновной іерархіи въ государствѣ, сложившемся по образцу семьи, нужно по необходимости держаться принципа строгаго подчиненія младшихъ членовъ семьи старшимъ. Очень можетъ быть, что здѣсь именно лежитъ причина того явленія, что отеческая власть, въ теченіе долгой исторіи Китая, не только не утратила своего суроваго характера, а напротивъ, какъ кажется, пріобрѣтала все большее значеніе. Власть отца послужила образцомъ для власти монарха, а дабы упрочить абсолютный характеръ за послѣднею, необходимо было поднять авторитетъ первой. Предположеніе, что были въ исторіи Китая эпохи, когда отеческая власть въ семьѣ не имѣла того значенія, которое она пріобрѣла впослѣдствіи, имѣетъ, такимъ образомъ, за собой нѣкоторую вѣроятность. Конфуцій и Менгъ-

(¹) Lun-You, liv. II. ch. XIV, § 41 и другія мѣста этой же книги.

(²) Meng-tseu, liv. I, ch. V, § 5; liv. I, ch. VI, § 9, liv. II. ch. VII, § 26; ch. VIII, § 26.

Digitized by Google

Тсеу выставляютъ сыновнее почтеніе и повиновеніе родителямъ и старшимъ лишь какъ нравственное правило, соблюденіе котораго они считаютъ необходимымъ для всѣхъ и особенно для правителей, которымъ рекомендовалось въ этомъ отношеніи показывать примѣръ подвластнымъ. Прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ для поддержанія этой добродѣтели они считаютъ излишнимъ и строгихъ наказаній не одобряютъ; но позднѣйшіе законодатели смотрятъ на это дѣло иначе и, придя къ убѣжденію, что для поддержанія порядка въ государствѣ необходимо заботиться о поддержаніи въ народѣ сыновняго повиновенія старшимъ, а особенно родителямъ, стараются достигнуть этой цѣли при помощи суровыхъ наказаній (*). Были изданы указы и постановленія, подвергавшіе строгой карѣ не только за преступленія противъ родителей и старшихъ членовъ семьи, но и за простое непослушаніе имъ, и содѣйствовавшіе, разумѣется, увеличенію авто-

(*) До чего доходила эта заботливость правительства о сохраненіи сыновней любви въ народѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго, приводимаго Дависомъ, примѣра. Въ одной провинціи китаецъ, сообща со своей женою, побилъ и истязалъ свою мать. Намѣстникъ донесъ объ этомъ въ Пекинъ, и дворъ рѣшилъ, что основной законъ Имперіи долженъ быть подтвержденъ вновь торжественнымъ образомъ. Мѣсто, гдѣ произошло это событіе, было предано проклятію; оба преступника были казнены; мать преступницы подвергнута тѣлесному наказанію и отправлена въ ссылку за преступленіе дочери. Публичныя испытанія учениковъ всего округа за 3 года были объявлены недѣйствительными; начальники округа отрѣшены отъ должностей и сосланы; а самый домъ, гдѣ жили виновные, разрушенъ до основанія. Указъ объ этомъ велѣно опубликовать по всей Имперіи съ присовокупленіемъ, что если гдѣ найдутся и впредь такія ослушныя дѣти, которыя будутъ ссориться съ родителями, оскорблять ихъ или осмѣлятся поднять на нихъ руку, то съ ними будетъ поступлено такимъ же образомъ. Въ заключеніе императоръ обращается къ народу съ увѣщаніемъ обратить особенное вниманіе на этотъ указъ и сообразовать съ нимъ свое поведеніе; приказываетъ начальникамъ областей, главамъ семействъ и деревенскимъ старостамъ прочитывать это постановленіе 2-го и 16-го числа каждаго мѣсяца, дабы оно было постоянно у всѣхъ въ памяти: «Такъ какъ я хочу, говоритъ императоръ, чтобы царство было дѣтски послушно». Davis, China. T. I, s. 222—223. Разумѣется, подобныя мѣры вели къ тому, что власть родителей пріобрѣтала все болѣе суровый характеръ.

Digitized by Google

ритета родительской власти (¹). Этому же увеличенію способствовало и то обстоятельство, что государственная власть, въ видахъ удобства управленія націей, сдѣлала отца семьи какъ-бы своимъ чиновникомъ, возложивъ на него отвѣтственность за всѣ дѣйствія его подвластныхъ (²).

Здѣсь не мѣсто подробно говорить о тѣхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ внутри китайской семьи; достаточно сказать, что она представляетъ не только экономическую, но и политическую единицу. Государство представляется не совокупностью отдѣльныхъ лицъ, а совокупностью семействъ. Извѣстно, что каждыя пять семействъ составляли изъ себя общину, пять такихъ общинъ—волость и т. д. (³). Глава семьи не только хозяинъ и неограниченный распорядитель семейнаго имущества: онъ, кромѣ того, административный представитель семьи, обязанный наблюдать за порядкомъ внутри ея и отвѣтственный за поведеніе своихъ подвластныхъ предъ правительствомъ. Онъ доставляетъ начальству ежегодные отчеты

(¹) О наказаніяхъ за преступленія противъ родителей и старшихъ родственниковъ с. Ta-tsing-leu-lée t. II, sect. CCLXXXIV, CCCXV—CCCXXII, CCCXXVIII—CCCXXX, CCCXXXVII—CCCXXXVIII и др. Кодексъ Аннамскій также подробно занимается вопросомъ о преступленіяхъ между родственниками. См. liv. II, sect. III и почти всю III книгу, особенно part. I, sect. III, VIII, XIII, XVIII, XXXVI, XXXVII, XXXVIII, XL; part. 3, sect. V, VI; part. 4 sect. VI, VII. Смертная казнь въ разныхъ видахъ грозитъ не только за убійство или другія тяжкія преступленія противъ старшихъ родственниковъ, но даже за оскорбленіе ихъ. Тогда какъ убійство старшимъ родственникомъ младшаго наказывается легче, чѣмъ убійство посторонняго, а отецъ вовсе не наказывается даже за намѣренное убійство сына, когда послѣдній навлекъ гнѣвъ родителя своимъ поведеніемъ. Дѣтямъ на родителей, младшимъ родственникамъ на старшихъ запрещено подавать какія-бы то ни было жалобы. Принесеніе такой жалобы на родителей или на мужа наказывается 100 ударовъ бамбуковой тростью въ случаѣ, если жалоба была основательна; а за неосновательное обвиненіе полагается смертная казнь.

(²) *Wuttke*, China's religiöse, sittliche und gesellschaftliche Zustände, s. 19. *Davis*, China I. s. 228—229. *Grosier*, Description de la Chine, II p. 42. Въ настоящее время главы семействъ выбираютъ общиннаго начальника надъ 100 семействами и 10 помощниковъ ему.

(³) *Plath*, Ueber die lange Dauer und die Entwicklung des chinesischen Reiches, s. 24—25. Ta-tsing-leu-lée, sect. LXXXIII. *Plath*, Gesetz und Recht im alten China. Politzeigesetzgebung, s. 32 и слѣд.

Digitized by Google

о состоянiи семьи, о количествѣ ея членовъ, съ прописаниемъ рода занятiй каждаго, о родившихся и умершихъ, о людяхъ, проживающихъ въ семьѣ и т. п. За непредставленiе въ надлежащiй срокъ этихъ отчетовъ и за неправильное съ умысломъ или безъ умысла составленiе ихъ, онъ подвергается довольно строгому наказанiю (¹). Онъ платитъ подати, слѣдующiя съ семьи, и на его отвѣтственности отправленiе повинностей, на ней лежащихъ.

Всѣ остальные члены семьи находятся въ большей или меньшей зависимости отъ главы, смотря потому, будетъ-ли послѣднiй отецъ ихъ или только старшiй родственникъ (братъ, дядя и т. п.), т. е. и здѣсь существуетъ разница между правами главы въ семьѣ естественной и въ семьѣ соединенной. Когда семья состоитъ изъ отца и его нисходящихъ, то при жизни перваго послѣдние находятся въ полной зависимости отъ него: они не могутъ имѣть собственнаго имущества: все прiобрѣтенное ими, прiобрѣтается для отца. Положенiе ихъ не разнится юридически отъ положенiя раби; эмансипацiи совершеннолѣтнихъ сыновей китайское законодательство не знаетъ; права родительскiя прекращаются только смертью родителей, отдачею сына въ усыновленiе и отдачею дочери замужъ. Дѣти составляютъ собственность отца, который можетъ извлекать изъ нихъ всѣ выгоды, какiя возможно. Отъ него зависитъ выбрать невѣсту сыну и выдать замужъ дочь, за кого онъ желаетъ (²). Это послѣднее право, за отсутствiемъ отца переходящее къ матери, повело, по словамъ Grosier, къ тому, что бракъ дѣтей является часто выгодной аферой для родителей (³). Родители могли даже продавать

(¹) См. ссылки прим. стр. 92 и кромѣ того *Davis*, China I, p. 297. *Grosier*, Description de la Chine II, p. 62—63. Ta-tsing leu-lée, sect. LXXV, LXXVI, sect. LXXX—LXXXI, LXXXIV, и XC. Относительно отвѣтственности главы семьи за преступленiя членовъ его см. напр. Code Annamite, livre IIe, part. I, sect. XIII, règlem. suppl. § 3, 4 и многiя другiя мѣста того же памятника.

(²) *Gans*, Erbrecht I, 107. *Grosier*, Descript. de la Chine, I, p. 427. *Осиповъ*, Брачное право древняго востока, стр. 5. *Plath*, Ueber die häuslichen Verhältnisse der alten Chinesen, s. 14, 39 и сл. Ta-tsing-leu-lée, I, sect. LXXXVII. Tching-young. XIII, 1. Lun-yu. I.

(³) *Grosier*, p. 427. Ta-tsing-leu-lée, sect. CI.

дѣтей въ рабство (¹). Убійство дѣтей не влечетъ за собой наказанія, когда родители имѣли какое-либо основаніе сердиться на нихъ и убили ихъ, желая наказать за непослушаніе, если только при этомъ наказаніи не было употреблено особой жестокости. Даже намѣренное убійство дѣтей родителями не наказывается, если дѣти совершили какое-либо преступленіе противъ послѣднихъ. Когда-же убійство было совершено съ намѣреніемъ и безъ всякаго повода со стороны убитаго, бывшаго почтительнымъ сыномъ, то хотя преступникъ и подвергается наказанію, но гораздо болѣе легкому, чѣмъ за обыкновенное убійство (²). Что касается до положенія жены въ семьѣ, то можно сказать, что въ Китаѣ, какъ и въ древнемъ Римѣ, она пользуется большимъ уваженіемъ, но не имѣетъ никакихъ правъ. Конфуцій говоритъ: „Женщина должна быть подчинена мущинѣ. Она никогда не можетъ быть самостоятельной и не можетъ ничѣмъ распоряжаться. Она находится въ троякаго рода зависимости: пока она не замужемъ, она зависитъ отъ отца или отъ старшаго брата, если отецъ уже умеръ; замужняя зависитъ отъ мужа, а вдова отъ старшаго сына. Ея господство ограничивается предѣлами женскихъ покоевъ: она должна заботиться о приготовленіи купаній". Это буквально то-же, что мы видимъ и въ законахъ Ману; но въ то время, какъ въ Индіи права женщины давно уже расширены, въ Китаѣ она остается доселѣ все въ томъ-же подчиненномъ положеніи; даже та ограниченная сфера самостоятельности, которая предоставлена ей въ приведенныхъ словахъ, можетъ принадлежать ей лишь въ томъ случаѣ, если она, выходя замужъ, становится главной женой. Жены-же второстепенныя находятся въ повиновеніи у главной, которая одна считает-

---

(¹) Право продажи дѣтей родители получили въ первобытномъ состояніи Китая, причемъ эта продажа была допускаема только въ случаѣ крайней нужды. См. *Plath*, Gesetz und Recht im alten China, s. 17. *Davis*, China, I, s. 303. *Grosier*, I, p. 43. Ta-tsing-leu-lée (sect. CCLXV) и Анамскій кодексъ наказываютъ родителей за продажу дѣтей въ рабство (livre III, sect. I, sect. XXII).

(²) Убійство сына наказывается одинаково, какъ и убійство раба. *Gans*, Erbrecht, I. *Davis*, China, I, s. 304. Ta-tsing-lu-lée, livre III, p. 4. Code Annamite, sect. XI, XXXVII, XXXVIII.

Digitized by Google

ся домохозяйкой и матерью всѣхъ дѣтей своего мужа, отъ какой-бы жены они ни были прижиты (¹).

Хотя такимъ образомъ власть главы въ семьѣ естественной представляется по китайскимъ воззрѣніямъ неограниченной, но однако эта власть принадлежитъ ему, какъ представителю и продолжателю рода. Это представительство налагаетъ на него нѣкоторыя обязанности, отъ выполненія которыхъ онъ не можетъ уклониться и которыя ограничиваютъ до нѣкоторой степени его произволъ (²). Китайцы, подобно многимъ народамъ, признаютъ родство только черезъ мужчинъ, т. е. агнатическое (³). Родъ есть кругъ лицъ, связанныхъ агнатическимъ родствомъ. Хотя родовые союзы давно уже распались, но идеи и обычаи, создавшіеся въ эпоху родового быта, продолжаютъ жить тѣмъ легче, что идея существованія поддерживаетъ культъ умершихъ предковъ, устанавливающій нерасторжимую связь умершихъ членовъ рода съ живыми его представителями. Значеніе рода и семьи, какъ дѣлаго, представляемаго своимъ главой, особенно ясно высказывается въ этомъ культѣ, составляющемъ преобладающую религію страны. Предкамъ строятъ храмы; въ каждомъ домѣ есть особый залъ съ табличками, на которыхъ написаны имена этихъ предковъ: это залъ предковъ, священное мѣсто въ жилищѣ, мѣсто, гдѣ китаецъ приноситъ имъ свои поклоненія. Часть родовой недвижимости, предназначенная для цѣлей культа, составляетъ вѣчную собственность рода и не можетъ быть ни дѣлима, ни отчуждаема. Каждый китаецъ, гдѣ-бы онъ ни жилъ, долженъ быть похороненъ на родовомъ кладбищѣ, и на живыхъ его родичей возлагается нравственная обязанность позаботиться объ этомъ. Всѣ свои дѣйствія китаецъ сообразуетъ съ тѣмъ, какъ бы ему доставить радость душамъ предковъ: даже отличія на состязательныхъ экзаме-

(¹) *Plath*, Ueber die häuslichen Verhältnisse der alten Chinesen, s. 5, 7, 17—19.

(²) Мы уже выше сказали, что слѣды родового быта доселѣ очень видны въ Китаѣ. Чѣмъ, иначе, напримѣръ, какъ не вліяніемъ родового быта объяснить запрещеніе браковъ между родственниками, носящими одно фамильное имя? Tai-tsing-leu-le sect. CV, II.

нахъ онъ получаетъ для нихъ, такъ какъ съ каждымъ повышеніемъ его они повышаются на степень выше его самого (²).

Важнѣйшею изъ идей, вынесенныхъ изъ родового быта, является, конечно, та, что родъ есть собственникъ имущества, находящагося въ завѣдываніи его представителя. Съ распаденіемъ родовыхъ союзовъ эта идея продолжаетъ существовать въ китайской семьѣ, какъ мы это увидимъ ниже. Другая не менѣе важная по послѣдствіямъ идея, вновь коренящаяся въ родовомъ бытѣ и родовомъ культѣ, есть та, что живые члены рода должны заботиться объ его продолженіи, такъ какъ иначе родъ угаснетъ и вся среда предковъ придетъ въ забвеніе.

Обѣ эти идеи оказываютъ существенное вліяніе на бытъ семьи и на отношенія между ея членами. Въ самомъ дѣлѣ, хотя власть главы китайской семьи является неограниченной, хотя онъ повидимому представляется полнымъ собственникомъ имущества, какъ дошедшаго къ нему отъ предковъ, такъ и благопріобрѣтеннаго, но вглядываясь ближе въ дѣло, приходится убѣдиться, что настоящей и постоянной собственницей имущества является семья, представленіе о правѣ которой только сливается съ представленіемъ о правѣ главы, какъ единственнаго ея представителя, на которагося правомочіемъ переносится всѣ права ея, пока онъ живъ. Отецъ семьи

(²) *Gans*, Erbrecht, t. 1, s. 109. *Vanier*, Etude analytique sur les codes annamite et chinois p. 8. Когнатическое родство имѣетъ, однако значеніе, какъ препятствіе къ вступленію въ бракъ (sect. CVIII) и какъ отягчающее или смягчающее обстоятельство при преступленіяхъ, совершенныхъ противъ родственниковъ когнатовъ, чему можно отыскать много примѣровъ какъ въ китайскомъ, такъ и въ анамскомъ уголовномъ кодексѣ. См. напр. Ta-tsing-leu-lée, sect. CCCXV, CCCXX.

(¹) *Grosier*, t. II, liv. 2, ch. II и XI. *Frank*, Etudes orientales. *Davis*, China, I, p. 309—314, 325. *Осиповъ*, Брачное право древняго востока, стр. 13. *Тэйлоръ*, Первобытная культура, т. II, стр. 183—186. *Plath*, Ueber die häusl. Verh. der alt Chinesen, s. 44—45. Какое придавалъ большое значеніе выполненію религіозныхъ церемоній въ честь предковъ Конфуцій, см. Lun-yü, 1, 9, ch. I, § 9, ch. II, § 5, ch. III, § 4, § 42 и пр. Tsong-yong, ch. XVII, XVIII, стр. Ср. Ta-ming-leu-lée sect. CLXXIX, CLXXXI, CCLVI. Code annamite, livre V, parte II, sect. IV, règl. suppl.

Digitized by Google

есть представитель рода, обязанный заботиться о славѣ и счастіи его. Онъ поклоняется предкамъ, помогающимъ потомкамъ и за гробомъ; онъ обязанъ заботиться о живыхъ членахъ рода, о матеріальномъ благосостояніи своего дома, о строгомъ порядкѣ въ семьѣ, о нравственномъ и умственномъ совершенствованіи ея членовъ: можно сказать, что самая неограниченная власть надъ личностью членовъ семьи и ея имуществомъ вручается ему для того, чтобы при помощи ея удобнѣе было достигнуть благосостоянія семьи и процвѣтанія рода. Съ этой точки зрѣнія понятно, что, будучи господиномъ семьи и неограниченнымъ распорядителемъ ея имущества при жизни своей, онъ не имѣетъ права распорядиться этимъ имуществомъ на случай смерти (¹). Обязательное вступленіе въ бракъ, цѣлью котораго является не consortium omnis vitae, а пріобрѣтеніе сыновей для продолженія рода, также объясняется обязанностью заботиться объ интересахъ послѣдняго. Государство и общественное мнѣніе строго слѣдятъ за выполненіемъ этой обязанности. Безбрачіе считается унизительнымъ, къ холостому общество относится съ презрѣніемъ; не пріобрѣсти себѣ потомка — это не только несчастіе, но и грѣхъ противъ предковъ. Менгъ-Тсеу говоритъ, что отсутствіе сыновней любви въ человѣкѣ есть тройной проступокъ, а неимѣніе потомства есть величайшій изъ всѣхъ проступковъ, и оправдываетъ императора Шуна, женившагося безъ позволенія родителей изъ боязни не имѣть возможности оставить потомка (²). Существовалъ даже особый чиновникъ, смотрѣвшій за тѣмъ, чтобы мужчины 30, а женщины 20 лѣтъ не оставались безбрачными (³). Такимъ образомъ имѣть сына есть обязанность не только

(¹) *Gans*, Erbrecht, I, s. 415.

(²) Meng-tseu, liv. II, ch. I, § 26, ch. III, § 2. Семьи, имѣющія въ домѣ отъ пяти до восьми колѣнъ въ живыхъ, получаютъ почетныя награды отъ правительства. Іакинѳъ *Бичуринъ*, Китай, стр. 375.

(³) *Осиповъ*, Брачное право, стр. 13, 15 и слѣд. *Plath*. Ueber die häusl. Verhält. der alten Chinesen. s. 8. Полагаютъ, что желаніе имѣть потомка было поводомъ къ учрежденію многоженства. См. тамъ же, s. 15 und folg. *Unger*, Die Ehe in ihrer welthistorischer Entwickelung. 1850. s. 16—17.

Digitized by Google

религіозная, но и юридическая. Этимъ объясняется и положеніе послѣдняго въ семьѣ. Онъ — желанный членъ семьи, поэтому съ рожденія окружается заботами и попеченіемъ родителей. Отецъ знаетъ, что сынъ необходимъ для него, что это надежда и поддержка его рода, и одно это сознаніе, помимо чувства естественной любви, смягчаетъ отношенія между нимъ и сыномъ, не даетъ первому чрезъ мѣру пользоваться предоставленною ему закономъ властью и дозволяетъ второму не замѣчать суровости лежащаго на немъ гнета этой власти. Правда, что китайцы часто бросаютъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, но это заставляетъ дѣлать только крайняя нужда (¹); равнымъ образомъ, только вслѣдствіе крайней нужды родители продаютъ дѣтей въ рабство (²). Если имѣть сына такая настоятельная необходимость, то естественно долженъ существовать и фиктивный способъ его пріобрѣтенія. Такой способъ китайское право знаетъ только одинъ, именно, — усыновленіе путемъ покупки сына, при чемъ требуется, чтобы усыновляемый носилъ одно фамильное имя съ усыновителемъ (³). Нашедшій брошеннаго кѣмъ-либо

(¹) Убійство или оставленіе на произволъ судьбы малолѣтнихъ дѣтей, особенно дѣвочекъ, составляетъ дѣйствительно нерѣдкое явленіе въ Китаѣ, въ особенности въ большихъ городахъ. Главной причиной такого прискорбнаго явленія нужно считать густоту населенія, его бѣдность въ массѣ и трудность пріисканія средствъ къ прокормленію большой семьи. Вообще-же обвинять китайцевъ въ отсутствіи любви и нѣжности къ дѣтямъ, по свидѣтельству путешественниковъ, никакъ нельзя: они скорѣе очень привязаны къ нимъ. См. *Davis*, I, s. 277—279, 304, 430. Ta-tsing-leu-lée, p. 142—143, см. прим. переводчика. Іак. *Бичуринъ*, Китай, стр. 211 и 310.

(²) *Plath*, Gesetz und Recht im alten China, s. 17. *Осиповъ*, «Брачное право древняго Востока», стр. 4.

(³) Ta-tsing-leu-lée, I, sect. LXXVIII. Подробныя правила объ усыновленіи содержатся въ Анамскомъ кодексѣ, liv. V, part. I, sect. IV. Здѣсь, какъ одно изъ важныхъ условій дѣйствительности усыновленія, требуется, чтобы вслѣдствіе его не произошло перемѣнъ въ отношеніи старшинства родственниковъ, т. е, нельзя усыновлять лицо, приходящееся братомъ усыновителю, при существованіи племянниковъ нельзя усыновлять внучатныхъ племянниковъ и т. п. Отецъ можетъ усыновить ребенка не только себѣ, но и женатому сыну, который умеръ, не оставивъ потомства. Един-

Digitized by Google

ребенка не старше трехлѣтняго возраста, можетъ принять послѣдняго въ свою семью и дать ему свое фамильное имя; но такой сынъ не имѣетъ права на наслѣдство послѣ усыновителя (¹). Усыновленный съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ условій сынъ вступаетъ во всѣ права сына законнаго, кромѣ права на полученіе наслѣдственнаго почетнаго званія. Отношенія между нимъ и усыновителемъ не могутъ прекратиться, исключая того случая, когда у усыновителя родятся послѣ сыновья законные и естественные родители, не имѣя мужскаго потомства, пожелаютъ взять опять къ себѣ своего

ственный сынъ брата можетъ быть усыновленъ и считается способнымъ продолжать потомство какъ отца, такъ и дяди. Кромѣ того, считаемъ нужнымъ здѣсь же добавить, что и китайскій, и аннамскій кодексы знаютъ, помимо усыновленія родича агната, и другой способъ пріобрѣтенія потомка, о которомъ умалчиваетъ Гансъ. Это именно принятіе въ домъ зятя подъ условіемъ, что дѣти отъ брака будутъ считаться нисходящими тестя. Аннамскій кодексъ содержитъ слѣдующія постановленія на этотъ счетъ (liv. V, part. III. sect. I, règl. supplém. § 3): «Si une personne n'ayant qu'une fille désire en la mariant la conserver chez elle, elle doit faire connaître clairement à l'avance son intention par l'entremetteur du mariage. Le contrat de mariage établira en termes précis que le gendre devra demeurer dans la maison de son beau-père pour le nourrir dans sa vieillesse, ou qu'il ne sera tenu de vivre avec lui que pendant un certain nombre d'années qui sera exactement déterminé. Si le gendre est fils unique, il ne pourra pas prendre de pareils engagements.

Le gendre étant inepte à continuer la postérité (en ligne directe) de son beau-père, celui-ci devra adopter une personne pour continuer cette postérité, et les biens du beau-père seront alors partagés à sa mort entre le gendre et ce fils adoptif. Si le beau-père vient à mourir avant d'avoir pu choisir un fils adoptif, ses parents en choisiront un pour lui-même après sa mort pour continuer sa postérité, et le partage aura lieu de la même façon». Этотъ зять, пока живетъ въ домѣ тестя, находится подъ властью послѣдняго и обязанъ ему сыновнимъ повиновеніемъ. Если тесть или зять нарушатъ принятое ими обязательство жить вмѣстѣ, и зять оставитъ своевольно отъ тестя или тесть выгонитъ его изъ дома, то оторвавшаяся, виновная въ нарушеніи условія, подвергается наказанію. См. Ta-tsing-léu-lée, sect. CIV. Какъ видно изъ приведенныхъ постановленій, такой зять получаетъ имущество тестя послѣ смерти послѣдняго и долженъ быть поименованъ въ числѣ лицъ, имѣющихъ право на наслѣдство.

(¹) Ta-tsing-léu-lée и Code Annamite. Секц., цитированныя въ предъидущемъ примѣчаніи.

Digitized by Google

сына (¹). Что касается до дальнѣйшихъ нисходящихъ, т. е. внуковъ, правнуковъ и праправнуковъ, то понятно, что при жизни предковъ они находятся по отношенію къ послѣднимъ въ такомъ-же положеніи, какъ и сыновья. Законы о наслѣдствѣ (²), о преступленіи противъ родственниковъ (³), объ обязательномъ траурѣ по смерти родственника (⁴) и др. показываютъ, что и китайское право различаетъ между родственниками болѣе близкихъ и отдаленныхъ, подобно тому, какъ въ Индіи различаются сапинды отъ саманодаковъ. Кругъ ближайшихъ родственниковъ въ китайскомъ правѣ шире, чѣмъ въ индусскомъ: онъ обнимаетъ собою всѣхъ нисходящихъ въ прямой мужской линіи до праправнука и всѣхъ восходящихъ въ той линіи до прапрадѣда вмѣстѣ съ потомками послѣднихъ до 4-й степени. Остальные входятъ въ кругъ отдаленныхъ родственниковъ, носящихъ одно фамильное имя (⁵). Замѣтимъ, что самый счетъ степеней родства у китайцевъ иной, чѣмъ у насъ: китаецъ считаетъ своего отца, дѣда, прадѣда и прапрадѣда родственниками въ первой степени; въ первой же степени приходятся ему его сыновья, внуки, правнуки и праправнуки (⁶). Въ боковыхъ линіяхъ счетъ степеней идетъ такимъ образомъ, что считаютъ число рожденій отъ общаго родоначальника

(¹) Тамъ-же. Что усыновленный становится въ тѣ-же отношенія къ усыновителю, какъ и сынъ законный, видно изъ многихъ постановленій какъ китайскаго, такъ и аннамскаго кодекса, уже цитированныхъ нами. См. кромѣ того, *Gans*, I, s. 107—8.

(²) Ta-tsing-léu-lée, sect. LXXVIII. Append. XII, A. Code Annamite, livr. V, pr. I, sect. VI.

(³) См. стр. 92, примѣч. 1.

(⁴) Ta-tsing-léu-lée. Préliminaires du code, p. 17. Ср. Іак. *Бичурина*, Китай, стр. 221—227.

(⁵) Впрочемъ, вопросъ о томъ, ограничиваются-ли въ Китайскомъ правѣ родство и право наслѣдованія въ нисходящей линіи 4-й степенью или продолжаются до безконечности, доселѣ еще нельзя считать окончательно рѣшеннымъ. Ср. Gans, I. 140—123 и Code Annamite livr. V, part. I, sect. X. Кругъ родственниковъ, носящихъ одно фамильное имя, можетъ быть очень великъ. Законъ принимаетъ во вниманіе такое родство какъ препятствіе къ браку и какъ обстоятельство, вліяющее на мѣру наказанія за преступленія. Ta-tsing-léu-lée, I, sect. CVII и примѣч. переводч. на стр. 192; II, sect. CCCXVI, CCCXXX и др.

(⁶) Ta-tsing-léu-lée, I, sect. XXXVIII.

Digitized by Google

къ болѣе отдаленному потомку, такъ что лица, происходящія въ 4-й степени отъ общаго родоначальника, суть родственники въ 4-й степени между собою (¹). Далѣе этого счетъ степеней родства не продолжается. За этимъ предѣломъ остаются родственники, носящіе одно фамильное имя, по которымъ траура не полагается. Бракъ между ними хотя такъже запрещенъ, какъ между родственниками ближайшими, но нарушеніе перваго запрещенія не наказывается такъ строго (²).

Всѣ ближайшіе родственники связаны между собою тѣсными узами. Они часто живутъ вмѣстѣ, не раздѣляясь; младшіе изъ нихъ обязаны почтеніемъ и повиновеніемъ къ старшимъ, и строго наказываются не только за всякое преступленіе противъ первыхъ, но даже за простое неповиновеніе имъ (³). Какъ живо въ китайскомъ правѣ представленіе о семьѣ, какъ о единомъ цѣломъ, и какое значеніе законъ придаетъ крѣпости кровныхъ узъ, видно, напримѣръ, изъ постановленій о томъ, что лица, скрывающія преступленія своего родственника первой или второй степени, не отвѣтственны за это (⁴), исключая случаевъ особенно тяжкихъ преступленій, и что нѣкоторыя, наиболѣе тяжкія преступленія на-

---

(¹) Ta-tsing-léu-lée, I, sect. LXXVIII. Append. № XII. Въ анамскомъ кодексѣ счетъ степеней родства нѣсколько разнится отъ китайскаго, хотя кругъ ближайшихъ родственниковъ ограничивается тѣми же предѣлами.

(²) Ta-tsing-léu-lée, I, sect. CVII и CIX. Code Annamite, liv. V, part. 3, sect. VII и IX.

(³) Ta-tsing-léu-lée, II, sect. CCCXXXIII. Не только родители, но и старшіе родственники имѣютъ право наказывать младшихъ, что видно изъ art. II, sect. CCCVII: «Un parent plus agé, au second, au troisième ou au quatrième degré, n'encourra aucune peine pour avoir frappé son cadet, à moins qu'en le frappant il ne l'ait blessé» etc. См. также art. II, sect. CCCVIII.

(⁴) Правило это простирается и на родственниковъ прочихъ степеней, когда они живутъ, по выраженію закона, «подъ одной крышей», а также на слугъ и рабовъ. Родственникамъ 3-й, 4-ой и дальнѣйшихъ степеней наказаніе за недонесеніе облегчается болѣе или менѣе, смотря по близости ихъ родства. Ta-tsing-léu-lée, I, sect. XXXII. См. также Code Annamite, liv. II, sect. XXXI. Донесеніе о преступленіи близкаго родственника, наоборотъ, приравнивается къ собственному сознанію преступника.

Digitized by Google

влекаютъ наказаніе на всю семью преступника (¹). Особенно рѣзко выражается эта идея въ наказаніяхъ, которыми законъ угрожаетъ дѣтямъ, пытающимся отдѣлиться отъ семьи при жизни отца или даже по смерти его, пока не истекъ траурный срокъ (²). Идея единства семьи настолько крѣпка, что ни одинъ членъ ея не имѣетъ своего личнаго имущества. Разницы между родовыми и благопріобрѣтенными имуществами китайское право не знаетъ (³). Такимъ образомъ здѣсь подчиненіе личности семьѣ еще болѣе полное, чѣмъ мы это видѣли въ индусскомъ правѣ. Что глава семьи, не смотря на всю свою власть, не есть исключительный собственникъ семейнаго имущества, это ясно изъ того, что онъ не имѣетъ права передать его по завѣщанію никому, минуя законныхъ наслѣдниковъ. Хотя обычай дѣлать духовное завѣщаніе и употребителенъ, но за назначеніе наслѣдникомъ не того, кого слѣдуетъ по закону, завѣщатель подвергается наказанію, а самое завѣщаніе уничтожается. Также подвергается наказанію и незаконно назначенный наслѣдникъ, если онъ пытается овладѣть имѣніемъ, основываясь на завѣщаніи (⁴). Восходящіе родственники не могутъ наслѣдовать, такъ какъ, пока они живы, потомки ихъ не могутъ имѣть ничего сво-

---

и ведетъ за собою отмѣну или смягченіе наказанія. Конфуцій считаетъ безнравственнымъ свидѣтельствовать противъ преступнаго родственника, Lun-yu, 2, ch. 13, § 18. Code An., liv. II, sect. XXIV, liv. III, part. 4, sect. VI.

(¹) Государственная измѣна, возстаніе и т. д. Ta-tsing-léu-lée, sect. CCLIV—CCLV. Code Annam., liv. III, part. I, sect. I и II.

(²) Ta-tsing-léu-lée, I, sect. LXXXVII. Code An., liv. V, part. I, sect. X, XI.

(³) Отецъ семьи при жизни одинаково распоряжается какъ имуществомъ, дошедшимъ къ нему отъ предковъ, такъ и пріобрѣтеннымъ имъ самимъ. См. *Grosier*, t. II, p. 43. Краткій очеркъ исторіи права собственности въ Китаѣ см. у *Plath*'a. Ueber die lange Dauer und die Entwickelung des Chinesischen Reiches». München. 1861 г. 27—31; также Gesetz und Recht im alten China nach chinesischen Quellen, s. 18 и слѣдующія.

(⁴) *Gans*, Erbrecht, I, p. 120. *Vanier*, Etude analytique etc., p. 43. Ta-tsing-léu-lée, sect. XLVII и LXXVIII. Code Annamite, liv. V, part. I, sect. XI, regl. suppl. § 1.

Digitized by Google

его. Правда, что отцы въ Китаѣ даютъ иногда въ руки своихъ взрослыхъ сыновей часть имущества, родъ peculium'a, для того, чтобы они привыкли сами вести хозяйство; но сынъ при жизни отца не имѣетъ на это имущество права собственности, и слѣдовательно, о наслѣдствѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи (¹). Когда нѣтъ прямыхъ нисходящихъ до праправнука, то наслѣдство переходитъ въ семью отца, т. е. къ братьямъ, племянникамъ и т. д. Затѣмъ послѣдовательно призывается потомство дѣда, прадѣда и прапрадѣда, считая каждый разъ 4 поколѣнія нисходящихъ отъ каждаго предка. За недостаткомъ такихъ наслѣдниковъ, имущество переходитъ къ родственнику, носящему то-же фамильное имя (²). Такимъ образомъ здѣсь наслѣдники могутъ быть раздѣлены на три группы, соотвѣтствующія древне-римскому дѣленію ихъ на heredes sui, agnati и gentiles. Когнаты никогда не наслѣдуютъ. Женщины, какъ мы выше сказали, тоже исключаются изъ числа наслѣдниковъ. Однако, анамскій кодексъ отклоняется отъ этого правила, давая дочери лица, не оставившаго мужскаго потомства, право на пожизненное пользованіе отцовскимъ имуществомъ (³).

(¹) *Gans*, Erbrecht, I, s. 116. *Davis*, China, I, s. 232.

(²) *Gans*, I, s. 120—123. См. выше, стр. 100, примѣч. 5.

(³) Хотя бездѣтная вдова и владѣетъ пожизненно имуществомъ семьи, если не выходитъ замужъ; но по смерти ея это имущество переходитъ къ ближайшему наслѣднику. Ta-tsing-léu-lée, Append. № XII. Анамскій кодексъ не признаетъ за боковыми родственниками права на наслѣдство, если они не были усыновлены съ соблюденіемъ указанныхъ въ законѣ условій. По крайней мѣрѣ, такой выводъ можно сдѣлать изъ слѣдующаго постановленія этого кодекса, liv. V, part. I, sect. XI, règl. suppl. § 2: «Si une personne meurt sans descendant mâle et direct, après que le fait aura été vérifié, on constituera sa fille, si elle en a une, légataire universelle; si cette personne n'a pas de fille, le mandarin du lieu, après avoir fait des recherches scrupuleuses, rendra compte au gouverneur de la province, et l'Etat deviendra héritier du défunt (On entend par descendants directs ceux qui ont même nom et mêmes ancêtres que le défunt: ainsi le fils de sa fille se trouve exclu)».

Говоря о порядкѣ призванія наслѣдниковъ по китайскому законодательству, мы слѣдовали мнѣнію Ганса, отступивъ отъ него только въ томъ, что не признали возможности наслѣдованія восходящихъ. Но считаемъ нужнымъ оговориться, что мнѣніе Ганса о правѣ боковыхъ родственниковъ

Digitized by Google

Когда нѣтъ близкихъ родственниковъ, то наслѣдниковъ изъ родичей, носящихъ то-же фамильное имя, назначаетъ самъ оставитель наслѣдства (¹).

до 4-й степени на наслѣдство требуетъ, для признанія его достовѣрнымъ, повѣрки по источникамъ. Гансъ основывался на LXXVIII sect. Ta-tsing-léu-léo и на изложеніи, сдѣланномъ переводчикомъ изъ дополнительныхъ къ этому раздѣлу статей (Ta-tsing-léu-léo, II, Append. № XII A). Но при сличеніи французскаго перевода этихъ мѣстъ китайскаго уложенія съ соотвѣтствующими имъ мѣстами кодекса анамскаго, т. е. съ IV sect. 1 part. I. V, невольно является сомнѣніе въ точности Стаунтонова перевода и особенно въ вѣрной передачѣ имъ содержанія дополнительныхъ статей.

Анамскій кодексъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, въ существенныхъ чертахъ ничѣмъ не отличается отъ китайскаго: даже расположеніе статей въ нихъ почти одинаково. Въ сопоставляемыхъ нами отдѣлахъ обоихъ кодексовъ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ-же предметѣ—о назначеніи преемника при отсутствіи законныхъ нисходящихъ. Порядокъ, въ какомъ излагаются постановленія обоихъ кодексовъ, также одинаковъ. Большая часть этихъ постановленій тожественна по содержанію; только нѣкоторыя мѣста существенно разнятся между собою по смыслу, и разница эта такова, что даетъ поводъ предполагать ошибку въ переводѣ Стаунтона. Предоставляемъ, впрочемъ, судить о справедливости сказаннаго нами самому читателю, который, надѣемся, не поскупится на длинную выписку изъ обоихъ кодексовъ.

Code Annamite, livre V, part I, sect. IV.	Ta-tsing-léu-léo, sect. LXXVIII.
Des enfants légitimes. Le fait de déclarer comme enfant légitime (de l'épouse) l'enfant d'une concubine sera puni de 80 coups; cependant, si l'épouse légitime est âgée de plus de cinquante ans et n'a pas d'enfants, le premier-né de la concubine pourra être considéré comme enfant légitime; mais la peine sera également de 80 coups si l'on prend un autre enfant que le premier-né, et celui-ci recouvrera ses droits.	Quiconque nommera son héritier et son représentant d'une manière illégale, sera puni de 80 coups. Quand une première femme aura atteint sa cinquantième année, si elle n'a point d'enfants, son mari pourra appeler à lui succéder l'aîné des fils de ses autres femmes; mais il agira contre cette loi, s'il y appelle tout autre que l'aîné de ses fils.

(¹) *Gans*, I p. 120, Ta-tsing-léu-léo, II, Append. XII. A.

Digitized by Google

Впрочемъ, относительно правъ близкихъ родственниковъ на наслѣдство китайское право допускаетъ въ одномъ слу-

---

Si un couple sans enfant adopte et élève l'enfant d'une autre personne ayant même nom et mêmes ancêtres, dont cet enfant n'est pas le fils unique, ce fils adoptif sera puni de 100 coups si plus tard il vient à abandonner ses parents d'adoption pour retourner auprès de ses parents naturels, à qui il devra être rendu.

Mais si les parents d'adoption ont d'autres enfants, et que le fils adoptif soit l'unique enfant de ses parents naturels, on lui permettra de retourner auprès d'eux, s'il le désire.

La peine sera de 60 coups pour la personne qui adoptera comme fils en le déclarant comme tel, un enfant n'ayant ni même nom ni mêmes ancêtres; la peine sera la même pour le père naturel qui livrera son fils comme fils adoptif à une personne de nom et d'ancêtres différents, et l'enfant devra retourner à ses parents. Il est permis d'adopter un petit enfant abandonné et d'environ trois ans ou au-dessous et de lui donner son nom; mais cet enfant ne pourra pas continuer la postérité de son père adoptif. ***Il est interdit, lorsqu'on prend comme fils adoptif un enfant de mêmes ancêtres et devant continuer la postérité, d'apporter du changement et du trouble dans la loi des parents plus âgés et plus jeunes (on peut prendre un neveu, mais non un frère ou un cousin germain de la même génération). La peine sera de 60 coups si l'on contrevient à cette règle et l'enfant étant***

Si une personne qui n'a point de fils, adopte et élève le fils d'un de ses alliés, qui a d'autres fils, et renvoie ensuite ce fils adoptif, elle sera punie de 100 coups, et l'adopté retournera chez ses nouveaux parents, qui seront obligés de l'entretenir.

Néanmoins, si dans la suite, les parents adoptifs viennent à avoir des fils, et que les parents naturels de l'adopté, n'ayant pas d'autres enfants mâles, désirent de le reprendre, ils seront libres de le faire.

Quiconque demandera, et recevra dans sa maison, une personne dont le nom de famille est différent du sien, sera coupable du délit qui consiste à confondre les distinctions auxquelles on reconnaît les familles, et sera puni de 60 coups: dans ce cas, le fils adopté ainsi, retournera toujours dans sa famille. De même, quiconque fera adopter son fils par une famille de différent nom que le sien, subira la peine fixée par cette loi, et reprendra son fils. Néanmoins il sera légal d'adopter un enfant-trouvé de l'âge de trois ans, et de donner à cet enfant le nom de la famille dans laquelle il entre; mais il n'aura point droit à succéder, faute d'enfants, nés de ceux qui l'ont adopté.

Ce sera enfreindre cette loi, que d'appeler à hériter un parent, faute d'enfants, s'il ne doit pas succéder en qualité d'aîné: le parent, nommé héritier de cette façon, sera substitué.

Digitized by Google

чаѣ исключеніе, а именно: если между оставителемъ наслѣдства и семьею лица, имѣющаго право ему наслѣдовать, су-

rendu à ses parents, la personne qui l'a adopté devra en choisir un autre.

Si une personne du peuple élève et nourrit un enfant, garçon ou fille, pour en faire un esclave, elle sera punie de 100 coups, et l'enfant sera rendu à sa famille.

Quiconque gardera comme esclave, dans sa maison, le fils ou la fille d'un homme libre, sera puni de 100 coups, et l'enfant recouvrera la liberté.

Подчеркнутыя нами постановленія, очевидно, соотвѣтствуютъ одно другому по занимаемому ими въ текстѣ мѣсту; но смыслъ постановленія анамскаго кодекса ясенъ, чего нельзя сказать о соотвѣтствующемъ ему постановленіи Ta-tsing-léu-lée. Изъ первой половины послѣдняго постановленія можно заключить, что здѣсь рѣчь идетъ о запрещеніи назначать, при отсутствіи прямыхъ нисходящихъ, наслѣдникомъ не то лицо, которое должно наслѣдовать по закону; но слова: «le parent nommé héritier de cette façon sera renvoyé à sa famille» указываютъ на то, что законъ связываетъ назначеніе наслѣдника съ принятіемъ его въ свою семью, что можетъ имѣть мѣсто только при усыновленіи. Такъ что можно предположить, что оба кодекса въ указанныхъ мѣстахъ содержатъ одну и ту-же мысль, только иначе редактированную.

Далѣе слѣдуетъ въ анамскомъ кодексѣ пять дополнительныхъ статей, очевидно соотвѣтствующихъ 8 дополнительнымъ статьямъ китайскаго уложенія, извѣстнымъ намъ только по краткому извлеченію, сдѣланному Стаунтономъ.

Code Annamite

Règlements supplémentaires.

1) Toute personne sans enfants et désirant en adopter pour continuer sa postérité doit en prendre un ayant même nom et mêmes ancêtres et se conformer aussi à la loi des parents plus âgés et plus jeunes (un frère aîné, ayant deux frères cadets qui tous les deux ont des enfants, ne peut pas prendre l'enfant du frère qui vient immédiatement après lui). On doit, avant tout, choisir les enfants adoptifs parmi ceux des frères ayant même père que soi; on peut, à défaut d'enfants à ce degré de parenté, qui est le deuxième, en prendre dans le troisième, ou bien le

Ta-tsing-léu-lée.

Appendix № XII A.

Pour la section LXXVIII. *Traduction d'un Extrait des Statuts supplémentaires annexés à la section 78.* Un homme qui n'aura point d'enfants mâles se choisira un héritier parmi ceux qui porteront le même nom que lui, et qui seront connus pour descendants des mêmes ancêtres, en commençant premièrement par les enfants de son père; secondement, parmi ses parents au premier degré; troisièmement, parmi ceux du second degré; quatrièmement, parmi ceux du troisième degré; et cinquièmememt, parmi ceux du quatrième degré: à défaut de ceux-ci,

Digitized by Google

ществуетъ открытая вражда, то оставитель наслѣдства, минуя законнаго наслѣдника, можетъ выбрать себѣ преемника

---

quatrième, ou enfin dans le cinquième, mais toujours c'est à défaut d'enfants dans le degré supérieur qu'il est permis de descendre.

Si enfin il n'y a pas d'enfants dans ces cinq degrés de parenté, il est permis d'en prendre chez les collatéraux, et à défaut, enfin, chez les personnes ayant même nom.

Si lorsqu'un enfant est ainsi régulièrement adopté, l'épouse du père adoptif lui donne un enfant, la fortune du père sera également partagée entre son fils primitivement adopté et celui qui est né dans la suite.

2) Si une veuve décidée à ne pas se remarier veut adopter un enfant, elle doit se conformer à la règle prescrite plus haut, c'est à dire qu'elle doit choisir parmi les fils du frère du mari, en observant la loi de l'âge; mais, attendu qu'elle est une femme, ce doit un de ses parents plus âgés qui agisse pour elle et en son nom.

Si une veuve se remarie, il lui est défendu d'entrer en jouissance du patrimoine de son premier mari, ainsi que de la dot donnée à cette veuve lors de son premier mariage; elle doit pour cela se soumettre à la décision de la famille de son premier mari.

3) Tout individu sans enfants qui en aura adopté un sans se conformer exactement à la règle prescrite par le code ne pourra pas, une fois qu'il aura servi de père à cet enfant, le changer pour un autre, quoique se réclamant pour cela auprès du

il aura la liberté de choisir qui il voudra, parmi ceux qui auront le même nom que lui.

Si ensuite il vient à lui naître un fils, ce fils et l'héritier nommé, partageront également dans les biens de famille.

Une veuve qui, n'ayant point d'enfants, ne se remarie pas, pourra demeurer en possession des biens de sa famille; mais elle appellera à sa succession son plus proche héritier.

Digitized by Google

между своими родственниками, не стѣсняясь близостью или отдаленностью родства (1).

---

juge; mais si, au contraire, l'enfant adopté est doué de qualités remarquables et très aimé de son père adoptif, l'adoption de cet enfant, quoique faite avec quelques infractions à la loi de l'âge, sera tolérée par le juge.

Si ce père adoptif a un autre enfant qu'il nourrit chez lui (enfant ne pouvant continuer sa postérité et d'un autre nom que lui), ou bien son gendre, et qu'il les aime beaucoup tous les deux, on ne pourra pas l'empêcher de les garder dans sa maison parce qu'il a eu le fils adoptif dont il a été parlé plus haut, et le père et la mère de ce fils adoptif ne pourront non plus se permettre de tâcher de faire chasser de chez ce père adoptif l'enfant qu'il nourrit, ainsi que son gendre; ils ne pourront pas non plus s'opposer à ce que ces deux derniers reçoivent une partie du patrimoine du père adoptif.

4) Si une personne n'ayant pas d'enfants, et voulant en adopter un, ne veut pas se conformer à la loi de l'âge, c'est à dire se refuse, par exemple, à prendre le fils du frère qui vient immédiatement après elle parce qu'elle est en de très-mauvais termes avec ce frère dont elle a à se plaindre, mais désire, au contraire, adopter le fils de son deuxième frère, à sause de sa sagesse, on lui permettra, dans ce cas, d'agir à sa guise. Et s'il arrive que les parents

Lorsqu'il y aura une inimitié ouverte entre un homme qui n'a point d'enfants mâles, et la famille de son héritier légal, le premier sera libre de choisir celui de ses parents qu'il estimera le plus, parmi ceux connus pour descendants des mêmes ancêtres que lui. Si, dans ce cas, l'héritier exclu veut contraindre celui qui l'a déshérité à admettre sa réclamation à lui succéder, les magistrats interviendront et confirmeront le droit de l'héritier qui aura été choisi.

---

(1) *Gans*, I p. 123. Ta-tsing-léu-lée, II, append. XII, A.

Digitized by Google

Когда наслѣдниками умершаго являются его сыновья, то они получаютъ равное право на участіе въ наслѣдствен-

---

de cette personne, uniquement parce qu'ils ont des vues sur ses biens, veulent la tourmenter pour la forcer à adopter le fils dont elle ne veut pas, ou si ces parents la harcèlent en lui faisant l'éloge du fils qu'elle n'entend pas adopter, il sera porté plainte au juge, qui ne tolérera pas une pareille façon d'agir. La personne pourra donc adopter l'enfant qui lui paraît digne de cette faveur et qu'elle aime.

И здѣсь разница въ томъ, что анамскій кодексъ говоритъ вездѣ объ *усыновленіи* себѣ родственника для продолженія своего рода, а въ извлеченіи изъ дополнительныхъ статей китайскаго кодекса говорится *о назначеніи наслѣдника* изъ числа родственниковъ. Согласно постановленіямъ анамскаго кодекса, при отсутствіи у лица законныхъ нисходящихъ, можетъ ему наслѣдовать только усыновленный имъ родственникъ, при чемъ въ выборѣ этого родственника усыновитель обязанъ руководствоваться не только близостью родства, но и требованіемъ не вносить перемѣнъ и замѣшательствъ въ отношеніяхъ старшихъ и младшихъ родственниковъ, т. е. не допускать, чтобы братъ сталъ сыномъ своего брата, племянникъ дядей и т. п. Въ томъ случаѣ, когда неимѣющій наслѣдника умеръ, не успѣвъ усыновить кого либо, за него могутъ выбрать ему сына его родственники (Code Annamite, livre V, part. III, sect. IX, règl. suppl. 1—3). Такимъ образомъ, здѣсь усыновленіе и назначеніе наслѣдника изъ боковыхъ родственниковъ являются понятіями однозначащими. Невольно возникаетъ предположеніе, что въ статьяхъ китайскаго уложенія говорится о томъ-же предметѣ и тоже самое. Если это такъ, то очевидно, что тогда всѣ разсужденія о правахъ на наслѣдство, предоставляемыхъ китайскимъ уложеніемъ, боковымъ родственникамъ, оказываются излишними, такъ какъ эти родственники могутъ претендовать только на то, чтобы оставитель наслѣдства, если пожелаетъ имѣть преемника, выбиралъ его изъ среды ихъ съ соблюденіемъ законныхъ условій. Кромѣ того, такъ какъ усыновить старшаго родственника *нельзя*, то очевидно, что о полученіи наслѣдства дядей, отцомъ и т. п. лицами не можетъ быть рѣчи. Эти лица могутъ только выбрать своему умершему родственнику изъ ближайшихъ къ нему младшихъ по возрасту родичей наслѣдника, который-бы замѣнилъ ему сына и продолжилъ его потомство. Смыслъ приведеннаго Стаунтономъ извлеченія изъ дополнительныхъ статей на-

Digitized by Google

номъ имуществѣ безъ различія между законными сыновьями и усыновленными и сыновьями отъ главной жены и отъ вто-

---

столько неясенъ, что при одномъ чтеніи его, безъ всякаго сравненія съ соотвѣтствующими постановленіями анамскаго кодекса, является подозрѣніе въ неправильной передачѣ содержанія текста. Въ извлеченіи этомъ говорится, что лицо, не имѣющее мужскаго потомства, выбираетъ себѣ наслѣдника между родственниками, носящими то-же имя, имѣющими тѣхъ-же предковъ, начиная въ этомъ выборѣ съ нисходящихъ своего отца. При отсутствіи послѣднихъ, наслѣдникъ долженъ быть выбранъ между родственниками 1-й степени, затѣмъ, послѣдовательно, между родственниками 2, 3 и 4 степени; если-же таковыхъ не найдется, то онъ можетъ выбрать наслѣдникомъ кого пожелаетъ изъ лицъ, носящихъ одно съ нимъ фамильное имя. Кругъ лицъ, приходящихся родственниками въ указанныхъ здѣсь степеняхъ, намъ съ точностью неизвѣстенъ.

Благодаря тому-же Стаунтону (см. Append, IV къ Ta-tsing-léu-lée), мы знаемъ только, что въ текстѣ постановленій китайскаго уложенія, опредѣляющихъ срокъ ношенія траура по родственникамъ, насчитывается болѣе 24 видовъ родства 1-й степени, что вторая степень обнимаетъ собою 14 разныхъ видовъ родства, 3-я двадцать одинъ, а 4-я сорокъ-два. Слѣдуя буквальному смыслу прибавленія XII къ Ta-tsing-léu-lée, весь этотъ обширный кругъ лицъ имѣетъ право на наслѣдство. Но текстъ этого прибавленія настолько теменъ, что на основаніи его вообще трудно сдѣлать какой-либо выводъ относительно принятаго китайцами порядка наслѣдованія при отсутствіи прямыхъ нисходящихъ.

При буквальномъ толкованіи этого текста пришлось бы, напримѣръ, признать, что внукъ можетъ назначить своимъ наслѣдникомъ дѣда, тогда какъ при жизни послѣдняго внукъ не можетъ имѣть собственнаго имущества. Мало того, пришлось-бы признать, что дѣдъ, назначенный наслѣдникомъ въ завѣщаніи своего внука, раздѣлилъ бы имущество послѣдняго съ своимъ правнукомъ, родившимся послѣ составленія завѣщанія. Кромѣ того, такія выраженія, какъ напр. «лицо назначаетъ себѣ наслѣдника», прямо противорѣчатъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ говорится, что избранный имъ наслѣдникъ *„doit être son plus proche héritier“*, *„son héritier légal“*. Очевидно, что здѣсь есть какое-то недоразумѣніе, что многое не досказано, выражено невѣрно. Соотвѣтствующія статьи анамскаго кодекса даютъ, конечно, нѣкоторое право сдѣлать предположеніе о томъ, каковъ долженъ быть истинный смыслъ дополнительныхъ постановленій къ 78 sect. китайскаго уложенія; но рѣшать такъ или иначе этотъ вопросъ, не имѣя подъ руками подлиннаго текста этихъ постановленій или по крайней мѣрѣ точнаго перевода ихъ, было-бы черезчуръ смѣло.

Замѣтимъ, кромѣ того, что въ анамскомъ кодексѣ къ sect. XI, liv. V, part. I, гдѣ говорится о пользованіи отцовскимъ имуществомъ до раз-

Digitized by Google

ростепенныхъ. Мѣсто умершихъ сыновей замѣняютъ ихъ нисходящіе. Старшій между нисходящими старшей линіи наслѣдуетъ рангъ и титулъ отца (¹). Эти наслѣдники могутъ не дѣлиться между собой, если захотятъ жить вмѣстѣ. Въ такомъ случаѣ старшій братъ замѣняетъ вполнѣ мѣсто отца въ семьѣ (²). Такимъ образомъ возникаетъ соединенная семья, которая можетъ существовать въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, не раздѣляясь. Мы уже раньше сказали, что китайскіе моралисты совѣтуютъ братьямъ жить вмѣстѣ въ любви и согласіи, законодательство также не одобряетъ раздѣла, и запрещаетъ его, пока не истекъ траурный срокъ, подъ страхомъ наказанія ослушниковъ извѣстнымъ числомъ ударовъ бамбуковой трости (³). Несовершеннолѣтніе наслѣдники не могутъ быть выдѣлены до достиженія совершеннолѣтія и остаются при старшемъ братѣ, котораго почитаютъ, какъ отца. Глава въ соединенной семьѣ не пользуется такой властью въ распоряженіи имуществомъ, какую имѣлъ отецъ; онъ не

дѣла, приложены двѣ дополнительныя статьи, изъ которыхъ вторая, приведенная выше (см. стр. 103), прямо ограничиваетъ кругъ лицъ, имѣющихъ право наслѣдовать умершему, его прямыми нисходящими въ мужской линіи. Къ соотвѣтствующему отдѣлу китайскаго кодекса (sect. LXXVIII) также имѣются двѣ дополнительныя статьи, съ содержаніемъ которыхъ, къ сожалѣнію, переводчикъ насъ не познакомилъ. Можетъ быть, что вторая изъ этихъ статей тожественна по содержанію съ той, которая есть въ анамскомъ кодексѣ.

Несомнѣнно такимъ образомъ, что все, сказанное Гансомъ о правѣ боковыхъ родственниковъ на наслѣдство, о порядкѣ наслѣдованія и т. д., не можетъ быть признано достовѣрнымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ провѣрено по подлинному тексту китайскаго уложенія лицами, знающими китайскій языкъ. Не имѣя возможности предпринять такую повѣрку, мы принуждены были въ нашемъ изложеніи держаться мнѣнія Ганса, хотя и позволяемъ себѣ сильно сомнѣваться въ вѣрности его заключеній.

(¹) *Gans*, I, s. 117, 118, 121. Ta-tsing-léu-lée, sect. LXXVIII и XLVII.

(²) *Gans*, I, s. 110, 116. Code Annamite, l. c.

(³) Ta-tsing-lée-lée, sect. LXXXVII. Code Annamite, liv. V; part. I, sect. X. Раньше истеченія траурнаго срока наслѣдники могутъ приступить къ раздѣлу только въ такомъ случаѣ, если самъ оставитель наслѣдства уполномочилъ ихъ на то въ завѣщаніи.

Digitized by Google

можетъ отчуждать общей недвижимости, и другіе члены семьи, по истеченіи траурнаго срока, могутъ потребовать отъ него раздѣла, если находятъ неудобнымъ жить съ нимъ вмѣстѣ. Младшій членъ соединенной семьи, пока онъ не выдѣлился изъ нея, не имѣетъ права распоряжаться никакой вещью изъ семейнаго имущества или обращать что-либо изъ него на собственное употребленіе безъ позволенія главы; онъ подвергается наказанію, если своевольно истратитъ часть этого имущества стоимостью свыше извѣстной, весьма небольшой, суммы (10 тайлей) (¹).

Наслѣдники, къ которымъ переходитъ имущество, обязаны давать содержаніе матери умершаго, его вдовѣ, дочерямъ, незамужнимъ сестрамъ до смерти ихъ или до выхода замужъ. Такъ какъ обычая давать приданое не существуетъ въ Китаѣ, то выдача замужъ не влечетъ для семьи большихъ расходовъ (²).

Къ сожалѣнію, мы ничего не находимъ въ источникахъ объ отвѣтственности наслѣдниковъ за долги умершаго главы; но изъ всего, сказаннаго о китайской семьѣ, о семейной собственности, о власти главы и о порядкѣ наслѣдованія, само собой вытекаетъ заключеніе, что по смерти главы старшій сынъ его или вообще тотъ родственникъ, къ которому переходитъ главенство въ семьѣ, долженъ платить и долги умершаго. Гансъ замѣчаетъ то обстоятельство, что старшій сынъ одинъ только есть наслѣдникъ, въ собственномъ смыслѣ слова, и замѣститель отца, что даже при раздѣлѣ отцовскаго имущества остальные братья являются лишь легатарями, получающими слѣдующія имъ доли отъ старшаго брата (³). Если это такъ, то принимая въ разсчетъ трехлѣтній траурный срокъ, раньше котораго раздѣлъ отцовскаго имущества не дозволяется, мы можемъ предположить, что въ теченіе этого срока можетъ приводиться въ извѣстность

(¹) За растрату и за присвоеніе себѣ имущества своихъ родственниковъ глава семьи отвѣчаетъ такъ же, какъ и за неправильныя дѣйствія при семейномъ раздѣлѣ. Ta-tsing-léu-léo, sect. LXXXIII. Code Annamite, l. V, part. I, sect., Davis I, s. 315. Grosier, II, p. 35.

(²) *Gans*, I. s. 118, 119.

(³) *Gans*, I, s. 117.

Digitized by Google

остающееся имущество и могутъ быть уплачены долги отца, и послѣ уже происходитъ раздѣлъ. О размѣрѣ отвѣтственности нисходящихъ за долги предка въ законѣ мы не находимъ ничего; но, исходя изъ того положенія, что семья и ея представитель — глава нераздѣльны, что его обязательства суть, слѣдовательно, обязательства всей семьи, должно придти къ заключенію, что и въ Китаѣ отвѣтственность прямыхъ нисходящихъ за долги ихъ умершаго родителя безусловна и что права отреченія отъ наслѣдства, по несоразмѣрности его съ долгами, они не имѣютъ. Это заключеніе подтверждается свидѣтельствомъ Grosier, который, говоря, что отецъ есть абсолютный хозяинъ всего имущества, какъ наслѣдуваннаго отъ предковъ, такъ и благопріобрѣтеннаго, прибавляетъ: „Son fils est caution de toutes les dettes qu'il contracte. La loi en excepte seulement celles du jeu" (¹). Послѣдняя фраза указываетъ, что и въ Китаѣ признается несправедливымъ заставить потомковъ платить долги отца, сдѣланные для цѣлей, противныхъ интересамъ семьи. Въ такихъ случаяхъ, когда на имущество лица падаетъ казенное взысканіе и имущество это назначается въ публичной продажѣ, члены семьи собственника приглашаются наблюдать за этой продажей для охраны своихъ интересовъ, какъ сособственники имущества, и имѣютъ право обжаловать неправильныя дѣйствія властей (²). Относительно членовъ соединенной семьи въ Анамскомъ кодексѣ мы находимъ слѣдующее правило: „Если имущество виновнаго въ преступленіи должно быть конфисковано, а онъ живетъ въ одномъ домѣ съ братьями, то выдѣляется только его доля изъ общаго имущества и конфискуется, а остальные братья не отвѣчаютъ (³)". Что-же касается до долговъ, сдѣланныхъ старшимъ братомъ для цѣлей общаго хозяйства, то они, конечно, должны падать на

(¹) *Grosier*, II, p. 48. Въ Ta-tsing-léu lée мы находимъ много постановленій, свидѣтельствующихъ о томъ, что по обязательствамъ, возникшимъ изъ преступленія отца семьи, его жена и дѣти отвѣчаютъ. См. напр. Ta-tsing-léu-lée, sect. XXIV и ср. Code Annamite, liv. III, part. II, sect. XI, liv. II, sect. XXIII.

(²) Code Annamite, liv. II, sect. XXIII.

(³) Кромѣ случаевъ тѣхъ преступленій, за которыя отвѣтственность падаетъ на всю семью. См. Code Annamite, liv. II, sect. XXIII, liv. III, part. I, sect. I, II, XIII—XX, liv. V, part. IV, sect. XXX.

Digitized by Google

всѣхъ членовъ семьи. Къ сожалѣнію, отсутствіе надлежащихъ указаній въ источникахъ не даетъ намъ права ничего сказать объ отвѣтственности другихъ наслѣдниковъ, не нисходящихъ умершаго и не бывшихъ членами одной съ нимъ семьи. Имѣютъ-ли они право отказаться отъ наслѣдства? При принятіи наслѣдства составляется-ли опись и оцѣнка получаемому имуществу и принимаетъ-ли наслѣдникъ на себя обязательство отвѣчать предъ кредиторами умершаго даже собственнымъ имуществомъ, или отвѣчаетъ только стоимостью полученнаго наслѣдства? Наслѣдникъ, выбранный въ завѣщаніи изъ родичей, носящихъ одно фамильное имя, имѣетъ-ли право отказаться отъ наслѣдства? Какова судьба имущества, которое остается безъ наслѣдника? Вотъ вопросы, которые мы поневолѣ должны оставить безъ отвѣта, по неимѣнію у насъ данныхъ для ихъ рѣшенія. Разумѣется, если окажется вѣрнымъ, что боковые родственники могутъ по китайскому закону наслѣдовать только въ качествѣ усыновленныхъ дѣтей, тогда излишне будетъ поднимать вопросъ о правѣ ихъ отречься отъ наслѣдства и о размѣрѣ отвѣтственности ихъ въ случаѣ принятія его, такъ какъ усыновленныя дѣти становятся вполнѣ въ положеніе дѣтей законныхъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что и китайское право признаетъ имущество собственностью семьи, хотя и дозволяетъ главѣ ея распоряжаться этой собственностью неограниченно, что только члены семьи могутъ наслѣдовать это имущество по смерти главы и что при отсутствіи мужскаго потомства, ему наслѣдуютъ члены рода. Кромѣ того, знакомство съ наслѣдственнымъ правомъ Китая даетъ возможность вывести слѣдующее заключеніе:

Неограниченность власти отца въ семьѣ и полная свобода его распоряжаться имуществомъ совмѣстимы съ отсутствіемъ у него права распоряженія послѣднимъ на случай смерти. Завѣщаніе можетъ существовать въ качествѣ завѣта предка потомкамъ, въ видѣ послѣдняго акта его любви къ нимъ, акта, содержащаго въ себѣ совѣтъ и указанія для остающихся въ живыхъ членовъ семьи,—и въ то-же время у завѣщателя можетъ не быть права назначить себѣ наслѣдника помимо ближайшихъ родственниковъ, такъ какъ это право несовмѣстимо съ идеей о коллективной семейной собственности. Наконецъ, безусловная отвѣтственность

Digitized by Google

наслѣдниковъ по долгамъ наслѣдодателя и въ китайскомъ правѣ объясняется общностью имущества и интересовъ всѣхъ членовъ семьи.

Что касается до другихъ историческихъ народовъ древняго Востока, то частное право ихъ намъ извѣстно настолько мало, что изъ имѣющихся данныхъ нельзя извлечь рѣшительно ничего существеннаго по интересующему насъ вопросу. Исключеніе составляетъ только право еврейское. Но въ Моисеевомъ законодательствѣ не содержится никакихъ опредѣленій относительно отвѣтственности наслѣдниковъ за долги оставителя наслѣдства и въ Библіи нѣтъ нигдѣ указаній на то, какъ рѣшало этотъ вопросъ древне-еврейское право. Подробныя правила по этому предмету выработаны уже талмудистами, которые въ основаніе относящихся сюда опредѣленій положили принципъ, что имущество отвѣчаетъ за лицо. На этомъ основаніи Талмудъ обязываетъ наслѣдниковъ отвѣчать предъ кредиторами оставителя наслѣдства только средствами полученной ими наслѣдственной массы. Кредиторы имѣютъ право для охраненія своихъ интересовъ требовать, чтобы долги были имъ выплачены раньше, чѣмъ наслѣдникъ вступитъ въ обладаніе наслѣдствомъ. Штрафы, которые долженъ былъ уплатить наслѣдодатель, не могутъ быть взыскиваемы съ наслѣдниковъ (см. Schulchan aruch, II (Ehoschen), 107 § 1, 2 и 108 § 2). Въ сущности, того же принципа въ опредѣленіи отвѣтственности наслѣдниковъ за лежащіе на наслѣдствѣ долги держится и мусульманское право.

Такъ какъ Талмудъ и Коранъ и по времени своего появленія, и по самому содержанію своему не могутъ быть отнесены къ древнимъ законодательствамъ, то мы считаемъ неудобнымъ помѣстить въ этой главѣ подробное изложеніе содержащихся въ обоихъ названныхъ законодательствахъ опредѣленій о наслѣдствѣ и объ отвѣтственности наслѣдниковъ за долги его оставителя, предоставляя себѣ заняться подробнѣе этимъ вопросомъ впослѣдствіи.

Digitized by Google

ГРЕЦІЯ.

Переходя отъ народовъ Азіатскихъ къ древнимъ грекамъ и обращаясь къ исторіи институтовъ семьи, собственности и наслѣдства у этого народа, мы встрѣчаемся съ явленіями аналогичными тѣмъ, съ которыми мы познакомились при изученіи законодательствъ Востока. Семья и расширеніе ея—родъ—являются и здѣсь коренной формой общественнаго союза. Весьма вѣроятно предположеніе, что многія греческія государства образовались изъ соединенія нѣсколькихъ родовыхъ общинъ (¹).

Фюстель-Куланжъ, горячо оспаривая мнѣніе писателей, утверждающихъ, что древнѣйшей формою поземельной собственности у грековъ была собственность общественная, приводитъ весьма вѣскіе доводы въ доказательство того, что частная поземельная собственность у грековъ хотя и является древнѣйшимъ институтомъ общежитія, однако въ видѣ коллективной, семейной и родовой собственности, а не индивидуальной (²). Такимъ образомъ и въ Греціи исторія собственности начинается съ собственности родовой. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи институтъ собственности слѣдовалъ у грековъ нѣсколько иному пути, чѣмъ, напримѣръ, у индусовъ и вообще у тѣхъ народовъ, у которыхъ образовались сельскія поземельныя общины. Въ Греціи съ преобразованіемъ родовыхъ союзовъ въ учрежденія политическія такихъ земельныхъ общинъ не образовалось. Земля издавна была подѣлена между отдѣльными семьями и составляла долгое время недѣлимую и неотчуждаемую собственность каждой семьи (³). Что нераздѣльная семья, составляющая такое обы-

(¹) *Hermann*, «Lehrbuch der griechischen Antiquitäten», Th. I. Aufl. 4. Heidelberg. 1855, §§ 5, 98. *Fustel de Coulanges*, «La cité antique», 6-me éd. Paris. 1876 г., Кн. II, гл. X. p. 113. (Русскій переводъ *Е. Корша*,—«Гражданская община античнаго міра», Москва. 1867 г., стр. 128—147).

(²) *Fustel de Coulanges*, «La cité antique», Кн. II, гл. VI. См. также статью этого автора «Du droit pe proprieté à Sparte», помѣщ. въ «Journal des savants» за 1880 г., ~~гл. II—IV.~~

(³) *Fustel de Coulanges*, см. цитаты предъидущ. примѣч. *Осиповъ*, «Брачное право древняго Востока», стр. 104.

Digitized by Google

новенное явленіе въ Индіи; была долгое время господствующей формой общежитія во многихъ государствахъ Греціи, въ подтвержденіе этого достаточно указать на примѣръ Спарты, гдѣ раздѣлы семейнаго достоянія запрещались закономъ и поземельная собственность оставалась въ общемъ владѣніи всѣхъ членовъ семьи и послѣ смерти главы семейства; а также на Ѳивы и Коринѳъ, гдѣ закономъ предписывалась неизмѣнность числа земельныхъ участковъ и числа семей и родовъ (¹). Въ Аѳинахъ, напротивъ, раздѣлы отцовскаго имущества между наслѣдниками уже рано допускались, и семья естественная, или малая, какъ ее нѣкоторые называютъ, является, по крайней мѣрѣ послѣ Солона, господствующей формой семейнаго быта (²). По внутреннему своему строю древне-греческая семья, какъ и вездѣ въ древности, является въ видѣ замкнутаго для постороннихъ общества, имѣющаго свою домашнюю вѣру, своихъ боговъ—предковъ, свою, по правилу неотчуждаемую, недвижимую собственность и своего главу, который является представителемъ семьи во внѣшнихъ сношеніяхъ и неограниченно распоряжается всѣмъ внутри ея. Сходство семьи древне-греческой съ индусской и римской семьею подробно и обстоятельно доказано Фюстель-Куланжемъ и мы считаемъ излишнимъ повторять здѣсь доводы этого автора.

Хотя въ Греціи ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, развились болѣе свободныя формы семейнаго быта, однако и у грековъ мы замѣчаемъ ту же семейную замкнутость, тѣ же понятія о родѣ и о родствѣ и тотъ же родовой культъ, какъ и у другихъ древнихъ народовъ.

Древній грекъ въ такой же мѣрѣ, какъ и индусъ, заботился о томъ, чтобы его родъ и домашній культъ продолжались вѣчно, и, подобно послѣднему, считалъ только своего мужскаго потомка способнымъ къ выполненію этой миссіи. Отсюда—необходимость брака, главнѣйшей цѣлью котораго является рожденіе дѣтей, особенно сыновей. Государство само было заинтересовано въ томъ, чтобы число его гражданъ увеличивалось, а потому оно налагало на каждаго своего члена обязанность поставить вмѣсто себя новаго гражданина. Кро-

(¹) *Fustel de Coulanges*, La cité antique, p. 75.

(²) Кромѣ выше цитирован. авторовъ, см. *Mayer*, Die Rechte des Israeliten, Athener u. Römer, II, B. 1866, s. 273—274, § 202.

Digitized by Google

мѣ того, интересы продолженія рода и родоваго культа дѣлали вступленіе въ бракъ и рожденіе дѣтей нравственною и религіозною обязанностію каждаго. Греческіе писатели, подобно индусскимъ, называютъ сыновей „столбами дома, хранителями очага и имени отца, его спасителями". Неплодный бракъ былъ несчастіемъ и могъ служить поводомъ къ разводу. Безбрачіе преслѣдовалось не только общественнымъ мнѣніемъ, но и закономъ. Въ Спартѣ мущина, не вступившій, вопреки повелѣніямъ закона, въ бракъ, подвергался наказанію безчестіемъ; во многихъ другихъ греческихъ государствахъ законъ также каралъ холостяковъ. Въ Аѳинахъ на обязанности архонта эпонима лежало наблюденіе за тѣмъ, что бы не вымеръ ни одинъ родъ и не потухъ ни одинъ домашній очагъ (¹). Такъ какъ женщины неспособны къ продолженію рода и домашняго культа, то родство чрезъ женщину, по греческимъ понятіямъ, также не могло имѣть того значенія, какъ родство по мужской линіи (²). Этотъ взглядъ на родство уже достаточно опредѣляетъ, каково было положеніе женщины въ семьѣ. Хотя многіе изслѣдователи древне-греческаго быта утверждаютъ, что положеніе женщины у Грековъ было лучше, чѣмъ у народовъ Востока; но это справедливо только развѣ по отношенію къ болѣе позднему періоду греческой исторіи. Не смотря на то, что уже въ произведеніяхъ Гомера высказывается болѣе гуманное отношеніе къ женщинѣ, сфера правъ ея долгое время оставалась весьма ограниченной. Не говоря уже о томъ, что женщина была лишена права участія въ дѣлахъ общественныхъ, за ней не признавалось даже полной гражданской правоспособности: такъ, она не имѣла права на наслѣдство, не могла владѣть недвижимостью; даже личная ея свобода была весьма стѣснена. По аѳинскому законодательству, женщина никогда не выходила изъ подъ опеки родственника

(¹) *Осиповъ*, Брачное право, стр. 117—121. *Fustel de Coulanges*, «La cité antique», livr II, ch. III. *Mayer*, Die Rechte der Israeliten, Athener und Römer, B. II, § 207 B, s. 286.

(²) *Gans*, Erbrecht, I, s. 330. *Mayer*, Die Rechte der Israeliten, Athener und Römer, B. II, § 205 B. Платонъ говоритъ, что родство есть общее служеніе однимъ и тѣмъ же домашнимъ богамъ. Разговоръ о законахъ V.

Digitized by Google

мущины (отца, брата, мужа, сына и т. д.); если не было родственника, долженствовавшаго быть ея опекуномъ по закону, то опека надъ ней принадлежала архонту (¹). Правда, женщина могла имѣть свое имущество, такъ какъ она сохраняла за собой право собственности на свое приданое, относительно котораго мужу принадлежало только право пользованія и которое, въ случаѣ прекращенія брака безъ вины съ ея стороны, возвращалось ей обратно, а по смерти ея переходило къ ея сыновьямъ или, за неимѣніемъ ихъ, къ ея родственникамъ; но по отношенію къ праву распоряженія этой собственностью женщина была сравнена съ несовершеннолѣтними и не могла безъ разрѣшенія опекуна заключать юридическихъ сдѣлокъ, стоимость объекта которыхъ превышала цѣнность медимна хлѣба. Защищать свои интересы лично на судѣ, приносить жалобы, предъявлять иски и даже быть свидѣтельницами на судѣ женщинамъ также не дозволялось (²). Взглядъ на родство, какъ на связь чрезъ мущинъ, велъ къ исключенію женщинъ и всѣхъ когнатовъ изъ числа лицъ, имѣющихъ право на наслѣдство. Въ Аѳинахъ, какъ извѣстно, дочери не допускались къ наслѣдованію даже при отсутствіи братьевъ. Солонъ видоизмѣнилъ это правило, постановивъ, что при неимѣніи прямаго мужскаго потомства тотъ родственникъ, который по закону имѣетъ право быть наслѣдникомъ умершаго, обязанъ жениться на дочери послѣдняго. Если эта дочь была уже замужемъ, то должна была отказаться отъ наслѣдства; въ противномъ же случаѣ ея бракъ расторгался и она становилась женою того родственника, который имѣлъ право на полученіе ея руки вмѣстѣ съ ея имуществомъ. Если ко всему этому прибавимъ, что вообще по аттическому праву при заключеніи брака не требовалось согласія невѣсты, что ея рукою располагалъ отецъ, а за неимѣніемъ его тотъ родственникъ, въ зависи-

---

(¹) *Осиповъ*, Брачное право древн. Востока, ст. 107—110.

(²) Тамъ-же. *Van-den-Es*, «De jure familiarum apud Athenienses». 1864 г., p. 38—46, 56—62. *Caillemer*, «Etudes sur les antiquités juridiques d'Athènes», V-ème étude,—«La restitution de la dot à Athènes». Paris, 1867.

Digitized by Google

мости отъ котораго она находилась (¹), то станетъ очевидно, что правовое положеніе аѳинской женщины было не лучше того, какое дается женщинѣ индусскими законодателями; во многихъ отношеніяхъ правоспособность ея была даже болѣе ограничена. Сказанное примѣнимо и къ положенію женщины въ другихъ греческихъ государствахъ (²). Мало по малу, однако, гражданскія права женщинъ всюду расширялись. Строгая опека родственниковъ надъ ними фактически теряла свое значеніе. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, онѣ даже получили право пріобрѣтать недвижимую собственность. По свидѣтельству Аристотеля, въ его время въ Спартѣ, гдѣ законодательство уже со временъ Ликурга стремилось къ уравненію половъ и гдѣ женщины получали даже общественное воспитаніе одинаковое съ мущинами, онѣ не только владѣли большими капиталами, но обладали приблизительно $^2/_5$ всего количества земли, находившейся въ частной собственности (³). Наслѣдственныя права женщинъ также постепенно были признаны законодательствомъ; но агнатическое родство все еще предпочиталось когнатическому, и мущины и ихъ потомки исключали изъ наслѣдства женщинъ и ихъ потомковъ: ибо еще по прежнему крѣпко держалось

(¹) *Mayer*, Die Rechte der Israeliten, Athener und Römer, B. II, § 253 B. *Hermann*, Lehrbuch der Griechischen Antiquitäten, Th. III, § 64, *Van-den-Es*, De jure famil. apud. Athenienses, p. 6—20. *Gans*, Erbrecht, I, s. 337—341. *Wachsmuth*, Hellenische Alterthumskunde aus dem Gesichtspunkte des Staats. 1846. II, s. 130, 152, 169—170. *Meier u. Schömann*, «Der Attische Process». Halle. 1824, s. 455, 456. *Platner*, Der Process u. die Klagen bei den Attikern. 1825. B. II, s. 273—277. *Осиповъ*, Брачное право древ. Вост., стр. 107—109 и 136—137.

(²) *Hermann*. «Lehrbuch der Griechischen Antiquitäten». B. III § 10. Исключеніе изъ общаго правила составляла Спарта. (См. тамъ-же и у *Осипова*,—«Брачн. право», стр. 110.

Мы не имѣемъ здѣсь въ виду того древнѣйшаго періода греческой жизни, когда женщина имѣла, какъ это утверждается нѣкоторыми учеными, преобладающее значеніе въ семьѣ (см. *Bachofen*, «Das Mutterrecht». Stuttg. 1861. *Mayer*, «Die Rechte der Israeliten, Athener u. Römer», B. II. § 228. *Капустинъ*, Исторія права, ч. 1. Ярославль 1872 г. стр. 71 и слѣд.

(³) *Fustel-de-Coulanges*, «Du droit de proprieté à Sparte». (Journal des savants. 1880. Cah. IV, p 243).

Digitized by Google

древнее убѣжденіе въ необходимости вѣчнаго продолженія рода и домашняго культа. Поддержать ихъ достойнымъ образомъ могъ только сынъ, пріобрѣтеніе котораго является такимъ образомъ необходимостью и служитъ побужденіемъ къ заключенію брака(1).

Моногамія была единственной законной формой брака у Грековъ. Кромѣ того, какъ необходимое условіе законности брака, требовалось, чтобы брачущіеся были оба гражданами одного и того же государства. Аѳинянинъ, напр., могъ жениться только на аѳинянинѣ или на гражданкѣ такого союзнаго города, на жителяхъ котораго было признано jus connubii. Всякій другой бракъ былъ незаконнымъ; дѣти, рожденныя отъ него, не могли быть полноправными гражданами и не имѣли права на наслѣдство послѣ родителей(2). За неимѣніемъ законныхъ дѣтей приходилось прибѣгать къ искусственнымъ способамъ ихъ пріобрѣтенія. Сожительство жены съ родственникомъ мужа для пріобрѣтенія послѣднему сына, выдача дочери замужъ съ условіемъ, что ея сынъ будетъ продолжать родъ своего дѣда по матери, а также усыновленіе были извѣстны и въ Греціи(3).

Что касается до усыновленія, то, у аѳинянъ по крайней мѣрѣ, къ нему прибѣгали весьма часто. Усыновлять было позволено только въ томъ случаѣ, когда усыновители не имѣли законныхъ нисходящихъ мужскаго пола. Если у него были дочери, то усыновленіе дозволялось, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы одна изъ нихъ была выдана замужъ за усыновленнаго. Отъ усыновителя и усыновляемаго требовалось, чтобы они были природными аѳинянами какъ по

(1) *Fustel de Coulanges*, La cité antique. livr I. ch. III—IV et livr. II, ch. II—III.

(2) *Van-den-Es*, «De jure famil. apud Athenienses», p. 1—5, 21—33, 69—75. *Осиповъ*, Брачное право древн. Болг., стр. 145 и слѣд. *Gans* Erbrecht, I, s. 297 u. folgend.

(3) *Wachsmuth*, II, s. 167. *Van-den-Es*, «De jure famil. apud Athenienses», p. 78 und folgend. *Fustel-de-Coulanges*, «La cité antique», p. 53, 55—56, 83—84. *Gans*, Erbrecht. I, 314 u. folg. Къ помянутымъ въ текстѣ способамъ пріобрѣтенія дѣтей нужно присоединить еще legitimatio, которая также допускалась аѳинянами, какъ это доказалъ Гансъ (I, 318 и слѣд.).

Digitized by Google

отцу, такъ и по матери. Не могли быть усыновляемы сыновья лицъ, подвергшихся атиміи. Если усыновляемый былъ совершеннолѣтній, то требовалось согласіе съ его стороны стать сыномъ усыновителя; за малолѣтняго согласіе давало то лицо, подъ властью котораго онъ состоялъ. Усыновляемый выходилъ изъ своей семьи и изъ своей фратріи, такъ какъ для него превращались всѣ права кровнаго родства и всѣ связи съ отцомъ естественнымъ и со всѣмъ родомъ послѣдняго. Съ матерью и съ ея родомъ родственная связь сохранялась. Возвращеніе усыновленнаго въ свою естественную семью только тогда позволялось, если онъ оставлялъ въ семьѣ усыновителя своего законнаго сына. Форма усыновленія была различна. Обыкновенно, при жизни усыновителя, усыновленіе совершалось такимъ образомъ: усыновляемый подводился къ очагу, какъ къ мѣсту, гдѣ было святилище домашнихъ божествъ, затѣмъ его представляли родственникамъ и записывали въ книгу фратріи. Для дѣйствительности усыновленія требовалось, кромѣ того, предварительное увѣдомленіе подлежащей власти (архонта, наблюдавшаго за тѣмъ, что-бы ни чей родъ не пресѣкался) и согласіе членовъ фратріи; сверхъ сего, о каждомъ усыновленіи нужно было извѣстить народное собраніе. Если у усыновителя впослѣдствіи родились законные сыновья, то усыновленный сынъ не терялъ своихъ правъ на наслѣдство послѣ усыновителя, а наслѣдовалъ ему наравнѣ съ его законными сыновьями (¹). Солонъ обратилъ вниманіе на усыновленіе главнымъ образомъ какъ на актъ, содержащій въ себѣ распоряженіе имуществомъ, а не какъ на способъ возникновенія родственныхъ отношеній для продолженія рода и домашняго культа, и ввелъ новый способъ пріобрѣтенія наслѣдника — завѣщаніе. Въ сущности это былъ только новый способъ усыновленія. Тому, кто имѣлъ законныхъ нисходящихъ, назначать себѣ наслѣдника въ завѣщаніи не позволялось. Если у завѣщателя были только дочери, то онъ долженъ былъ въ завѣщаніи сдѣлать распоряженіе и въ ихъ пользу. Неисполненіе этого требованія вело за собой недѣйствительность завѣща-

(¹) *Mayer*, Die Rechte des Israeliten, Athener und Römer, II, § 246 C. *Van-den-Es*, l. c.

Digitized by Google

нія (¹). Тождественность аттическаго завѣщанія съ усыновленіемъ проявляется больше всего въ томъ, что даже назначеніе въ завѣщаніи наслѣдника въ извѣстной части имущества называется все-таки усыновленіемъ (²). Завѣщаніе впослѣдствіи явилось и въ другихъ городахъ греческихъ, какъ напримѣръ въ Спартѣ, гдѣ оно было введено послѣ Пелопонесской войны, а также въ Коринѳѣ, но вездѣ оно носило тотъ же характеръ усыновленія (³). До Солона усыновляемый, вступая во всѣ права сына законнаго, могъ, вѣроятно, и самъ усыновлять, если боялся остаться безъ потомства, ибо древнее право основывало родство не столько на кровной связи, сколько на связи по культу; но во времена Солона эти древнія вѣрованія, какъ видно, уже ослабѣли настолько, что онъ считалъ родство по крови важнѣе родства по культу, и правило древняго права, сравнивавшее усыновленнаго какъ агната съ сыномъ законнымъ и позволявшее ему усыновлять въ свою очередь, показалось аѳинскому законодателю несправедливымъ: для него усыновленный представлялся все-таки чужимъ въ семьѣ, и онъ полагалъ, что нельзя пріемышу предоставить такое же право распоряжаться судьбою семейнаго имущества, какое имѣлъ сынъ законный, а потому постановилъ, что усыновленный не можетъ въ свою очередь пріобрѣтать себѣ наслѣдника путемъ усыновленія или завѣщанія (⁴).

Указавъ на способы пріобрѣтенія сыновей, дозволявшіеся греческимъ правомъ, необходимо сказать нѣсколько словъ и о характерѣ отеческой власти у грековъ. Высокое значеніе государства, которое въ Греціи вполнѣ подчиняло себѣ отдѣльную личность и вмѣшивалось, въ видахъ государственной пользы, во внутреннюю жизнь семьи, повело къ умаленію авторитета отеческой власти, уже очень рано утратившей свой древній суровый характеръ, уступая мѣсто власти государственной. Возможно, что въ древности и у грековъ власть отца была очень велика, что ему принадлежало право распоряжаться жизнью и свободой своихъ дѣтей; но уже въ героическомъ періодѣ греческой исторіи эта пожизненная

(¹) *Gans*, I. s. 387. Mayer, II, § 263.

(²) Id. I, s. 383.

(³) *Fustel-de-Coulanges*, La cité antique p. 188—189.

(⁴) *Gans*, I, s. 383—385.

Digitized by Google

власть домовладыки надъ личностью членовъ семьи и имуществомъ ея получила болѣе скромные, если можно такъ выразиться, размѣры. Отношенія Одиссея къ Лаэрту показываютъ, что еще при жизни отца болѣе крѣпкій физически и болѣе развитой умственно сынъ могъ получить главенство въ семьѣ. Вообще, уже въ эту отдаленную эпоху отеческая власть у Грековъ была мягче и гуманнѣе, чѣмъ напримѣръ у Римлянъ и Китайцевъ (¹). Съ развитіемъ гражданственности эта власть постепенно уменьшалась и хотя въ позднѣйшемъ правѣ все еще оставалось много слѣдовъ суроваго патріархальнаго подчиненія; но прямая власть родителей ограничивалась уже малолѣтствомъ или несовершеннолѣтіемъ дѣтей, да и въ этомъ періодѣ возраста она носитъ характеръ скорѣе власти опекунской. Въ Аѳинахъ со времени Солона родители уже не имѣютъ суроваго права на жизнь дѣтей. Правда, что ни въ Аѳинахъ, ни въ Спартѣ не было запрещено убійство дѣтей слабыхъ и уродливыхъ; но это было дѣломъ скорѣе государственной власти, чѣмъ отцовской. Извѣстно, что въ Спартѣ такое убійство могло быть совершено не иначе, какъ по опредѣленію старѣйшихъ въ родѣ (²). Плутархъ разсказываетъ, что Солономъ также запрещена продажа дѣтей въ рабство. Онъ позволилъ только продавать дочерей и сестеръ, виновныхъ въ блудодѣяніи. Въ случаѣ серьезнаго неповиновенія со стороны сына, отецъ могъ выгнать его изъ дома и лишить наслѣдства и всѣхъ родственныхъ правъ въ семьѣ и родѣ отца; то-же право давалось ему въ томъ случаѣ, если сынъ отказывался отъ выполненія лежавшей на немъ обязанности содержать своихъ престарѣлыхъ родителей. Но отецъ не могъ требовать выполненія этой обязанности, если онъ не далъ сыну возможности научиться какому либо занятію, которымъ бы послѣдній могъ заработывать средства къ существованію, а также—въ томъ случаѣ, если онъ позволялъ себѣ безнравственный торгъ тѣломъ сына. На практикѣ это право, однако, примѣнялось

(¹) *Wachsmuth*. Hellenische Alterthumskunde, B. II, § 99, s. 117. *Fustel-de-Coulanges*, La cité antique, livr. II. ch. VIII, p. 100 et suiv. *Мэнъ*, Древнее право, etc. стр. 107—108.

(²) *Gans*, Erbrecht, I. p. 312. *Hermann*, Lehrbuch der Griechischen Antiquitäten, Th. III, § 11. *Семеновъ*, Брачное право, стр. 105 и слѣд.

Digitized by Google

отцамъ весьма рѣдко по той причинѣ, что подобное изгнаніе сына могло повлечь за собой прекращеніе отцовскаго рода, что было бы величайшимъ несчастіемъ для самого отца (¹). Такъ какъ дѣти принадлежали не одному отцу, но и государству, то законъ налагалъ на отцовъ и обязанности по отношенію къ дѣтямъ. Въ числѣ этихъ обязанностей, кромѣ содержанія, воспитанія и обученія какому либо занятію, слѣдуетъ еще упомянуть лежавшую на отцѣ обязанность ввести своего законнаго или усыновленнаго сына въ списки своей фратріи, а затѣмъ, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, въ списки членовъ деми (²). Превращалась отеческая власть въ Аѳинахъ надъ дочерьми выходомъ ихъ за мужъ, а надъ сыновьями достиженіемъ совершеннолѣтія, которое, по мнѣнію Вахсмута, опредѣлялось началомъ несенія военной повинности или основаніемъ особаго хозяйства, съ согласія отца (³). Въ Спартѣ отеческая власть надъ дѣтьми еще болѣе была ограничена властью государства: съ семилѣтняго возраста дѣти тамъ поступали въ школу, и государство само заботилось объ ихъ воспитаніи (⁴). Съ достиженіемъ совершеннолѣтія сынъ становился полноправнымъ гражданиномъ и пользовался всѣми политическими и гражданскими правами; но за отцомъ всегда оставалось упомянутое выше право отлучить сына отъ семьи и рода въ извѣстныхъ случаяхъ; для осуществленія этого права онъ, однако, нуждался, какъ кажется, въ согласіи остальныхъ членовъ рода (⁵).

Власть главы надъ имуществомъ семьи также подлежала издавна ограниченіямъ. Выше мы сказали, что и въ Гре-

(¹) *Осипов*, l. c. *Van-den-Es*, De jure familiarum apud Athenienses, p. 122—135.

(²) *Van-den-Es*, De jure famil. apud Athenienses, p. 102—122.

(³) См. *Wachsmuth*. Hellenische Alterthumskunde. B. II. § 100, pp. 129—130. *Van-den-Es* утверждаетъ, что въ Аѳинахъ отеческая власть надъ сыновьями прекращалась съ занесеніемъ ихъ въ списки деми (tabulae lexiarchicae), которое имѣло мѣсто на 21 году отъ рожденія (p. 112—120 и 135—139).

(⁴) *Fustel-de-Coulanges*, «Du droit de propriété à Sparte». (Journal des savants 1880. cah. 2). *Осипов*. Брачное право, стр. 106.

(⁵) См. примѣч. 3 в *Van-den-Es*, p. 125 и слѣд.

ціи исторія собственности начинается съ собственности семейной, указавъ на слѣды этого порядка въ Спартѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ греческихъ государствахъ, гдѣ земельная собственность была объявлена недѣлимой и неотчуждаемой и принадлежала такимъ образомъ не индивидууму, а всей семьѣ, переходя отъ отца къ сыну изъ поколѣнія въ поколѣніе. По отношенію къ этой недвижимости глава семьи является такимъ образомъ не полнымъ собственникомъ, а пожизненнымъ владѣльцемъ. Но рядомъ съ семейной собственностью рано является и индивидуальная, прежде всего, конечно, по движимымъ вещамъ. Въ Греціи, какъ кажется, уже издавна признавалось за каждымъ взрослымъ членомъ семьи право имѣть свое движимое имущество. Городская жизнь и раннее развитіе промышленности и торговли въ греческихъ государствахъ повели къ тому, что личныя способности каждаго и капиталъ пріобрѣли тамъ очень скоро весьма большое значеніе. Это обстоятельство всего болѣе должно было способствовать выдѣленію личности изъ семьи. Каждый взрослый членъ семьи естественно стремится къ самостоятельности,— нераздѣльная семья, свойственная быту земледѣльческому, поэтому скоро исчезаетъ въ греческихъ городахъ, уступая мѣсто семьѣ естественной. Въ этой семьѣ отецъ, конечно, былъ главою и господиномъ, но и за остальными членами ея признавались извѣстныя имущественныя права. Такъ, мы уже раньше говорили, что въ Аѳинахъ за женою было признано право на ея приданое, которое хотя и переходило въ завѣдываніе мужа, имѣвшаго на него право пользованія, но продолжало считаться ея собственностью, и она могла вытребовать его обратно въ случаѣ развода, совершившагося не по ея винѣ, а также по смерти мужа, если бракъ былъ бездѣтнымъ. По смерти жены ея приданое переходило по наслѣдству къ ея сыновьямъ, которые, по достиженіи совершеннолѣтія, могли требовать его выдачи отъ своего отца. Въ обезпеченіе отъ растраты этого имущества мужемъ на имѣніи послѣдняго лежала законная ипотека (¹). Раздѣлъ недвижимаго имущества между братьями и отчужденіе его

(¹) *Van-den-Es*, De jure famil. apud. Athen. p. 35—48, 56—62.

такие были очень рано дозволены аттическимъ правомъ (¹). Такимъ образомъ тамъ уже въ эпоху Солона начался переходъ отъ коллективной семейной собственности къ индивидуальной. Тоже самое, хотя и не одновременно, происходило и въ другихъ греческихъ государствахъ. Въ Спартѣ движимая собственность также имѣла весьма большое значеніе. Греческіе писатели часто говорятъ о любви Спартанцевъ къ деньгамъ и о Спартѣ, какъ о городѣ весьма богатомъ. Туда, по словамъ Платона, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній капиталы притекали со всѣхъ сторонъ, никогда не возвращаясь оттуда (²). Замѣчательно, что большая часть капиталовъ въ Спартѣ, по свидѣтельству Плутарха, принадлежала женщинамъ (³). Весьма правдоподобное объясненіе этому явленію даетъ Фюстель-Куланжъ. Указывая на то, что законъ не запрещалъ спартанской женщинѣ получать приданое, состоящее изъ движимостей, и владѣть денежными капиталами, онъ говоритъ далѣе: „Богатыя деньгами, онѣ могли давать въ займы; Плутархъ указываетъ на женщинъ, которыя имѣли должниковъ, а Аристотель упрекаетъ Спартанокъ не въ любви къ нарядамъ, а въ любви къ деньгамъ. Такъ какъ спартанскому гражданину были запрещены денежныя операціи, то весьма вѣроятно, что эти послѣднія сосредоточивались въ рукахъ лицъ, не имѣвшихъ права гражданства, и женщинъ. Съ этимъ связана та большая свобода, которой пользовались спартанскія женщины. Законъ не запрещалъ имъ ничего и не интересовался тѣмъ, что дѣлалось внутри ихъ домовъ. Ничто не мѣшало имъ обогащаться. Такимъ образомъ онѣ достигли того, что обладали большею частью богатствъ Лакедемона. Аристотель и Плутархъ замѣчаютъ, что женщины въ Спартѣ имѣли большую власть надъ мужьями, — это могло быть потому, что законъ запрещалъ послѣднимъ всякія выгодныя занятія и они могли обогатиться только при помощи

(¹) Впрочемъ, законы Солона наказывали еще продажа утратой гражданскихъ правъ. *Hermann*, Lehrbuch der Griechischen Antiquitäten. Th. III, § 64. *Fustel-de-Coulanges*, La cité antique, p. 75 и 379.

(²) *Platon*, L. XVIII, ed. Didot, t. I, p. 480, 481. (цитир. Фюстель-Куланжемъ).

(³) *Плутархъ*, Агисъ VII (цитир. Фюстель-Куланжемъ).

Digitized by Google

женщинъ" (¹). Сначала собственность женщины ограничивалась движимыми вещами и денежными капиталами; но впослѣдствіи, какъ мы уже упоминали, онѣ получили право обладать и недвижимыми имуществами, что разумѣется сдѣлалось возможнымъ только послѣ того, какъ недвижимая собственность обратилась изъ семейной въ индивидуальную. Переворотъ этотъ въ Спартѣ совершался весьма медленно и закончился уже послѣ Пелопонесской войны, когда законами Эпитадея было дозволено отчужденіе семейной недвижимости путемъ даренія и завѣщанія; но раздѣлъ недвижимой собственности между наслѣдниками еще долго запрещался и былъ позволенъ только къ концу спартанской исторіи, когда окончательно было подавлено движеніе родовой аристократіи (²). Вслѣдствіе истощенія семейной собственности изъ-

(¹) *Fustel-de-Coulanges*. Du droit de propriété a Sparte. (Journal des savants. 1880. Avril. p. 243).

(²) Фюстель-Куланжъ довольно подробно очертилъ исторію этого перехода и указалъ причины, которыми онъ былъ вызванъ; а потому мы позволимъ себѣ вкратцѣ изложить здѣсь результаты его изслѣдованія. Опираясь на свидѣтельства древнихъ писателей, помянутый авторъ доказываетъ, что частная земельная собственность не только существовала въ Спартѣ, еще до Ликурга, но и была распредѣлена неравномѣрно: по словамъ Плутарха, многіе Спартіаты вовсе не имѣли земли, и богатства были сосредоточены въ рукахъ немногихъ. Ликургъ стремился уничтожить эту неравномѣрность, раздѣливъ землю на 9000 участковъ, которые были розданы гражданамъ. Эти участки, составляя неотчуждаемую собственность семьи, переходили по наслѣдству отъ отца къ сыну и не подлежали раздѣлу между братьями. Плутархъ и Геродотъ свидѣтельствуютъ, что число этихъ участковъ оставалось долгое время неизмѣннымъ и что еще въ IV вѣкѣ каждая семья обладала землей, полученной при древнемъ раздѣлѣ. Но этотъ семейный участокъ былъ очень невеликъ и не могъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ разроставшейся семьѣ, особенно, если принять во вниманіе, что законъ запрещалъ Спартанцамъ самимъ обработывать землю, а она воздѣлывалась поселенцами на ней и прикрѣпленными къ ней илотами, платившими собственнику извѣстный оброкъ. Вотъ почему люди болѣе зажиточные старались о пріобрѣтеніи себѣ въ собственность земель, не вошедшихъ въ первоначальный раздѣлъ. Ферекидъ свидѣтельствуетъ, что, кромѣ наслѣдственныхъ семейныхъ участковъ, Спартіаты могли имѣть и другія земли, къ которымъ прим-

мѣны ея собственностью индивидуальной должна была произойти перемѣна и въ имущественныхъ отношеніяхъ между

нялись другія правила, права. Возникло такимъ образомъ различіе между родовыми недвижимостями, полученными семьею еще при первомъ раздѣлѣ, и—пріобрѣтенными впослѣдствіи. Весьма возможно, что земли послѣдняго рода могли быть дѣлимы между наслѣдниками; продажа ихъ также не запрещалась закономъ, хотя и считалась долгое время дѣломъ постыднымъ. вѣроятно, потому, что народное воззрѣніе продолжало считать семью собственницей всякой недвижимости и смотрѣло на отчужденіе послѣдней, какъ на нарушеніе правъ родственниковъ. Но, разумѣется, землями послѣдняго рода могли обладать только сравнительно немногіе богатые граждане; большинство же должно было довольствоваться своимъ наслѣдственнымъ участкомъ, доходовъ съ котораго современемъ стало недоставать на содержаніе семьи, тѣмъ болѣе, что подати и повинности, связанныя съ правомъ гражданства, были довольно велики. Кромѣ того, съ приливомъ капиталовъ, сосредоточивавшихся въ рукахъ немногихъ богачей, въ нравы вторгалась роскошь; а предметы первой потребности при плохомъ состояніи производства, при презрѣніи къ труду, который даже былъ запрещенъ закономъ для Спартіата, должны были все подниматься въ цѣнѣ. Словомъ—роскошь возростала, потребности увеличивались, а доходы съ наслѣдственнаго участка оставались тѣ же, и граждане, все имущество которыхъ ограничивалось этимъ участкомъ, неизбѣжно должны были впасть въ нищету. При такихъ условіяхъ небольшой участокъ земли, мало приносившій, участокъ, къ которому собственникъ его не имѣлъ никакой привязанности, такъ какъ онъ не обработывалъ его самъ и едва его зналъ, дѣлался часто только лишнимъ бременемъ, и весьма естественнымъ являлось желаніе продать его. Осуществленію этого намѣренія препятствовалъ только законъ; но скоро и это препятствіе было обойдено. Недостаточные люди вынуждены были, конечно, прибѣгать часто къ займамъ. У людей богатыхъ не было недостатка въ капиталахъ, и они могли давать ихъ въ займы, разумѣется, не безъ процентовъ; а такъ какъ законъ запрещалъ этого рода денежныя сдѣлки, то для придачи имъ законнаго характера, приходилось прибѣгать къ изворотамъ, что, очевидно, падало на должниковъ и вело къ увеличенію процентовъ. При такихъ условіяхъ долги возростали скоро, а у задолжавшаго Спартіата часто не было средствъ къ ихъ уплатѣ, такъ какъ законъ запрещалъ ему работать и не позволялъ продать свою землю на уплату долговъ. Такихъ должниковъ изъ числа собственниковъ, если вѣрить Плутарху, было весьма много, и положеніе ихъ, по его словамъ, было таково, что если бы имъ предложили снять съ нихъ долги и взамѣнъ того лишить ихъ собственности, то они не стали бы жаловаться на это. «Что долженъ былъ дѣлать этотъ задолжавшій собственникъ, ко-

Digitized by Google

членами греческой семьи. Пока имущество оставалось собственностью семьи, одинъ только глава послѣдней имѣлъ

торый не могъ ни избавиться отъ своего имущестаа, ни освободиться отъ своего долга»? спрашиваетъ Фюстель-Куланжъ и, указывая на отсутствіе какихъ либо свѣдѣній о томъ, каково было спартанское законодательство относительно взысканія долговъ, считаетъ возможными только два пути, при помощи которыхъ кредиторъ могъ, за отсутствіемъ ипотеки, обезпечить удовлетвореніе съ должника: «Что нибудь одно, говоритъ авторъ: или удовлетвореніе кредитора обезпечивалось ежегоднымъ доходомъ съ земли должника, или же подобно тому, какъ это было въ Римскомъ и и въ древнѣйшемъ аттическомъ правѣ, обезпеченіемъ служила самая личность должника. Въ первомъ случаѣ въ рукахъ должника оставалось бы одно голое право на его недвижимость, такъ какъ фактически ею, или вѣрнѣе доходомъ съ нея, пользовался бы его кредиторъ. Если же на практикѣ примѣнялось правило 2-го рода, то очевиднымъ результатомъ этого должна была быть потеря должникомъ личной свободы, или абсолютная зависимость его отъ вѣрителя. Если онъ сохранялъ за собой свою землю, то онъ очевидно былъ собственникомъ ея только по имени, такъ какъ она слѣдовала за нимъ въ его подчиненіи кредитору. Право, которое послѣдній имѣлъ надъ личностью должника, косвеннымъ путемъ влекло за собою право и на землю его». Такимъ образомъ въ обоихъ предположенныхъ случаяхъ собственность ускользала фактически изъ рукъ собственника, за которымъ оставалось только *nudum jus*.

Этотъ переходъ собственности не всегда былъ слѣдствіемъ бѣдности заемщика и жестокости кредитора. Заемъ могъ быть заключаемъ не рѣдко прямо для того, чтобы прикрыть собою куплю-продажу, запрещенную закономъ. Такъ или иначе земли бѣдныхъ людей фактически стали переходить въ руки богатыхъ. Мы видѣли, что даже богатыя женщины умѣли воспользоваться своими капиталами, отдавая ихъ въ займы за проценты и пріобрѣтали себѣ этимъ путемъ земли. Такимъ образомъ дѣло дошло до того, что большая часть мелкихъ собственниковъ оставались таковыми только фиктивно, а въ дѣйствительности всѣ ихъ земельные участки перешли въ руки богатыхъ людей.—Рано или поздно такой ненормальный порядокъ вещей долженъ былъ кончиться. Дѣйствительно, онъ и кончился вскорѣ послѣ Пелопонезской войны, когда по предложенію эфора Эпитадея были внесены нѣкоторыя измѣненія въ гражданское законодательство Спарты, а именно: было позволено завѣщаніе и дареніе между живыми.

Хотя запрещеніе продажи земли по прежнему оставалось въ силѣ; но законъ Эпитадея давалъ возможность инымъ путемъ передавать другому лицу не только пользованіе земельнымъ участкомъ, но и право

Digitized by Google

право распоряжаться имъ; да и у него это право было ограничено, такъ какъ онъ являлся не собственникомъ, а скорѣе

собственности на него. Обремененные долгами собственники, которымъ позволили завѣщать и дарить, получили возможность на практикѣ прибѣгать къ этимъ сдѣлкамъ для удовлетворенія кредиторовъ. А такъ какъ фактически многіе земельные участки уже ранѣе принадлежали людямъ богатымъ, то естественно, что къ послѣднимъ, тотчасъ послѣ введенія новаго закона о завѣщаніи и даренія, перешло и право собственности на эти участки. Плутархъ утверждаетъ, что какъ только этотъ новый законъ былъ изданъ, такъ богатые пріобрѣли себѣ очень много земли, а естественные наслѣдники лишились ихъ наслѣдствъ. Такъ именно, по мнѣнію Фюстель-Куланжа, произошелъ переворотъ, передавшій въ Спартѣ всю земельную собственность въ руки немногихъ богачей. Появленіе закона Эпитадея, по нашему мнѣнію, доказываетъ, что въ это время древнее воззрѣніе, считавшее только семью собственницей недвижимаго имущества, замѣняется уже новымъ, и земля начинаетъ считаться собственностью индивидуума, хотя старое воззрѣніе все еще высказывается въ запрещеніи продажи и раздѣловъ семейной недвижимости.

Богатыя аристократическія фамиліи, соединившія въ своихъ рукахъ большую часть земельной собственности, были заинтересованы въ томъ, чтобы эта собственность не ускользала изъ ихъ рукъ, и для нихъ было выгодно теперь настолько поддерживать законъ о дѣлимости и неотчуждаемости семейной недвижимости, насколько онъ, служа къ сохраненію за ними обладанія землей, не препятствовалъ этимъ фамиліямъ пріобрѣтать въ собственность участки бѣдняковъ. Послѣ изданія закона Эпитадея всѣ земли болѣе бѣдныхъ гражданъ скоро перешли въ руки богачей; число собственниковъ быстро уменьшилось: во время Аристотеля ихъ насчитывалось уже не болѣе тысячи, а лѣтъ сто спустя осталось не болѣе сотни крупныхъ землевладѣльцевъ, рядомъ съ массой бѣднаго безземельнаго люда. Очевидно, что такая неравномѣрность въ распредѣленіи собственности должна была повести къ антагонизму между малочисленнымъ, но сильнымъ по своему богатству и державшимъ въ своихъ рукахъ правленіе страною, классомъ крупныхъ землевладѣльцевъ—аристократовъ и между многочисленною, но бѣдною и безземельною демократіею. Этимъ воспользовались спартанскіе цари, которые, опираясь на низшіе классы населенія, стали стремиться къ усиленію своей власти. Агисъ, а затѣмъ Клеоменъ дѣйствовали въ этомъ направленіи. Первый провелъ два закона объ уничтоженіи прежнихъ долговъ и о раздѣлѣ земель; но ему удалось примѣнить только законъ о долгахъ, а законъ о раздѣлѣ земли былъ выполненъ уже Клеоменомъ, который далъ право гражданства 400 лаконцевъ. Оба эти царя, какъ извѣстно, погибли въ борьбѣ съ аристократіею, находившей себѣ поддержку извнѣ (у Ахейцевъ и Македонянъ). Борьба

Digitized by Google

только управителемъ. Съ допущеніемъ же особой собственности у каждаго члена семьи, отецъ получаетъ болѣе свободы относительно права распоряженія принадлежащимъ ему имуществомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ у остальныхъ членовъ семьи является возможность имѣть свое отдѣльное имущество, относительно котораго главѣ семьи можетъ принадлежать только право пользованія, и за растрату котораго онъ обязанъ отвѣчать своимъ собственнымъ достояніемъ. Съ признаніемъ права собственности за каждымъ индивидуумомъ, послѣдній высвобождается изъ подъ вліянія семьи. Взрослый членъ семьи теперь можетъ отдѣлиться отъ родственниковъ, даже отъ отца, пріобрѣсти собственный домъ, завести свое хозяйство и вполнѣ свободно распоряжаться принадлежащимъ ему имуществомъ. Въ одномъ только отношеніи это право распоряженія у собственника все еще ограничивается существованіемъ семьи: онъ не можетъ назначить себѣ наслѣдника по своему усмотрѣнію. Въ наслѣдственномъ правѣ, по прежнему, сохраняетъ свою силу древнее воззрѣніе, что имущество принадлежитъ семьѣ, а не лицамъ, ее составляющимъ. Наслѣдственный переходъ былъ настолько тѣсно связанъ съ религіознымъ вѣрованіемъ въ необходимость продолженія рода и домашняго культа, съ обязанностью потомковъ совершать предписанныя обычаемъ и закономъ священнодѣйствія на могилахъ предковъ, что отдѣленіе наслѣдства отъ этихъ sacra и обращеніе его въ институтъ исключительно гражданскій могло совершиться только весьма медленно. Солоново законодательство сдѣлало первый шагъ въ этомъ на-

---

однако продолжалась и впослѣдствіи, окончившись полной побѣдой демократической партіи, поддерживавшей тиранію.

Въ исторіи собственности эта побѣда демократіи имѣла большое значеніе. Дробленіе земельныхъ участковъ между наслѣдниками, противное интересамъ аристократическихъ родовъ, было, напротивъ, вполнѣ согласно съ видами демократіи, а посему, когда власть перешла въ руки послѣдней, она позаботилась объ отмѣнѣ закона, запрещавшаго раздѣлъ семейной недвижимости между наслѣдниками. Такимъ образомъ принципъ собственности индивидуальной и въ Спартѣ мало по малу одержалъ верхъ надъ принципомъ коллективной семейной собственности. (*Fustel-de-Coulanges*, «Du droit de propriété a Sparte». Journ. des savants. 1880, а также «La cité antique», p. 304, 415—625.

Digitized by Google

правленіи, допустивъ наслѣдованіе когнатовъ и дозволивъ лицу, неимѣющему сыновей, назначать себѣ наслѣдника въ завѣщаніи; но этотъ наслѣдникъ становился, какъ мы видѣли, усыновленнымъ сыномъ завѣщателя и продолжалъ родъ и культъ послѣдняго. И въ позднѣйшую эпоху полученіе наслѣдства и исполненіе религіозныхъ обязанностей по отношенію къ предкамъ, по аѳинскому праву, продолжали быть нераздѣльны. Завѣщаніе, какъ извѣстно, явилось впослѣдствіи и въ другихъ городахъ греческихъ; но вездѣ оно носило тотъ же характеръ усыновленія. Такимъ образомъ общимъ правиломъ греческаго права было, что никто, умирая, не могъ передать свое имущество постороннему, если на лицо были родственники, имѣющіе по закону ближайшее право на полученіе этого имущества, право, основанное, очевидно, на представленіи о коллективной семейной собственности.

Переходя такимъ образомъ къ изложенію существовавшаго въ греческомъ правѣ порядка призванія наслѣдниковъ къ полученію имущества умершаго, мы должны оговориться, что при этомъ изложеніи будемъ имѣть въ виду исключительно аѳинское законодательство, постановленія котораго по этому предмету наиболѣе извѣстны. Нужно сознаться, что наши свѣдѣнія о томъ, въ какомъ порядкѣ призывало аѳинское право родственниковъ умершаго къ оставшемуся послѣ него наслѣдству, не отличаются особенной точностью. Благодаря неполнотѣ и неясности данныхъ, доставляемыхъ памятниками, различіе въ мнѣніяхъ по этому вопросу авторитетныхъ ученыхъ весьма велико. Мы не беремъ на себя смѣлости рѣшать такъ или иначе всѣ возникавшіе по этому предмету споры, а ограничимся краткимъ изложеніемъ тѣхъ мнѣній, которыя были высказаны наиболѣе авторитетными изслѣдователями.

По мнѣнію Ганса, все аѳинское наслѣдственное право въ принципѣ есть наслѣдованіе сыномъ правоваго положенія отца. Каждый наслѣдникъ становится сыномъ наслѣдодателя, все равно, пріобрѣтенъ ли онъ путемъ рожденія или путемъ усыновленія. Этимъ принципомъ опредѣляется въ аѳинскомъ законодательствѣ и порядокъ призванія къ наслѣдству. Законъ,—говоритъ названный авторъ,—указываетъ между родственниками умершаго того, кто долженъ стать

Digitized by Google

его сыномъ (1). На этомъ основаніи ближайшее право на наслѣдованіе умершему должно принадлежать законнымъ сыновьямъ и другимъ законнымъ нисходящимъ мужскаго пола въ прямой мужской линіи, безъ ограниченія степени и съ допущеніемъ права представительства (2). Право такого нисходящаго на наслѣдство наступаетъ само собой съ самаго момента смерти наслѣдодателя, и потому не можетъ имѣть мѣста ни завѣщаніе въ пользу такого родственника, ни какой-либо другой актъ, которымъ бы признавалось его право; а равнымъ образомъ при существованіи такихъ нисходящихъ невозможно пріобрѣтеніе себѣ наслѣдника путемъ усыновленія или завѣщанія. Хотя по закону Солона постановлено, что завѣщаніе можетъ быть сдѣлано и тогда, когда есть прямые законные наслѣдники (нисходящіе въ прямой мужской линіи); но здѣсь является субституція, на случай, если они умрутъ, не достигнувъ зрѣлости (3). За прямыми нисходящими мужскаго пола слѣдуютъ дочери (4); но если у дочери нѣтъ сына, который могъ бы стать сыномъ своего дѣда, то она не можетъ быть активной наслѣдницей, а можетъ только передать наслѣдство въ руки ближайшаго когната, выйдя за него замужъ. Этотъ когнатъ и становится сыномъ умершаго (5). При недостаткѣ прямыхъ наслѣдниковъ, законъ призываетъ послѣдовательно тѣхъ боковыхъ родственниковъ, которые имѣютъ право стать сыновьями наслѣдодателя (6). Такимъ образомъ, по словамъ Ганса, наслѣдство безъ завѣщанія въ аттическомъ правѣ есть постоянное обращеніе кровнаго родственника наслѣдодателя въ его сына, непрестанная адопція, которая отличается отъ обыкновеннаго усыновленія только тѣмъ, что усыновляетъ здѣсь не наслѣдодатель, а сама природа указываетъ того, кто можетъ стать сыномъ умершаго (7). Если

(1) *Gans*, Erbrecht., I, s. 410.

(2) Id. I, s. 361.

(3) Id. I, s. 386—389; 314—315.

(4) Id. I, s. 411.

(5) Id. I, s. 338—341.

(6) Id. I, s. 375 u. folgend.

(7) Id. I, s. 412.

Digitized by Google

наслѣдовать значитъ стать сыномъ, то понятно, что только тѣ лица, у которыхъ существуетъ для этого возможность, могутъ получить качество наслѣдника. Такая возможность совершенно отсутствуетъ у всѣхъ восходящихъ: никого изъ восходящихъ нельзя представить себѣ сыномъ умершаго, поэтому никто изъ нихъ не можетъ получить наслѣдства. Этотъ принципъ примѣняется и къ боковымъ восходящимъ: если и позволялся бракъ между дядей наслѣдодателя и его дочерью, то не иначе, какъ съ условіемъ, что дядя не получитъ наслѣдства и не сдѣлается сыномъ умершаго (1). При неимѣніи прямаго нисходящаго, наслѣдодателю предоставлялъ законъ право самому, путемъ усыновленія или завѣщанія, назначить того, кто будетъ занимать мѣсто его сына. Аѳинское завѣщаніе, по опредѣленію Ганса, не есть способъ, при помощи котораго дарятъ постороннему принадлежащее ему имущество; а скорѣе, наоборотъ, это даръ, дѣлаемый семьѣ — дарованіе ей сына (2). Такимъ образомъ, если слѣдовать мнѣнію Ганса, то придется признать, что опредѣленія аѳинскаго законодательства касательно лицъ, имѣющихъ право на полученіе наслѣдства, и относительно порядка, въ какомъ эти лица призываются къ полученію послѣдняго, тожественны съ выше нами указанными опредѣленіями по этому предмету анамскаго кодекса, а также и китайскаго, если только предположеніе, высказанное нами ранѣе (3), окажется вѣрнымъ. Доказывая справедливость своего мнѣнія, Гансъ опирается главнымъ образомъ на то, что тексты законовъ о наслѣдствѣ, сохранившіеся въ рѣчахъ Демосфена и Изея, не упоминаютъ нигдѣ о правахъ на наслѣдство отца и другихъ восходящихъ, а говорятъ только о правахъ родственниковъ нисходящихъ и боковыхъ, откуда вытекаетъ, что восходящіе не имѣютъ права наслѣдовать (4). Мнѣніе Ганса, принятое многими, повторяетъ между прочимъ *Gabba* (5). Разумѣется, всѣ согласны съ тѣмъ,

---

(1) *Gans*, Erbrecht, I, s. 365, 380.

(2) Id. I, s. 409—410.

(3) См. выше, стр. 103, примѣч. 3.

(4) *Gans*, I, l. c.

(5) См. *Gabba*, «Essai sur la véritable origine du droit de succession» (Mémoires couronnés et autres mémoires publ. par l'Académie royale de Belgique, t. XII. 1861. p. 40).

Digitized by Google

что ближайшее право на наслѣдованіе умершему принадлежало по аѳинскому законодательству законнымъ нисходящимъ умершаго въ прямой мужской линіи. Вопросъ въ томъ: лежалъ ли дѣйствительно въ основаніи всего наслѣдственнаго права аѳинянъ тотъ принципъ, который выставленъ Гансомъ? Съ этимъ далеко не всѣ изслѣдователи согласны.

Большинство ученыхъ, напротивъ, признаютъ за отцомъ и другими восходящими умершаго право наслѣдовать послѣднему; причемъ одни утверждаютъ, что отецъ исключаетъ изъ наслѣдства всѣхъ боковыхъ, даже братьевъ (1), тогда какъ другіе (2) отводятъ ему нисшее мѣсто въ ряду наслѣдниковъ. Доводы, приводившіеся въ защиту правъ отца, недавно подвергнуты критикѣ французскимъ ученымъ, профессоромъ Caillemer, въ его статьѣ—„Le droit de succession à Athènes" (3) и найдены неубѣдительными. Самъ Caillemer доказываетъ права отца и другихъ восходящихъ на наслѣдство не только ссылкой на одно мѣсто изъ рѣчи Демосѳена противъ Леохара, но и логическимъ путемъ, указывая на то, что родственная связь со всѣми боковыми родственниками установляется чрезъ восходящихъ и что аѳинскіе законовѣды считали степени родства, именно восходя отъ даннаго лица къ общему родоначальнику, а потомъ спускаясь отъ него къ тому лицу, степень родства съ которымъ требовалось опредѣлить; а отсюда естественный выводъ, что отецъ ближе къ умершему, чѣмъ братъ, и, слѣдовательно, долженъ имѣть преимущественное предъ послѣднимъ право на полученіе наслѣдства.

Третій рядъ лицъ, призываемыхъ къ наслѣдству, составляли въ аѳинскомъ правѣ, по мнѣнію Caillemer, всѣ

---

(1) См. *Bunsen*, De jure hereditario Atheniensium, 1813, p. 21 и слѣд. *Platner*, Der Process und die Klagen bei den Attikern. *Scheling*, De Solonis legibus apud oratores atticos. 1842, p. 108—114. *Giraud*, (Revue de législation et de jurisprudence. t. XVI. 1842). *Cauvet*. De l'organisation de la famille à Athènes. 1845, p. 76. *Mayer*, Die Rechte der Israeliten, Athener und Römer, t. II. 1866.

(2) *Schneider*, De jure hereditario Atheniensium, 1851, p. 21, 22. *Hermann*, Privatalterthümer, 2-eme édit., 1870, § 74.

(3) Помѣщ. въ «Revue de législation ancienne et moderne, française et étrangère» за 1874—1876 г. См. 1875, liv. 1.

Digitized by Google

боковые родственники, происходящіе отъ отца умершаго (1); причемъ мужское потомство предпочиталось женскому: сестры умершаго и ихъ потомки наслѣдовали только при отсутствіи братьевъ и ихъ потомковъ въ мужской линіи (2). И въ этомъ ряду наслѣдниковъ имѣетъ мѣсто право представительства; но простирается ли это представительство на внуковъ братьевъ? — вопросъ спорный. Caillemer думаетъ, что это право допускалось и здѣсь до безконечности, и наслѣдство дѣлилось такимъ образомъ per stirpes, а не per capita. Напротивъ Mayer, признавая за двоюродными внуками и правнуками право на наслѣдство за отсутствіемъ братьевъ и племянниковъ, не признаетъ за первыми права представительства. Нѣкоторые же ученые совершенно отрицаютъ право двоюродныхъ внуковъ и правнуковъ на наслѣдство, ставя впереди ихъ двоюродныхъ братьевъ умершаго (3). Тѣ правила, которыя примѣняются къ случаю, когда наслѣдниками являются братья и ихъ нисходящіе, Caillemer считаетъ приложимыми къ наслѣдованію сестеръ и ихъ нисходящихъ, т. е. онъ допускаетъ и здѣсь право представительства и раздѣлъ наслѣдства между наслѣдниками per stirpes, а не per capita (4).

За нисходящими отца слѣдуютъ нисходящіе дѣда. Нѣтъ ни одного текста, который можно было-бы привести въ доказательство права самого дѣда наслѣдовать своему внуку; но тѣ-же основанія, которыя заставляютъ признать право отца на наслѣдованіе сыну, по мнѣнію Caillemer'а, побуждаютъ признать подобное-же право и за дѣдомъ. Къ потомкамъ дѣда также прилагается правило о предпочтеніи мужскаго потомства предъ женскимъ. Право представительства и здѣсь допускается (5)

Такимъ образомъ и аѳинское законодательство, если принять мнѣніе Caillemer, въ опредѣленіи порядка при-

---

(1) *Demosth.* contra Macartatum, § 51.

(2) *Isée*, De Hagniae hereditate, § 1—3. См. *Didot*. p. 309.

(3) *Caillemer*, Le droit de succession à Athènes (Revue de législ. etc. 1875, p 20—25). *Mayer*. Die Rechte der Athener. B. II. s. 448. *Bunsen*, De jure hereditario Atheniensium, p. 39—40.

(4) *Caillemer*, (Revue de législation. 1875, p. 29—36).

(5) Ibid. p. 36—38.

Digitized by Google

званія наслѣдниковъ къ имуществу умершаго слѣдуетъ тому же принципу, какъ и право индусское: здѣсь также призывается къ наслѣдству сначала семья умершаго, затѣмъ семья его отца, далѣе семья дѣда. Какъ кажется, этими предѣлами ограничивался кругъ близкихъ родственниковъ съ отцовской стороны, имѣющихъ преимущественное право на наслѣдство. По крайней мѣрѣ неизвѣстно, включались-ли въ этотъ кругъ ближайшихъ родственниковъ прадѣдъ и его потомки. Caillemer, впрочемъ, думаетъ, что послѣдній вопросъ слѣдуетъ рѣшить отрицательно и что за отсутствіемъ родственниковъ изъ линіи дѣда, право на полученіе наслѣдства переходило къ родственникамъ умершаго по матери, которые призывались въ такомъ же порядкѣ, какой установленъ для родственниковъ съ отцовской стороны, т. е. сначала мать, потомъ братья единоутробные и ихъ потомство, сестры единоутробныя и ихъ потомство, затѣмъ дѣдъ матери и его нисходящіе (¹). Когда родственникъ этой категоріи не имѣется, то право на полученіе наслѣдства опять переходитъ въ родъ отца: къ наслѣдству въ такомъ случаѣ призываются тѣ болѣе или менѣе отдаленные родственники умершаго, которые связаны съ послѣднимъ родствомъ черезъ прадѣда, прапрадѣда и т. д. (²).

Такъ какъ и у Грековъ поддержаніе домашняго культа было необходимостью, то очень рѣдко случалось, чтобы аѳинянинъ умиралъ, не оставивъ себѣ наслѣдника, законнаго или по завѣщанію. Аѳинское завѣщаніе, какъ мы уже сказали, не есть произвольное распоряженіе завѣщателя его имуществомъ въ ущербъ семьѣ; напротивъ, оно есть, какъ говоритъ Гансъ, скорѣе даръ семьѣ—дарованіе ей сына (³).

(¹) *Mayer* (Die Rechte der Israeliten. Athener und Römer. B. II, § 257) и *Schaefer* (Demosthenes und seine Zeit, III. s. 230) отрицаютъ совершенно право матери наслѣдовать сыну. *Bunsen* (De jure hereditario Atheniensium, p. 39), признавая за матерью такое право, ставитъ ее въ ряду наслѣдниковъ ниже единоутробныхъ братьевъ и сестеръ умершаго. *Schneider* (De jure hereditario Atheniensium, p. 23) полагаетъ, что аѳинское право только тогда призывало мать къ наслѣдованію послѣ умершаго сына, когда не было на лицо никого изъ ея нисходящихъ. См. противъ этого *Caillemer* (Revue de législ. 1876, p. 649—656).

(²) *Caillemer*, (Revue de législ., 1876, p. 656).

(³) *Gans*, Erbrecht, I, s. 409. *Mayer*, II, § 261. Съ этимъ мнѣніемъ согласенъ и *Caillemer*.

Digitized by Google

Но такъ какъ могло всетаки случиться, что послѣ умершаго аѳинянина не оставалось никакого преемника, то законодательство, заботясь о томъ, чтобы не погасъ ни одинъ домашній очагъ и не прекратился ни одинъ частный культъ, обязывало въ такомъ случаѣ архонта-эпонима отыскать между гражданами такого, который-бы согласился быть продолжателемъ культа умершаго и вмѣстѣ съ тѣмъ наслѣдникомъ его имущества (¹).

Изъ предъидущаго видно, какъ противорѣчивы тѣ выводы, къ которымъ пришли наиболѣе авторитетные изслѣдователи по вопросу о порядкѣ призванія къ наслѣдству, существовавшемъ въ аѳинскомъ правѣ. Такое разногласіе во мнѣніяхъ ученыхъ, естественно, должно было возникнуть въ виду скудости свѣдѣній о частномъ правѣ аѳинянъ, доставляемыхъ немногими, дошедшими до насъ источниками, главнѣйшими изъ которыхъ являются рѣчи ораторовъ Изея и Демосѳена. Очевидно, къ источникамъ такого рода, какъ процессуальныя рѣчи адвокатовъ, нужно относиться съ осторожностью: не говоря уже о томъ, что самый текстъ этихъ рѣчей могъ быть искаженъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переписчиками, самихъ ораторовъ можно заподозрить въ невсегда точномъ изложеніи фактическихъ обстоятельствъ дѣла и иногда даже въ неправильномъ толкованіи смысла законовъ съ цѣлью добиться отъ суда желаемаго рѣшенія (²). Помимо всего этого, возможно также предположеніе, что въ эпоху, современную обоимъ названнымъ ораторамъ, въ самомъ аѳинскомъ законодательствѣ порядокъ наслѣдованія не былъ точно и ясно опредѣленъ и что въ народномъ сознаніи ихъ согражданъ не сложилось еще по этому предмету твердаго и опредѣленнаго воззрѣнія. Мы не можемъ представить въ подтвержденіе послѣдняго предположенія прямыхъ свидѣ-

---

(¹) Аѳинское государство никогда не присвоивало себѣ права на полученіе вакантнаго наслѣдства. Даже въ то время, когда государственная казна очень нуждалась въ средствахъ, никому не приходила мысль о возможности присвоенія государствомъ выморочныхъ имуществъ: идея о необходимости продолженія каждаго семейнаго культа не допускала до этого. См. *Wachsmuth*, Hellenische Alterhümskunde. éd. 2, II, p. 177.

(²) *Caillemer*, Le droit de succession à Athènes (Revue de législ. anc. et mod.) 1875, p. 39, 40 и слѣд.

Digitized by Google

тельствъ источниковъ; но оно основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Въ то болѣе древнее время, когда каждая семья составляла замкнутое общество и члены ея не дѣлились между собою; когда власть отца въ семьѣ имѣла больше значенія, чѣмъ впослѣдствіи; когда агнатическая связь между членами одного и того-же рода была еще очень крѣпка, а когнатическое родство, напротивъ, почти не имѣло значенія, —тогда не представлялось затрудненій въ опредѣленіи порядка наслѣдованія: наслѣдникомъ могъ быть только прямой потомокъ умершаго въ мужской линіи, а за неимѣніемъ такого потомка, наслѣдовалъ тотъ изъ родственниковъ, который могъ замѣнить умершему сына. Такимъ образомъ къ древнему наслѣдственному праву аѳинянъ примѣнимо вполнѣ положеніе Ганса, что всякій наслѣдникъ есть сынъ наслѣдодателя, и очень возможно, что порядокъ наслѣдованія у аѳинянъ этой эпохи въ существенныхъ чертахъ былъ сходенъ съ порядкомъ, указываемымъ современнымъ анамскимъ кодексомъ (1). Но извѣстно, что еще задолго до Солона начался переворотъ въ общественномъ и семейномъ бытѣ аѳинянъ (2). Древній родовой строй общества сталъ уступать мѣсто новому: родовые союзы преобразовываются въ учрежденія политическія; древняя обширная семья распадается; семейные раздѣлы совершаются все чаще; сознаніе родственной связи между отдаленными агнатами слабѣетъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ является потребность въ измѣненіи правилъ древняго семейнаго и наслѣдственнаго права, признававшаго только мущинъ—агнатовъ родственниками, способными наслѣдовать другъ другу, и исключавшаго изъ участія въ наслѣдствѣ женщинъ и когнатовъ, даже ближайшихъ по кровной связи. Въ законахъ Солона мы встрѣчаемъ первыя неоспоримыя свидѣтельства объ этомъ переворотѣ. Выше уже было сказано, что Солонъ дозволилъ семейные раздѣлы, огра-

---

(1) По крайней мѣрѣ, принципъ, на которомъ основывается порядокъ наслѣдованія, тожественъ въ томъ и другомъ правѣ. См. выше, стр. 103, примѣч. 3.

(2) См. объ этомъ у *Фюстель Куланжа*, «La cité antique», livre IV, ch. V et VIII,

Digitized by Google

ничилъ суровость отцовской власти, призналъ за женщиной право имѣть собственное имущество, позаботился объ обезпеченіи судьбы дочерей по смерти ихъ отца, призвалъ къ наслѣдованію женщинъ и когнатовъ, ввелъ завѣщаніе и т. д. Очевидно, что всѣ перечисленныя здѣсь постановленія этого законодателя явились, какъ результатъ измѣненія семейнаго быта аѳинянъ: они расчитаны на общество, въ которомъ обширныя семейныя группы уже изчезли и семья ограничена своими естественными предѣлами; кромѣ того, въ этихъ постановленіяхъ замѣчается стремленіе къ высвобожденію отдѣльной личности изъ подъ власти семьи. Такимъ образомъ, новыя правила, введенныя въ аѳинское законодательство Солономъ, противорѣчили древнему праву, которое все было основано на началахъ родовой замкнутости и полнаго подчиненія индивидуума семьѣ и роду.

Но старый порядокъ семейной жизни не вдругъ уступалъ мѣсто новому; переходъ отъ одного къ другому долженъ былъ совершаться весьма медленно, что отразилось и въ законодательствѣ. Законы Солона во многомъ еще слѣдуютъ принципамъ древняго права. Очевидно, что правовыя воззрѣнія, сложившіяся издревле, еще крѣпко держались въ народѣ (чему, между прочимъ, много способствовала тѣсная связь права съ религіей), и законодатель не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ нихъ; а, напротивъ, издавая свои постановленія, долженъ былъ признать ненарушимыми основныя правила древняго права, допустивъ только нѣкоторыя отклоненія отъ нихъ, вызванныя потребностями его времени. Такимъ образомъ, въ законахъ Солона, какъ и во всякихъ законахъ переходныхъ эпохъ, сталкиваются вмѣстѣ правила, создавшіяся въ разное время, противоположныя по духу; а ужъ одно это обстоятельство должно было вносить неопредѣленность въ правовыя отношенія и вело за собой затрудненія при примѣненіи закона на практикѣ. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду еще тотъ исторически-извѣстный фактъ, что съ введеніемъ законовъ Солона, дѣйствовавшіе до того времени Драконовы законы не были отмѣнены и что даже во время Демосфена, по крайней мѣрѣ въ случаяхъ, непредусмотрѣнныхъ позднѣйшимъ законодательствомъ, стороны могли ссылаться на эти древніе законы, а судъ могъ основывать на

Digitized by Google

нихъ свои рѣшенія (¹). Фюстель Куланжъ, обобщая этотъ фактъ съ подобными-же фактами изъ исторіи римскаго и индусскаго права, придаетъ ему весьма большое значеніе.— „Въ сущности, говоритъ названный авторъ, законъ былъ нерушимъ, потому что божественъ. И надо замѣтить, что законы никогда не отмѣнялись. Можно было установлять новые, но прежніе все-таки существовали, какое-бы ни выходило между ними противорѣчіе. Уложеніе Дракона не было отмѣнено Солоновымъ, а равно и царскіе законы уставомъ XII таблицъ.... Коренное начало это было причиною большой неопредѣленности (la grande confusion) въ древнемъ правѣ. Въ немъ сходились противоположные законы, произведенія различныхъ эпохъ, и всѣ имѣли право на уваженіе. Изъ одной судебной рѣчи Изея мы видимъ, что два лица спорятъ между собой о наслѣдствѣ; каждое приводитъ въ свою пользу законъ; оба закона противоположны одинъ другому, и оба равно священны" (²). Хотя почтенный ученый на этотъ разъ нѣсколько увлекся, утверждая возможность совмѣстнаго существованія законовъ совершенно противоположныхъ, пользующихся одинаковымъ авторитетомъ, — подобное явленіе невозможно ни въ какомъ обществѣ; но его указанія на неопредѣленность, господствовавшую въ древнемъ правѣ, совершенно вѣрны и вообще, и въ частности — примѣнительно къ праву аѳинскому. Ибо отсутствіе надлежащаго согласованія новыхъ правилъ съ неотмѣненными постановленіями древняго права и необходимость обращаться за рѣшеніемъ случаевъ, непредусмотрѣнныхъ новымъ закономъ, къ прежнему уложенію, возникшему въ другое время и подъ господствомъ иныхъ идей, естественно должны были вредить ясности и опредѣленности нормъ аѳинскаго законодательства. Отсутствіе строгой опредѣленности и возможность безрядицы въ гражданскомъ правѣ аѳинянъ будутъ для насъ еще болѣе понятны, если мы ко всему сказанному прибавимъ, что аѳинское законодательство, подобно законодательствамъ другихъ древ-

---

(¹) См. *Andocidis* or. de mysteriis 81—83. (*Didot*, Oratores attici. p. 61, 62); *Demosthenis* oratio in Evergum et Mnesibulum, 71. (*Didot*, Demosth. opera, p. 609).

(²) *Fustel-de-Coulanges*, La cité antique, p. 226; русскій переводъ, стр. 252.

Digitized by Google

нихъ народовъ, не отличалось полнотою содержанія, что на судѣ часто могли возникать споры о правахъ, не опредѣленныхъ ни старыми, ни новыми законами, а предоставленныхъ опредѣленію обычаевъ, которые въ эту переходную эпоху не могли отличаться особенною устойчивостью (¹). При такихъ условіяхъ рѣшеніе гражданскаго спора часто не столько зависѣло отъ закона, сколько отъ внутренняго убѣжденія судьи. Отсюда—раннее появленіе адвокатовъ и развитіе судебнаго краснорѣчія въ аѳинскихъ судахъ. Что все сказанное о недостаточной опредѣленности гражданскаго права, дѣйствовавшаго въ Аѳинахъ послѣ Солона, вполнѣ примѣнимо и

(¹) Позволимъ себѣ указать здѣсь для примѣра на остающійся и въ настоящее время спорнымъ вопросъ—могли-ли по аѳинскому праву родители наслѣдовать имущество умершихъ дѣтей?—Въ дошедшихъ до насъ постановленіяхъ Солона нѣтъ прямыхъ указаній на то, чтобы такое право было дано законодателемъ отцу или матери. Мы знаемъ только, что на сына была возложена обязанность кормить и содержать своего престарѣлаго отца. Очевидно, что при старомъ порядкѣ въ семейной жизни, когда отецъ жилъ въ одномъ домѣ съ сыновьями и держалъ въ своихъ рукахъ власть надъ всѣмъ домомъ, пока былъ въ силахъ нести бремя управленія домашними дѣлами, и когда онъ, передавая въ преклонныхъ лѣтахъ все свое хозяйство сыну, продолжалъ жить вмѣстѣ съ нимъ и на его попеченіи,—не могло возникнуть закона, опредѣляющаго право отца наслѣдовать своему сыну. Имущество у сына и у отца было нераздѣльно и въ случаѣ преждевременной и безпотомственной смерти сына, отецъ продолжалъ быть собственникомъ этого имущества по-прежнему, а чтобы не остаться на старости лѣтъ безъ защитника и кормильца, онъ, если не надѣялся больше имѣть дѣтей, прибѣгалъ къ усыновленію. При Солонѣ этотъ древній порядокъ семейной жизни уже измѣнился. Сыновья стали часто отдѣляться отъ родителей, заводить свое отдѣльное хозяйство, пріобрѣтать свое имущество, собственникомъ котораго отецъ уже не былъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ стали возможны случаи, что отдѣлившіеся сыновья отказывались содержать своихъ почему-либо обѣднѣвшихъ родителей, чѣмъ и было вызвано помянутое постановленіе Солона. Если этотъ законодатель умалчиваетъ о правѣ родителей на наслѣдство послѣ ихъ дѣтей, то изъ этого слѣдуетъ, что и въ его время не возникало еще никакихъ споровъ объ этомъ правѣ. Когда-же впослѣдствіи явилась потребность въ разъясненіи этого вопроса, то рѣшеніе его въ пользу родителей могло казаться сомнительнымъ именно потому, что законодатель, говоря о порядкѣ наслѣдованія, не упомянулъ въ ряду наслѣдниковъ никого изъ восходящихъ. И намъ кажется не безъосновательнымъ мнѣніе Георга Пер-

Digitized by Google

къ праву наслѣдственному,—это разумѣется само собой. Законы Солона, допустивъ къ наслѣдованію женщинъ и когнатовъ, этимъ самимъ вызвали замѣшательство при опредѣленіи законнаго порядка наслѣдованія. Это не должно нисколько удивлять насъ, такъ какъ съ подобнымъ-же явленіемъ мы встрѣчались уже въ исторіи индусскаго наслѣдственнаго права, гдѣ съ допущеніемъ женщинъ къ полученію наслѣдства, произошла трудно разрѣшимая путаница въ порядкѣ призванія наслѣдниковъ (¹) Что опредѣленія аѳинскаго наслѣдственнаго права не были достаточно ясны для самихъ аѳинянъ, на это указываетъ уже одно обиліе процессовъ о наслѣдствѣ, возникавшихъ въ аѳинскихъ судахъ. Всѣ одиннадцать дошедшихъ до насъ рѣчей Изея имѣютъ своимъ содержаніемъ споры о наслѣдствѣ. Знаменитый Демосѳенъ также нерѣдко брался вести процессы этого рода, и до насъ дошло шесть рѣчей его, въ которыхъ непосредственно или случайно, но въ связи съ главнымъ предметомъ процесса, поднимаются вопросы наслѣдственнаго права. Если въ Аѳинахъ между современниками этихъ ораторовъ такъ часто возникали споры о томъ, кто изъ родственниковъ въ данномъ случаѣ имѣетъ по закону право быть наслѣдникомъ, то неудивительно, что современные ученые не могутъ придти къ соглашенію по вопросу объ аѳинскомъ порядкѣ наслѣдованія.

Чтобы наше заключеніе о недостаточной опредѣленности правилъ аѳинскаго права, относящихся до порядка наслѣдованія, не показалось голословнымъ, мы сошлемся на извѣстный процессъ о наслѣдствѣ Гагнія. Процессъ этотъ тянулся очень долго и по сча-

---

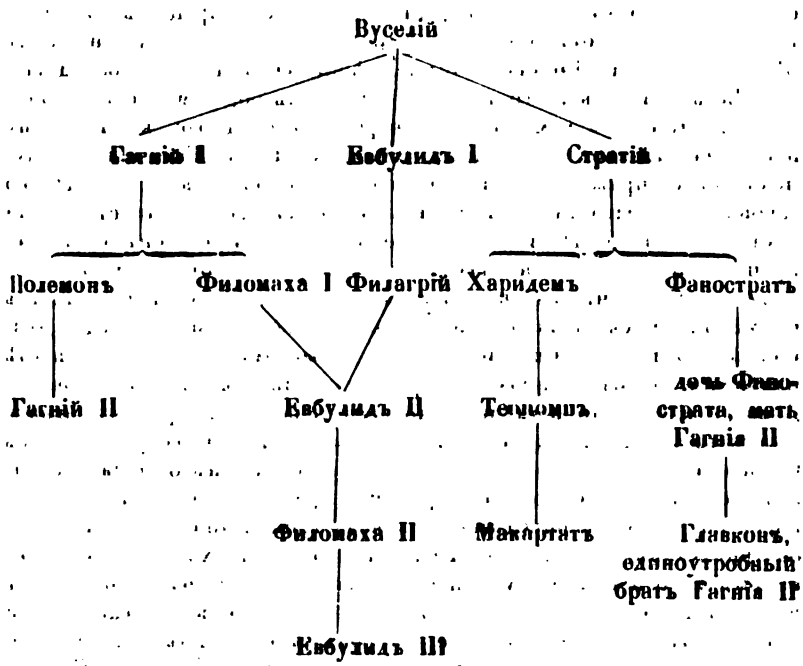
ро, который, соглашаясь, что законы Солона не давали отцу права на полученіе наслѣдства послѣ дѣтей, говоритъ далѣе, что впослѣдствіи стали находить несправедливымъ законъ, заставлявшій престарѣлыхъ родителей умирать въ нищетѣ, тогда-какъ богатое наслѣдство ихъ сыновей переходило къ отдаленнымъ боковымъ родственникамъ. Такъ что, по словамъ помянутаго автора, во время Изея и Демосѳена стали стараться путемъ интерпретаціи достигнуть признанія за обоими родителями права наслѣдовать ихъ дѣтямъ. См. Georges Perrot, «l'éloquence politique et judiciaire à Athènes», t. I. p. 377.

(¹) См. выше, стр. 60 примѣч. 2.

Digitized by Google

сдивому случаю, до насъ дошли двѣ рѣчи объ этомъ процессѣ: одна Исея, а другая Демосѳена (¹).

Обстоятельства этого дѣла были слѣдующія. Аѳинянинъ Вуселій имѣлъ пятерыхъ сыновей, между которыми раздѣлилъ все свое имущество. Сыновья переженились и у нихъ всѣхъ въ свою очередь родились сыновья и внуки, такъ что, говоря словами Демосѳена, «изъ одной фамиліи Вуселія образовалось пять фамилій, каждая изъ которыхъ обитала отдѣльно, имѣя свой домъ и производя потомство». У одного изъ сыновей, Гагнія I (см. таблицу) былъ сынъ Полемонъ и внукъ Гагній II, умершій бездѣтнымъ. По смерти этого Гагнія II-го и начался между его боковыми родственниками споръ о томъ, къ кому должно перейти имущество умершаго.



Первый заявилъ претензію на наслѣдство Гагнія, основываясь на завѣщаніи, Главконъ; дочери Евбулида II, Филомахѣ II, удалось оспорить на судѣ это завѣщаніе. Затѣмъ уже предъявляютъ свои претензіи другіе родственники. У Гагнія II-го было четверо троюродныхъ братьевъ: Евбулидъ II, Теопомпъ, Стратій и Стратоклъ

(¹) Demosthenis or. adversus Macartatum (Didot, p. 547—565), Isaei or. de Hagniae hereditate (Didot, p. 309—318).

Digitized by Google

(двое послѣднихъ не показаны въ таблицѣ). Трое изъ нихъ умерли, не получивъ наслѣдства; а оставшійся въ живыхъ Теопомпъ, соединясь съ Главкономъ и двумя другими родственниками, сталъ оспаривать права Филомахи II-й на полученіе наслѣдства и выигралъ процессъ. Послѣ того, сынъ Стратокла (не показанъ въ таблицѣ) потребовалъ отъ своего дяди Теопомпа половину полученнаго наслѣдства; но Теопомпъ опять остался побѣдителемъ на судѣ. Такимъ образомъ, послѣдній обладалъ наслѣдствомъ нераздѣльно и, умирая, передалъ его своему сыну Макартату. Тѣмъ временемъ, у Филомахи II-й родился сынъ Евбулидъ III-й, который былъ записанъ въ книгу фратріи, какъ сынъ Евбулида II-го, такъ-какъ былъ дщеричъ послѣдняго. Мужъ Филомахи II-й, проигравшій первый процессъ ея съ Теопомпомъ, на этотъ разъ вновь повелъ процессъ уже противъ Макартата отъ имени Евбулида III-го. Демосѳенъ написалъ рѣчь для истца и дѣло окончательно рѣшилось въ пользу послѣдняго.

Весь интересъ этого процесса главнымъ образомъ сосредоточивался на томъ, къ кому должно перейти наслѣдство: къ Теопомпу или къ его главной противницѣ, Филомахѣ II-ой. Если-бы преимущественное право послѣдней на наслѣдство было ясно опредѣлено закономъ, то едва-ли-бы Теопомпъ рѣшился выступить съ своими претензіями на судѣ, и еще менѣе вѣроятно, чтобы онъ выигралъ процессъ и судъ постановилъ рѣшеніе, прямо противорѣчащее закону. Кажется, что здѣсь именно мы имѣемъ дѣло съ любопытнымъ примѣромъ тѣхъ столкновеній, которыя должны были нерѣдко возникать между древними и новыми правовыми воззрѣніями послѣ измѣненій, произведенныхъ въ древнемъ аѳинскомъ правѣ Солономъ. Древняя идея, что наслѣдство должно перейти къ родичу агнату мужскаго пола, еще крѣпко держалась въ умахъ современниковъ Солона, и этотъ законодатель допустилъ только нѣкоторыя отступленія отъ прежняго правила, причемъ предѣлъ этихъ отступленій, вѣроятно, не былъ опредѣленъ съ надлежащей точностью. Въ разсматриваемомъ нами случаѣ, Теопомпъ хотя и приходится родственникомъ въ 6-й степени умершему Гагнію, но онъ членъ одного съ нимъ рода Вуселидовъ и ближайшій изъ всѣхъ Вуселидовичей агнатъ ему. Древнее воззрѣніе на родъ и на родство за него,—и если-бы этотъ процессъ имѣлъ мѣсто до изданія законовъ Солона, то права Теопомпа на полученіе наслѣдства невозможно было-бы оспаривать. Теопомпъ и стоитъ на этой древней точкѣ зрѣнія, стараясь истолковать въ свою пользу законъ Солона, который опредѣлялъ, что за недостаткомъ единокровныхъ братьевъ и сестеръ умершаго и ихъ сыновей, призываются къ наслѣдству двоюродные братья съ отцовской стороны и ихъ сыновья (consobrini et consobrinorum filii). (Доказательства правъ Теопомпа изложены въ рѣчи, написанной для него Изеемъ, по поводу процесса съ сыномъ Стратокла). «Отецъ мой и отецъ умершаго Гагнія были двоюродные братья, говоритъ Тео-

Digitized by Google

помнѣ,—а мы изъ сыновья (consobrinorum filii); стало-быть мнѣ и должно принадлежать наслѣдство». Онъ признаетъ, что если-бы Евбулидъ II-й и Стратоклъ были живы, то онъ былъ бы обязанъ подѣлить съ ними имущество умершаго Гагніа; но съ сыномъ Стратокла и съ дочерью Евбулида не считаетъ себя обязаннымъ дѣлиться, такъ-какъ послѣдніе вовсе не принадлежатъ къ кругу тѣхъ родственниковъ съ отцовской стороны, которымъ законъ даетъ право на наслѣдство предпочтительно предъ матерью умершаго и ея родомъ. Изей въ своей рѣчи утверждаетъ, дѣйствительно, что если-бы Теопомпъ не получилъ наслѣдства, то оно должно было-бы перейти къ матери умершаго и его единоутробному брату Глаукону, а не къ Филомахѣ II-ой и не къ сыну Стратокла (¹).

Защитникъ Филомахи стоитъ, напротивъ, на точкѣ зрѣнія новаго права, дающаго предпочтеніе ближайшимъ членамъ семьи, хотя-бы и когнатамъ, передъ отдаленными родичами. Онъ утверждаетъ, что если-бы живъ былъ отецъ Филомахи Евбулидъ, то онъ одинъ-бы получилъ все наслѣдство, такъ какъ онъ приходится родственникомъ наслѣдодателю вдвойнѣ: будучи, какъ и Теопомпъ, троюроднымъ братомъ ему по отцу, онъ двоюродный братъ ему по матери своей Филомахѣ I-ой, родной теткѣ наслѣдодателя. Филомаха II-я приходится, такимъ образомъ, родственницей наслѣдодателю въ 5-й степени (consobrini filia), и она одна имѣетъ предпочтительное право на наслѣдство даже передъ матерью умершаго и ея родомъ, не говоря уже о Теопомпѣ, который, какъ sobrinus умершаго, а вовсе не consobrini filius, долженъ быть совсѣмъ исключенъ изъ числа наслѣдниковъ (²). Судьи, естественно, могли затрудниться въ рѣшеніи вопроса о томъ, которая изъ сторонъ правѣе въ своихъ требованіяхъ. Съ одной стороны претендуетъ на наслѣдство ближайшая родственница; но она во первыхъ женщина, а во вторыхъ родственница по женской линіи, — законъ же вездѣ оказываетъ предпочтеніе мущинамъ и мужской линіи,— кромѣ того, она замужемъ за членомъ другой фратріи и слѣдовательно вышла уже изъ рода Вуселидовъ. Наконецъ, могло представлять затрудненіе для судей и то еще обстоятельство, что законъ, призывая къ наслѣдству единокровныхъ сестеръ и ихъ потомковъ, ничего не упоминалъ о теткахъ, и постановленіе о правѣ двоюродныхъ съ отцовской стороны на наслѣдство могло быть истолковано въ томъ смыслѣ, что законъ имѣетъ въ виду здѣсь лишь дѣтей дяди, а не дѣтей тетки.

Противникъ Филомахи, хотя и болѣе отдаленный родственникъ умершаго, имѣлъ такимъ образомъ въ глазахъ судей то преимущество передъ своей соперницей, что былъ старшимъ и един-

(¹) Isaei or. de Hagniae hereditate §§ 1—3, 16—20, 29, et 30.

(²) Demosth. or. adversus Macartatum, 17, 20—25, 27.

Digitized by Google

ствѣннымъ представителемъ рода Вуселидовъ, къ которому принадлежалъ наслѣдодатель, приходился послѣднему агнатомъ per viros и требовалъ имущество своего умершаго родича, доставшееся отъ общаго имъ обоимъ предка, Вуселія. Голоса судей раздѣлились; но большинство ихъ склонилось въ пользу рѣшенія, основаннаго на древнемъ правовомъ принципѣ,—и Теопомпъ выигралъ процессъ. Хотя защитникъ Филомахи и объяснялъ впослѣдствіи свое пораженіе тѣмъ, что, благодаря уловкамъ противной стороны, онъ не имѣлъ достаточно времени, чтобы выяснить въ своей рѣчи все дѣло передъ судьями надлежащимъ образомъ; но если-бы порядокъ призванія родственниковъ къ наслѣдству былъ съ достаточной ясностью опредѣленъ закономъ, то для того, чтобы убѣдить судей въ справедливости претензій Филомахи, не потребовалось-бы много времени. Caillemer приписываетъ побѣду Теопомпа промахамъ защитника Филомахи и невѣжеству судей, мало знакомыхъ съ законами [1]; но если-бы законъ ясно опредѣлялъ порядокъ наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ, то и защитникъ не надѣлалъ бы промаховъ, и самые невѣжественные судьи не затруднились-бы рѣшить дѣло сообразно постановленіямъ закона.

Процессъ объ этомъ наслѣдствѣ, какъ выше уже было сказано, возникъ между Евбулидомъ III и Макартатомъ. Защитникъ Евбулида теперь уже, при помощи Демосѳена, имѣлъ возможность вполнѣ подготовиться къ дѣлу и представить суду неопровержимые доводы въ пользу справедливости претензіи своего кліента. Разберемъ главнѣйшіе изъ этихъ доводовъ. Ораторъ начинаетъ изложеніе обстоятельствъ дѣла съ повѣствованія о томъ, что Вуселій раздѣлилъ по справедливости все имущество между пятью сыновьями и что съ тѣхъ поръ, вмѣсто одной семьи, явилось пять отдѣльныхъ семействъ. Онъ не безъ причины обращаетъ вниманіе судей на то обстоятельство, что каждая изъ этихъ семей имѣла свой домъ и жила совершенно особо отъ другихъ [2]. Онъ ставитъ, такимъ образомъ, на видъ судьямъ, что въ данномъ процессѣ не можетъ идти рѣчи о Вуселидахъ, такъ-какъ родъ Вуселія распался на пять самостоятельныхъ вѣтвей, каждая изъ которыхъ имѣетъ свое особое имущество, свой домашній очагъ, свою чреду предковъ и потомковъ; что посему члены каждой вѣтви должны наслѣдовать другъ другу, исключая изъ наслѣдства болѣе отдаленныхъ родичей изъ другихъ вѣтвей. Наслѣдство открылось въ родѣ Гаг-

---

(1) Revue de législation ancienne et moderne. 1875, p. 40 et 1876, p. 688, note 3.

(2) Demosth. adversus Macartatum, § 19.

Digitized by Google

нія, мужская линія которого прекратилась, но осталась женская, въ которую и должно перейти оно. Указавъ, что на основаніи Солонова закона наслѣдниками Гагнія II могутъ быть только потомки Филомахи I и ея сына Евбулида II, такъ-какъ они хотя и происходятъ изъ другой вѣтви Вуселидовъ по мужской линіи, но близко связаны съ семьей Гагнія черезъ Филомаху I, (¹) ораторъ не ограничивается однимъ этимъ доводомъ. Опасаясь, что судъ опять поставитъ на одну доску Евбулида III и Макартата, какъ Вуселидовъ и *родичей* наслѣдодателя въ одной степени, что повело-бы къ проигрышу процесса для его кліента, онъ представляетъ и другіе доводы. Въ продолженіе всей рѣчи обращая вниманіе судей на то, что Теопомпъ не членъ рода Гагніевъ, а принадлежитъ къ другой фамиліи, онъ въ заключеніе указываетъ суду на два факта, которые должны были, по его мнѣнію, имѣть рѣшающее значеніе въ спорѣ. Вопервыхъ онъ, сообщаетъ судьямъ, что Теопомпъ, претендующій на близкое родство съ Гагніемъ и захватившій его наслѣдство, не позаботился о продолженіи семьи Гагнія. Сынъ Теопомпа получилъ свое имя не изъ фамиліи Гагнія и даже не изъ фамиліи Стратія, своего предка. Имя Макартатъ носитъ онъ потому, что отданъ былъ отцомъ своимъ въ усыновленіе въ семью своего дяди по матери, Макартата Проспальтія. «Онъ (Теопомпъ) настолько наглъ—восклицаетъ ораторъ—что, когда у него родился сынъ, такъ онъ, получившій наслѣдство Гагнія и заявлявшій, что онъ агнатъ послѣднему per viros, отдалъ своего сына въ усыновленіе когнату съ материнской стороны, Макартату, въ семью Проспальтіевъ, а семью Гагнія оставилъ гаснуть безъ потомства» (²). Указавъ въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ на неприличіе и безнравственность такого поступка Теопомпа, ораторъ ставитъ на видъ судьямъ еще другой фактъ, неопровержимо доказывающій, по его мнѣнію, что ни Макартатъ, ни отецъ его не принадлежатъ къ одной семьѣ съ Гагніемъ.—У всѣхъ Вуселидовъ, говоритъ ораторъ, есть общая усыпальница, носящая ихъ родовое имя и занимающая, по обычаю древнихъ, обширное пространство, гдѣ покоятся всѣ, рожденные отъ Вуселія: и Гагній, и Евбулидъ, и остальные Вуселидовичи, которые, хотя число ихъ и велико, всѣ сообща пользуются этой усыпальницей. Но отецъ и дѣдъ Макартата не пользовались этимъ кладбищемъ, а устроили себѣ особую усыпальницу, вдали отъ усыпальницы Вуселидовъ (³). Такимъ образомъ ораторъ доказываетъ, что фамилія Стратіевъ издавна отдѣлилась совершен-

---

(¹) Id. §§ 50—55.
(²) Id. §§ 76—78.
(³) Id. §§ 79—80.

Digitized by Google

но отъ рода Вуселидовъ и, слѣдовательно, ничѣмъ не связана съ семьей Гагніевъ. Теономъ и его односемьяне имѣютъ свое кладбище, своихъ покойниковъ, и не имъ поэтому надлежитъ совершать могильныя жертвы по усопшимъ родичамъ Гагнія и Евбулида, слѣдовательно, и наслѣдство Гагнія должно перейти не къ нимъ, тѣмъ болѣе, что съ ихъ стороны не выказано ни малѣйшаго старанія предотвратить прекращеніе фамиліи послѣдняго. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится кліентъ Демосеена: онъ не только ближайшій родственникъ наслѣдодателя, онъ—Евбулидичъ и его предки покоятся въ одной общей усыпальницѣ съ самимъ Гагніемъ и со всѣми предками послѣдняго. На Евбулидѣ III лежитъ обязанность заботиться о могилахъ всѣхъ этихъ родичей; онъ, а не усыновленный въ совершенно чуждую семью Макартатъ, можетъ продолжить фамилію Гагнія: онъ-же, слѣдовательно, долженъ получить имущество послѣдняго (1). И ораторъ проситъ судей отъ имени умершихъ родичей Гагнія и Евбулида, что-бы они позаботились объ интересахъ послѣднихъ и не позволили прекратиться ихъ роду (2).

Итакъ, Демосеенъ не довольствуется указаніемъ на то, что по законамъ Солона только дѣти Евбулида II имѣютъ право наслѣдовать Гагнію; чтобы окончательно склонить судей въ пользу своего кліента, онъ становится на почву древнихъ обычаевъ и древняго права и побиваетъ своихъ противниковъ тѣмъ-же оружіемъ, которымъ они съ такимъ успѣхомъ воспользовались ранѣе ими въ первомъ процессѣ. Дѣло о наслѣдствѣ Гагнія, такимъ образомъ, представляетъ наглядный примѣръ тѣхъ затрудненій относительно опредѣленія порядка наслѣдованія, которыя въ эпоху Исея и Демосеена возникали иногда на практикѣ, и можетъ служить довольно вѣскимъ доводомъ въ пользу высказаннаго нами предположенія, что въ самомъ аѳинскомъ законодательствѣ этой эпохи не содержалось достаточно полныхъ и ясныхъ постановленій по этому предмету. Повторяемъ еще разъ, что это не болѣе, какъ наше предположеніе, которое мы рѣшились высказать только въ виду совершеннаго разногласія въ современной литературѣ мнѣній о порядкѣ наслѣдованія, существовавшемъ въ Аѳинахъ. Мы не можемъ долѣе останавливаться на этомъ вопросѣ, такъ-какъ онъ только стороною соприкасается съ главной задачей нашей работы.

Какъ ни сбивчивы наши свѣдѣнія о томъ, въ какомъ порядкѣ аѳинское право призывало родственниковъ къ наслѣдованію послѣ умершаго; во всякомъ случаѣ, не подле-

(1) Id. 81.

(2) Id. 83, 84.

Digitized by Google

жить сомнѣнію, что въ основанія этого порядка лежитъ древнее воззрѣніе, считавшее имущество принадлежностью семьи и рода, а не отдѣльнаго лица. Древній грекъ, подобно индусу, видѣлъ въ имуществѣ, особенно недвижимомъ, фондъ, обезпечивающій существованіе и продолженіе семьи и ея домашняго культа, а потому аѳинское право такъ-же, какъ индусское и китайское, не даетъ лицу права передавать по смерти своей свое имущество постороннему иначе, какъ при помощи усыновленія (¹). Мало того, хотя аѳинскіе законы и не называютъ нигдѣ сыновей сособственниками отцовскаго имущества, но слѣды подобнаго воззрѣнія на нихъ высказываются въ обязанности отца, если онъ пожелаетъ самъ раздѣлить имущество между сыновьями, совершать этотъ раздѣлъ по закону и справедливо, какъ того требуютъ разумъ и обычаи предковъ (²). Тѣмъ-же воззрѣніемъ

(¹) Но аѳинское право сдѣлало важный шагъ впередъ сравнительно съ помянутыми законодательствами въ томъ отношеніи, что допускаетъ болѣе удобный способъ усыновленія—завѣщаніе. Кромѣ того, оно даетъ лицу, не имѣющему прямаго потомства, большую свободу въ выборѣ себѣ преемника, не обязывая выбирать послѣдняго непремѣнно изъ родственниковъ и притомъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій относительно ихъ старшинства, какъ этого требуютъ китайскій и анамскій кодексы. См. выше стр. 105 и слѣд. въ примѣч.

(²) См. Demosthenis or. adversus Macartatum § 19. На основаніи одного мѣста изъ рѣчи Демосѳена за Формія (Demosth. exceptio pro Formione §§ 34, 35) должно заключить, что отецъ, раздѣляя имущество между дѣтьми, могъ одному изъ нихъ оказать преимущество предъ другими, передавъ ему собственный домъ, сверхъ причитающейся ему доли изъ остальнаго имущества, которое дѣлилось по ровну. Весьма вѣроятно, что преимущество это оказывалось обыкновенно старшему сыну, хотя положительно утверждать это на основаніи одного только даннаго мѣста за Формія нельзя. Фюстель-Кулапжъ, основываясь на цитированномъ здѣсь источникѣ, утверждаетъ, что въ эпоху Демосѳена старшій сынъ во всякомъ случаѣ имѣлъ право удержать за собой внѣ раздѣла отчій домъ и видитъ въ этомъ остатокъ существовавшаго прежде въ Аѳинахъ права первородства; но это мнѣніе почтеннаго ученаго не подтверждается, а скорѣе опровергается тѣми словами оратора, на которыя сдѣлана ссылка. Демосѳенъ ясно говоритъ, что его противникъ не имѣлъ-бы права на обладаніе преимущественной долей,—не будь на то воли отца, выраженной въ завѣщаніи.

Digitized by Google

объясняется и предоставлявшееся въ Аѳинахъ сыновьямъ право ходатайствовать въ случаѣ слабоумія или вообще неспособности отца къ управленію имуществомъ объ устраненіи его отъ веденія хозяйственныхъ дѣлъ. Что такое право дѣйствительно принадлежало сыновьямъ, а также и другимъ родственникамъ, это въ настоящее время не оспаривается никѣмъ изъ ученыхъ. Неизвѣстна съ точностью только истинная цѣль этого ходатайства, т. е.—представлялось-ли сыновьямъ, въ случаѣ, если ихъ жалоба оказывалась справедливой, право собственности на отцовское имущество и они могли прямо приступить къ раздѣлу, или-же послѣдствіемъ этой жалобы могло быть лишь назначеніе опеки надъ личностью и имуществомъ отца, причемъ опекунами являлись, конечно, его ближайшіе наслѣдники? (¹) Существуютъ также сомнѣнія относительно самаго порядка производства по этого рода дѣламъ (²).

Древнее воззрѣніе на семью, какъ на одно цѣлое, представляемое своимъ главою, и на имущество, какъ на общую собственность всей семьи, съ особенной силой выступаетъ въ постановленіяхъ аѳинскаго права о пріобрѣтеніи наслѣдства и о послѣдствіяхъ этого пріобрѣтенія. Аѳинское право также различаетъ тѣхъ наслѣдниковъ, которые состояли когда-либо подъ властью умершаго, будучи членами его семьи, отъ остальныхъ, не состоявшихъ въ такихъ отношеніяхъ къ наслѣдодателю. У первыхъ, какъ у членовъ семьи наслѣдодателя, все должно быть общее съ послѣднимъ. Они жили съ нимъ въ одномъ домѣ, у одного очага, поклонялись вмѣстѣ съ нимъ его домашнимъ богамъ, имѣли общее хозяйство. Хотя глава семьи распоряжался одинъ всѣмъ въ домѣ; но естественно ожидать, что всѣ его

(¹) *Platner*, Der Process und die Klagen bei den Attikern, II, s. 242—245. *Gans*, Erbrecht, I, p. 224. *Meier und Schömann*, Attische Process, s. 44—46, 296—298. *Mayer*, Die Rechte der Israeliten, Athener und Römer, II, § 279. *Van-den Es*, De jure familiarum apud Athenienses, p. 146—147, 152—154.

(²) Извѣстно только, что просьбы по такимъ дѣламъ подавались архонту. Въ Спартѣ, гдѣ также законъ признавалъ за сыновьями подобное право, жалобы подавались царю. См., кромѣ авторовъ цитированныхъ въ предъидущемъ примѣчаніи, также Осипова, «Брачное право», стр. 107.

Digitized by Google

распоряженія клонились къ увеличенію богатства и славы его дома и служили, такимъ образомъ, къ общей пользѣ всѣхъ членовъ его семьи. Пользуясь всѣми выгодами хозяйственной распорядительности своего главы, вся семья, въ лицѣ ея полноправныхъ членовъ, должна вмѣстѣ съ нимъ нести и отвѣтственность за его дѣйствія. Хотя въ болѣе позднемъ періодѣ порядокъ семейной жизни въ Афинахъ подвергся существеннымъ измѣненіямъ и случаи, что взрослые сыновья жили отдѣльно отъ отца, имѣя свое хозяйство и собственное имущество, которымъ они распоряжались самостоятельно, были нерѣдки; но законъ, допуская такую самостоятельность сыновей, удержался во всемъ, что касалось до права ихъ наслѣдовать отцу, на древней точкѣ зрѣнія и, по смерти отца, обсуждалъ отношенія сыновей къ имуществу и къ долгамъ послѣдняго такъ, какъ будто они всѣ жили вмѣстѣ и отецъ велъ свое хозяйство, имѣя въ виду не свои только личные интересы, а интересы всей семьи. Словомъ, здѣсь повторяется то-же явленіе, которое нами было замѣчено въ индусскомъ правѣ, а именно: что въ случаѣ, когда сыновья, жившіе самостоятельно и отдѣльно отъ отца, являются наслѣдниками послѣдняго, то фактъ ихъ раздѣла съ отцомъ игнорируется закономъ, который здѣсь кладетъ въ основаніе своихъ опредѣленій о наслѣдственномъ переходѣ мысль объ единствѣ семьи и общности имущества и интересовъ между всѣми ея членами (¹).

Итакъ, установленіе указаннаго выше различія между наслѣдниками является необходимымъ слѣдствіемъ древняго воззрѣнія на семью и на семейную собственность. Различіе это прежде всего должно состоять въ томъ, что для тѣхъ наслѣдниковъ, которые были членами семьи умершаго, не можетъ быть установлено никакого промежутка между открытіемъ и пріобрѣтеніемъ наслѣдства. Для признанія за ними права собственности на наслѣдственное имущество нѣтъ надобности въ особомъ актѣ пріобрѣтенія: ибо они имѣли это право еще при жизни оставителя наслѣдства; оно не возникло для нихъ только послѣ смерти главы или послѣ раздѣла, а принадлежитъ имъ съ момента ихъ рожденія въ

(¹) См. выше стр. 70—72.

Digitized by Google

силу ихъ принадлежности къ семьѣ, которая одна имѣетъ—если можно такъ выразиться—верховное право па имущество, осуществляя это право чрезъ своего главу. Про прямыхъ потомковъ умершаго нельзя даже говорить, что они пріобрѣтаютъ наслѣдство послѣ него; а скорѣе можно лишь сказать, что за смертью главы они получаютъ возможность самостоятельно осуществлять свои права на семейное имущество и распоряжаться послѣднимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь съ самого рожденія въ своей семьѣ правомъ на семейное имущество и выгодами, доставляемыми послѣднимъ, они должны нести и всѣ тяготы, лежащія на ихъ родной семьѣ. Отказаться отъ принадлежности своей къ послѣдней они также не могутъ, какъ не могутъ отрицать фактъ своего рожденія въ ней: они крѣпки ей. Эта, по правилу, неразрывная связь между семьей и ея отдѣльными членами, вызванная въ древнемъ семейномъ быту не только узами крови, но и естественной въ то время для каждой семьи заботой о самосохраненіи,—связь, освященная и окрѣпленная впослѣдствіи религіей, проявляется со всей своей силой въ непремѣнной обязанности нисходящихъ наслѣдовать своему умершему предку. Аѳинское законодательство всегда налагало такую обязанность какъ на сыновей умершаго, законныхъ и усыновленныхъ имъ при жизни, такъ и на другихъ его прямыхъ нисходящихъ, не позволяя имъ отрекаться отъ наслѣдства ([1]). Всѣ эти лица даже во времена Демосѳена и Изея считались необходимыми наслѣдниками умершаго, и на нихъ ipso jure переносились права и обязанности послѣдняго тотчасъ съ момента его смерти.

Другое дѣло, когда наслѣдниками умершаго являются его боковые родственники. Эти послѣдніе не принадлежатъ къ его семьѣ, не состояли подъ его властью, не пользовались выгодами его хозяйственной дѣятельности, не имѣли при жизни его никакого отношенія къ его имуществу и долгамъ; у нихъ нѣтъ также той тѣсной нравственной и религіозной связи съ умершимъ, какая существуетъ между послѣднимъ и его прямыми потомками; а потому у законодателя не было основаній признавать ихъ наслѣдниками необходимыми. Что аѳинскіе законы дозволяли всѣмъ наслѣдникамъ умершаго, кромѣ прямыхъ нисходящихъ его, отречь-

([1]) Contra: *Dareste* и *Schneider*. См. опроверженіе въ ст. *Caillemer*.

Digitized by Google

ся отъ наслѣдства, это утверждается всѣми учеными (1), исключая, сколько намъ извѣстно, одного Шнейдера (2), который полагаетъ, что такого права не имѣли наслѣдники должниковъ казны. Но это мнѣніе названнаго автора, очевидно, несправедливо. Обязательное принятіе наслѣдства лица, задолжавшаго казнѣ, его боковыми родственниками имѣло-бы за собою нѣкоторое основаніе развѣ въ томъ случаѣ, когда эти родственники жили вмѣстѣ съ наслѣдодателемъ, имѣя съ нимъ общее хозяйство и нераздѣльную собственность. Мы, поэтому, готовы признать, что и боковые родственники могли являться необходимыми наслѣдниками въ то время, когда семейные раздѣлы не были еще часты и семья существовала въ видѣ обширнаго родственнаго союза, или въ видѣ семьи соединенной. Но впослѣдствіи, когда семья аѳинская ограничивалась лишь своими естественными предѣлами, и законодатель предоставилъ лицу, не имѣющему прямыхъ потомковъ, самому выбирать себѣ преемника, не стѣсняясь близостью родства, боковыхъ родственниковъ было уже невозможно непремѣнно заставлять наслѣдовать умершему: наложеніе на нихъ такой обязанности было-бы по отношенію къ нимъ явной несправедливостью. Помимо этого соображенія, въ рѣчи Демосѳена противъ Лакрита мы находимъ прямое доказательство того, что даже братья умершаго могли отказаться наслѣдовать ему (3). Право отреченія отъ наслѣдства принадлежало также и наслѣдникамъ, усыновленнымъ по завѣщанію. Такое право давалось имъ, очевидно, на томъ основаніи, что для дѣйствительности усыновленія требовалось согласіе усыновляемаго, которое назначенный въ завѣщаніи наслѣдникъ могъ изъявить только уже послѣ смерти завѣщателя, такъ какъ до вскрытія завѣщанія онъ могъ и не знать о намѣреніи послѣдняго назначить его своимъ сыномъ и наслѣдникомъ (4). Усыновленіе путемъ завѣщанія именно

---

(1) См. напр. *Bunsen*, De jure hereditario Atheniensium, p. 84. *Gans*, I, p. 398—399. *Mayer*, II, § 271, B. *Caillemer* (Revue de législation 1876), p. 669, 670.

(2) *Schneider*, de jure hereditario Atheniensium, p. 58.

(3) *Demosthen*, or. adversus Lacriti exceptionem, argumentum, §§ 1—4 et 44. (Didot p. 481, 482).

(4) *Gans*, I, s, 390 u. folg. *Mayer*, § 261.

Digitized by Google

тѣмъ и отличалось отъ усыновленія inter vivos, что послѣднее получало свою силу тотчасъ по совершеніи акта усыновленія, и усыновленный сейчасъ-же приравнивался къ законнымъ сыновьямъ усыновителя, тогда какъ послѣдствія завѣщанія могли наступить лишь по смерти завѣщателя, который при жизни своей могъ отмѣнить уже сдѣланное имъ завѣщаніе и усыновить себѣ другаго сына, или оставить свое имущество наслѣдникамъ по закону, какъ это видно изъ рѣчи Изея о наслѣдствѣ Клеонима (1).

Мнѣніе Ганса, что завѣщатель для отмѣны завѣщанія нуждался непремѣнно въ согласіи назначеннаго въ завѣщаніи наслѣдника (2) ошибочно, такъ какъ оно основывается на ложномъ пониманіи возникавшихъ изъ завѣщанія отношенія между обоими этими лицами. Завѣщатель при жизни своей не пріобрѣталъ, въ силу акта завѣщанія, отеческой власти надъ своимъ наслѣдникомъ и между ними не возникало еще агнатической связи: для возникновенія послѣдней необходимо было записать наслѣдника сыномъ усыновителя въ книгахъ той фратріи и той демы, къ которымъ принадлежалъ послѣдній; а записи этой при составленіи завѣщанія не дѣлалось, и назначенный въ завѣщаніи наслѣдникъ (или за малолѣтствомъ послѣдняго его опекунъ) долженъ былъ ходатайствовать о внесеніи его въ списки фратріи и демы уже по смерти усыновителя (3). Родственники завѣщателя могли, если находили завѣщаніе незаконнымъ или недѣйствительнымъ, воспрепятствовать этой записи впредь до тѣхъ поръ, пока претендентъ не докажетъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на судѣ (4). Гораздо вѣроятнѣе, повидимо-

---

(1) *Isaei* or. de Cleon. hered. § 10—30. (*Didot*, p. 237—240).

(2) *Gans*, I, p. 892. 393.

(3) *Isaei* or. de Astyphili hereditate, *argumentum*, de Dicaeogenis hereditate, *argumentum* et § 6. а также de Apollodori hereditate §§ 1, 2, 26—30 и de Phyrri hered. § 60, гдѣ указывается разница между усыновленіемъ inter vivos и усыновленіемъ посредствомъ завѣщанія. *Demosth*, in Stephanum, or. post. § 27. Срав. *Van-den-Es*, De jure famil. apud Athenienses, p. 95—96; *Platner*, Beiträge zur Kenntniss des Attischen Rechts. Marburg, 1820. s. 104—105.

(4) Примѣръ подобнаго протеста родственниковъ, кромѣ случаевъ, указанныхъ въ предъидущемъ примѣчаніи, см. еще въ рѣчи Демосѳена

Digitized by Google

му, мнѣніе Майера, который, установляя различіе между публичной и частной формой завѣщанія, думаетъ, что только завѣщаніе перваго рода, составлявшееся безъ свидѣтелей у магистрата и передававшееся на храненіе въ храмъ, могло быть уничтожено по волѣ завѣщателя: завѣщаніе-же частное, писавшееся дома въ присутствіи фраторовъ, разсматривалось, будто-бы, какъ договоръ и не могло быть отмѣняемо безъ согласія усыновленнаго въ немъ лица (¹). Позволительно однако спросить, на чемъ основывается утвержденіе, что всякое частное завѣщаніе считалось какъ-бы договоромъ? Одной ссылки на завѣщаніе Евктемона (²) недостаточно для того, чтобы признать за частнымъ завѣщаніемъ вообще характеръ договора. Помимо того утвержденія, что частнымъ порядкомъ совершенное завѣщаніе разсматривалось аѳинянами, какъ договоръ, необходимо объяснить,— между кѣмъ заключался такой договоръ? Нѣтъ ни одного указанія въ памятникахъ на то, чтобы для написанія завѣщанія требовалось согласіе назначаемаго въ завѣщаніи наслѣдника или его опекуна; фраторы-же очевидно приглашались лишь въ качествѣ свидѣтелей, какъ говоритъ и самъ Майеръ (³). Лицо, которому завѣщаніе передавалось для храненія тоже, конечно, нельзя признать договаривающеюся стороною. Наконецъ, изъ рѣчи о наслѣдствѣ Астифила мы узнаемъ, что завѣщанія иногда совершались во время походовъ, передъ битвой, причемъ формальность приглашенія фраторовъ не могла быть соблюдена (⁴). Вообще при частыхъ отлучкахъ аѳинянина изъ роднаго города, то на войну, то по торговымъ дѣламъ и т. д., случаи, что завѣщаніе писа-

---

противъ Леохара (§§ 35—40): Хотя Леостратъ въ данномъ случаѣ хлопоталъ, чтобы его записали сыномъ Архіада, не на основаніи завѣщанія, а какъ родственникъ, имѣющій право быть усыновленнымъ въ семью умершаго; но тотъ же порядокъ обязателенъ и для наслѣдника по завѣщанію.

(¹) *Mayer*. Die Rechte der Israeliten, Athener und Römer, II, s. 484—485.

(²) Id., § 261, not. 12 u 13.

(³) См. *Isaei* or. de Nicostrati hereditate, § 13, 14 (*Didot*, p. 262, 263). *Demosth.*, in Stephanum or. post. § 5.

(⁴) *Isaei*, or. de Astiph. hereditate §§ 5, 6, 14, 15 (*Didot*. p. 299, 300).

Digitized by Google

лось гдѣ-нибудь на чужой сторонѣ, просто въ присутствіи знакомыхъ, и отдавалось на храненіе вѣрному человѣку, должны были встрѣчаться постоянно. Мы полагаемъ такимъ образомъ, что и для дѣйствительности частнаго завѣщанія не требовалось непремѣннаго присутствія фраторовъ при его совершеніи, а нужны были только свидѣтели, которые-бы могли потомъ удостовѣрить, что завѣщаніе было написано, запечатано и передано такому-то на храненіе (¹).

Изъ сказаннаго видно, что нѣтъ никакихъ основаній отрицать право завѣщателя, не спрашивая ничьего согласія, взять назадъ свое завѣщаніе, въ какой-бы формѣ оно ни было совершено. Противъ этого имѣется только одно возраженіе—это упомянутый уже случай съ завѣщаніемъ Евктемона, котораго послѣдній не могъ уничтожить, не смотря на свое желаніе, и которое, дѣйствительно, носило характеръ договора. Но все это дѣло о наслѣдствѣ Филоктемона вообще неясно изложено ораторомъ, и многія мѣста рѣчи Изея приводятъ положительно читателя въ недоумѣніе; къ числу такихъ мѣстъ принадлежитъ, по нашему мнѣнію, и все то, что относится до завѣщанія Евктемона. Во всякомъ случаѣ, однако, на основаніи этого мѣста можно только вывести, что въ Аѳинахъ существовали и такія завѣщанія, которыя облекались въ форму договора, обязательнаго для обѣихъ, заключившихъ его, сторонъ, и могли быть уничтожены только по обоюдному согласію (²). Какого рода бы-

---

(¹) Въ рѣчи о наслѣдствѣ Никострата Изей довольно ясно подтверждаетъ это, указывая, что завѣщатели обыкновенно не говорятъ свидѣтелямъ о томъ, что записано въ таблицахъ, а приглашаютъ ихъ лишь засвидѣтельствовать, что завѣщаніе составлено, и что поэтому свидѣтели могутъ дать показаніе только о томъ, настоящія-ли таблицы предъявлены суду или подложныя.

(²) Считаемъ необходимымъ изложить содержаніе этого дѣла о наслѣдствѣ Филоктемона, чтобы читатель могъ самъ убѣдиться въ справедливости нашего мнѣнія.

У нѣкоего Евктемона былъ сынъ Филоктемонъ и двѣ дочери, обѣ выданныя замужъ. Отецъ и сынъ жили вмѣстѣ и имѣли нераздѣльное имущество. У отца была наложница Алкея, имѣвшая двоихъ сыновей, отецъ которыхъ съ точностью неизвѣстенъ. Евктемонъ пожелалъ старшаго изъ этихъ сыновей, Антидора, ввести въ свою фратрію, какъ своего сына; но законный сынъ его воспротивился этому, и сторону послѣдняго

Digitized by Google

ло названное завѣщаніе: заключало-ли оновъ себѣ назначеніе наслѣдника, или же въ немъ возлагалась на существующихъ уже наслѣдниковъ обязанность выдать установленный завѣщателемъ въ чью либо пользу легатъ? — это рѣшить трудно. Послѣднее предположеніе, по нашему мнѣ-

---

приняли фраторы. Разгнѣванный Евктемонъ пригрозилъ сыну, что возьметъ себѣ законную жену для того, чтобы пріобрѣсти себѣ еще законныхъ дѣтей, съ которыми Филоктемону придется раздѣлить имѣніе. Уступая этой угрозѣ и склоняемый фраторами къ примиренію съ отцомъ, «хотя и стыдясь глупости послѣдняго», Филоктемонъ согласился наконецъ уступить. Между сыномъ и отцомъ состоялось соглашеніе, въ силу котораго Евктемонъ ввелъ своего незаконнаго сына въ свою фратрію, но подъ условіемъ, что этотъ вновь пріобрѣтенный сынъ получитъ только одно небольшое имѣніе. Гансъ совершенно основательно видитъ въ данномъ случаѣ не усыновленіе, а узаконеніе. Но во всякомъ случаѣ очевидно, что Евктемонъ поступалъ противузаконно, пріобрѣтая себѣ сыновей искусственнымъ путемъ, тогда какъ у него былъ уже сынъ законный. Далѣе несомнѣнно, что по заключенному между отцомъ и законнымъ сыномъ условію, наслѣдникомъ всего имущества и сособственникомъ отца долженъ оставаться одинъ Филоктемонъ. Но возвратимся къ изложенію послѣдовавшихъ затѣмъ событій. Филоктемонъ не имѣлъ дѣтей и не желая остаться безъ потомства, усыновилъ себѣ сына своей сестры, бывшей за аѳиняниномъ Фаностратомъ, Херестрата. Завѣщаніе это онъ отдалъ на храненіе мужу другой своей сестры Хэрею. Затѣмъ Филоктемонъ умеръ. Пережившій его отецъ остался владѣтелемъ всего имущества. Въ рѣчи не выяснено, на какомъ основаніи осталось у него въ обладаніи имущество, принадлежавшее лично Филоктемону, а не перешло къ усыновленному послѣднимъ Херестрату и могъ-ли Хэрестратъ требовать раздѣла съ Евктемономъ. Далѣе ораторъ разсказываетъ, что Евктемонъ пожелалъ составить такое завѣщаніе, куда были-бы внесены всѣ условія, заключенныя имъ съ Филоктемономъ по поводу введенія въ фратрію Антидора. Для совершенія этого завѣщанія потребовалось присутствіе Фаностратa и Хэрея. Когда въ завѣщаніи было обозначено, на какихъ условіяхъ Антидоръ былъ введенъ въ фратрію, Евктемонъ и зятья положили завѣщаніе на храненіе къ агнату Пиѳодору. Изъ дальнѣйшаго разсказа оказывается, что завѣщаніе это было безполезно для Антидора и его брата, такъ какъ недвижимое имущество Евктемона все равно должно было перейти его дочерямъ и ихъ дѣтямъ, что наоборотъ и безъ завѣщанія сыновья Алкея могли получить безъ всякаго спора деньги, если-бы Евктемонъ продалъ недвижимость. По этой причинѣ Евктемонъ, побуждаемый Алкеей, хотѣлъ уничтожить свое завѣщаніе; но когда вызвалъ для этого Пиѳодора и Фаностратa къ архонту, то Пиѳодоръ

Digitized by Google

нію, вѣроятнѣе. Легаты вообще допускались въ Аѳинскомъ завѣщаніи, какъ это доказано еще Бунзеномъ. Они позволительны были для собственника не только въ томъ случаѣ, когда не имѣлось на лицо необходимыхъ наслѣдниковъ, и онъ могъ свободно выбрать себѣ преемника; но и тогда,

---

заявилъ, что записанное въ завѣщаніи соглашеніе не можетъ быть измѣнено ни Евктемономъ, ни Фаностратомъ, что на эту отмѣну необходимо согласіе дочери умершаго уже къ тому времени Харея, которое можетъ быть дано послѣднею лишь тогда, когда ей будетъ назначенъ опекунъ. Архонтъ согласился съ этимъ мнѣніемъ, и завѣщаніе не было уничтожено. Послѣ того Евктемонъ, склоняемый Алкеей и нѣкоторыми близкими ей людьми, особенно же Андрокломъ, сталъ распродавать свое имущество. Далѣе ораторъ сообщаетъ, что Андроклъ и его сообщники, дабы забрать въ свои руки все имущество Филоктемона и Евктемона, представили архонту Антидора и его брата, какъ усыновленныхъ Филоктемономъ и другимъ еще ранѣе умершимъ сыномъ Евктемона, сами-же явились въ качествѣ опекуновъ этихъ малолѣтнихъ. Наконецъ умеръ самъ Евктемонъ, по смерти котораго начался процессъ между Андрокломъ, Антидоромъ и т. д. съ одной стороны и Хэрестратомъ и другими законными наслѣдниками—съ другой. Мы не будемъ вдаваться въ дальнѣйшія подробности и многочисленныя усложненія, встрѣчающіяся въ этомъ процессѣ. Упомянемъ только, что партія Антидора и его брата выдавала послѣднихъ за законныхъ сыновей Евктемона и что Изей, опровергая это и доказывая неоспоримость правъ Хэрестрата и другихъ законныхъ наслѣдниковъ на полученіе наслѣдства, называетъ послѣднее безразлично то наслѣдствомъ Евктемона, то Филоктемона. Мы привели почти цѣликомъ тѣ мѣста рѣчи, которыя имѣютъ здѣсь для насъ интересъ. Нельзя не согласиться, что отдѣльныя обстоятельства этого дѣла трудно объяснимы и даже, пожалуй, совершенно непонятны. Почему, напримѣръ, Евктемонъ владѣлъ всѣмъ имуществомъ по смерти Филоктемона? Могъ-ли онъ всѣмъ этимъ имуществомъ распоряжаться неограниченно и отчуждать его, или же онъ имѣлъ такое право только по отношенію къ своей долѣ въ немъ? Далѣе.—Если Евктемонъ и Филоктемонъ имѣли равное право на общее имущество, то на чемъ основывалось это равенство? (Извѣстно, что по индусскому законодательству сыновья отдѣленные, но вновь вступившіе въ сообщество съ отцомъ имѣютъ равное съ нимъ право на общее имущество,—не держалось ли подобнаго-же воззрѣнія и аѳинское законодательство?) Наконецъ, непонятно также, почему Хэрестратъ не заявлялъ до смерти Евктемона своихъ правъ на наслѣдство и терпѣлъ расхищеніе послѣдняго. Всѣ эти вопросы рѣшать трудно, и мы не беремъ на себя этой задачи. Мы попытаемся только выяснить, на сколько это возможно, вопросъ о завѣщаніи Евктемона. Прежде всего—каково было содержаніе этого завѣщанія и въ чью пользу оно было сдѣлано? Очевидно изъ словъ оратора, что завѣщаніе было сдѣлано въ пользу сыновей Алкеи. Почему-же

Digitized by Google

когда необходимые наслѣдники оставались у него (¹). Въ первомъ случаѣ легаты являлись побочнымъ опредѣленіемъ въ завѣщаніи, нисколько не измѣняя характера послѣдняго; во второмъ же установленіе легата являлось исключительнымъ содержаніемъ акта, хотя послѣдній назывался, также какъ и первый, завѣщаніемъ въ виду того, что былъ сдѣлкой mortis

для уничтоженія этого завѣщанія потребовалось согласіе дочери Херея? Мы представляемъ себѣ это дѣло такимъ образомъ: Евктемону было позволено узаконить Антидора только подъ тѣмъ условіемъ, что право на семейное имущество будетъ принадлежать Филоктемону, а Антидору будетъ выдѣлена небольшая часть недвижимаго имѣнія. Если-бы Филоктемонъ пережилъ своего отца, то, конечно, и получилъ бы одинъ все имущество его, такъ-какъ онъ устранялъ бы собою всѣхъ остальныхъ наслѣдниковъ. По смерти Филоктемона, усыновленный имъ по завѣщанію Херестратъ является уже не единственнымъ наслѣдникомъ всего семейнаго имущества, которое оставалось нераздѣльнымъ въ рукахъ Евктемона, а наслѣдникомъ только той доли, которая принадлежала лично Филоктемону. Наслѣдниками-же доли Евктемона являются его дочери и ихъ дѣти. Что-же касается до Антидора, то онъ хотя и былъ уже введенъ въ фратрію, какъ сынъ Евктемона, но наслѣдственныхъ правъ на семейное имущество не имѣлъ, въ силу того условія, на которомъ былъ принятъ фраторами въ свою среду. Мало того, условіе, заключенное между Евктемономъ и Филоктемономъ о выдачѣ Антидору небольшой доли имѣнія, было необязательно для дочерей Евктемона и ихъ дѣтей. Дочери, какъ необходимыя наслѣдницы Евктемона, получили-бы тотчасъ все его имущество и могли-бы не только отказать Антидору въ выдачѣ назначавшейся ему ранѣе доли, но даже оспаривать законность его вступленія въ фратрію. Евктемону, такимъ образомъ, было необходимо заключить и съ ними такое-же условіе, какое было сдѣлано у него съ покойнымъ Филоктемономъ. Заключить такое условіе было выгодно и для необходимыхъ наслѣдниковъ Евктемона, ибо безъ этого Антидоръ, опираясь на то, что онъ записанъ въ книгѣ фратріи сыномъ Евктемона, могъ бы сейчасъ по смерти послѣдняго вступить во владѣніе всѣмъ его имуществомъ, а настоящіе наслѣдники были-бы не въ состояніи тому помѣшать: имъ пришлось-бы отыскивать свои права судомъ, что было бы очень для нихъ невыгодно и неудобно, такъ-какъ процессуальное законное право относилось съ особенной суровостью къ лицамъ, оспаривающимъ наслѣдственныя права того, кто являлся, повидимому, необходимымъ наслѣдникомъ, и процессы такого рода были для первыхъ сопряжены съ большими издержками и рискомъ (См. Caillemer, «Revue de législation 1876, p. 670—672). Всѣ эти обстоятельства достаточно объясняютъ

Digitized by Google

causa. Легаты такого рода могли быть установляемы въ пользу одного изъ законныхъ сыновей, которому выдѣлялась преимущественная доля, а также въ пользу сыновей, рожденныхъ отъ конкубины и, наконецъ, въ пользу лицъ постороннихъ (²). Даже женщины, не имѣвшія права усыновлять путемъ завѣщанія, могли оставлять легаты (³).

причину появленія того акта, который названъ въ рѣчи завѣщаніемъ Евктемона. Содержаніемъ этого акта было вовсе не усыновленіе Евктемономъ себѣ преемника: Антидоръ безъ того уже считался его сыномъ и былъ введенъ въ фратрію, братъ-же Антидора не могъ быть усыновленъ этимъ завѣщаніемъ, да Евктемонъ и не имѣлъ права усыновлять кого-либо въ виду того, что у него были дочери. Да и ораторъ, передавая содержаніе этого акта, говоритъ не объ усыновленіи, а о томъ, что Евктемонъ въ присутствіи Фаностратa, Херея и другихъ родственниковъ и друзей записалъ на таблицахъ условія, на которыхъ, по соглашенію его съ Филоктемономъ, Антидоръ былъ введенъ въ фратрію. Вѣроятно, въ таблицахъ былъ съ точностью опредѣленъ размѣръ той суммы, которую наслѣдники обязуются выплатить Антидору, или указано, что именно изъ имущества можетъ онъ получить; кромѣ того, изъ послѣдующихъ словъ оратора можно заключить, что и въ пользу младшаго сына Алкеи была выговорена извѣстная сумма. Фаностратъ и Херей, дѣйствовавшіе, въ качествѣ законныхъ опекуновъ и представителей наслѣдниковъ, отъ лица послѣднихъ, приняли эти условія; таблицы-же, на которыхъ послѣднія были записаны, по обоюдному соглашенію сторонъ, были вручены при свидѣтеляхъ на храненіе Пиеодору. — Весь актъ, такимъ образомъ, является вовсе не завѣщаніемъ, а дѣйствительно договоромъ, который обѣ стороны, т. е. Евктемонъ и его законные наслѣдники, обязались соблюдать свято. Если-же Изей и называетъ актъ, о которомъ идетъ рѣчь, завѣщаніемъ Евктемона, то только потому, что актъ этотъ походилъ на завѣщаніе по внѣшней формѣ, а также потому, что въ немъ заключалось принятое на себя наслѣдниками Евктемона обязательство выплатить по смерти послѣдняго извѣстную сумму сыновьямъ Алкеи. Въ рукахъ законныхъ наслѣдниковъ Евктемона этотъ договоръ долженъ былъ служить доказательствомъ противъ претензій Антидора на наслѣдство, если-бы послѣдній задумалъ овладѣть имъ. — Само собою разумѣется, что для уничтоженія такого договора нужно было согласіе всѣхъ участвовавшихъ въ немъ лицъ, оттого-то Евктемонъ не могъ уничтожить его, не спросивъ предварительно разрѣшенія отъ дочери Херея. — Ясно также, что Алкея не могла считать этотъ актъ выгоднымъ для своихъ сыновей и побуждала Евктемона уничтожить его. Для нея, конечно,

Digitized by Google

Предметомъ легата могли быть только деньги и движимыя вещи. Такъ-что и аѳинское право допускало бо́льшую свободу лица въ распоряженіи движимостью. Размѣръ легатовъ вообще не могъ быть очень великъ, по крайней мѣрѣ завѣщатель отказами подобнаго рода не долженъ былъ наносить существеннаго ущерба интересамъ семьи (легатъ въ пользу дѣтей, рожденныхъ отъ конкубины, не могъ превышать 5 минъ) (¹). Мы видѣли, что легаты дозволены и

было-бы лучше, если-бы Евктемонъ продалъ свое имущество и вырученныя деньги еще при жизни передалъ ея сыновьямъ, у которыхъ-бы онѣ остались безъ всякаго спора; а актъ, составленный Евктемономъ, давалъ его наслѣдникамъ возможность, въ случаѣ такого поступка съ его стороны, потребовать эти деньги съ сыновей Алкеи, какъ полученныя въ противность договору. Platner (Beiträge zur Kenntniss des Attischen Rechts. S. 119, 120) высказалъ мнѣніе, что введеніе Антидора въ фратрію дало послѣднему право наслѣдовать движимое имущество Евктемона; но авторъ, очевидно, ошибся, такъ-какъ 138 параграфъ рѣчи Изея (въ изд. Didot § 30), на который онъ ссылается, говоритъ объ обоихъ сыновьяхъ Алкеи, а не объ одномъ Антидорѣ.

Изъ всего сказаннаго читатель самъ можетъ убѣдиться, насколько правильно то толкованіе, которое даютъ разобранному здѣсь факту Гансъ и Майеръ и насколько вѣрны тѣ, указанные нами въ текстѣ, выводы, къ которымъ пришли авторы, основываясь на этомъ фактѣ.

(¹) См. *Bunsen*, De jure hereditario Atheniensium. p. 65. *Gans*, Erbrecht, I S. 389, 390. *Hermann*, III, § 65.

(²) Таковы, напр., завѣщаніе Ніазія, завѣщаніе Демосѳенова отца и завѣщаніе Діодота. См. *Demosthen*. or. pro Phormione §§ 7, 8; in Stephanum I § 28; in Aphobum I, argumentum §§ 4, 5; *Lysiae* or. contra Diogitonem § 5.

(³) *Gans*, l c. *Bunsen*, p. 57. *Demosthen*. or. pro Phorm. § 14 (*Didot* p. 494); advers. Spudiam, §§ 9. 10, 20 и слѣд. Эти мѣста изъ рѣчей Демосѳена даютъ указанія на то, что имущественныя права женщины въ позднѣйшій періодъ аѳинской исторіи были значительно расширены, если не законодательнымъ путемъ, такъ путемъ обычая и практики.

(⁴) *Gans*, l. c. *Van-den-Es*, de jure famil. apud. Atheniens., p. 74. Разумѣется, мы говоримъ здѣсь о дѣтяхъ, называвшихся νόθοι «i. e. nati parentibus, qui aut iuncti non fuerint iusto matrimonio, aut iungi non potuissent» (тамъ-же стр. 70). *Platner*, Beiträge zur Kenntniss des Attischen Rechts, S. 110, 125. *Mayer*, Die Rechte der Israeliten, Athener und Römer, II, § 256 B.

Digitized by Google

индусскимъ законодательствомъ, которое требуетъ, чтобы для установленія такого легата имѣлась какая-либо основательная причина. Требовалось-ли и въ Аѳинахъ для дѣйствительности легата существованіе такой причины къ его установленію, намъ съ точностью неизвѣстно; но нужно замѣтить, что всѣ тѣ легаты, какіе упоминаются у ораторовъ, установлены не безъ основательныхъ причинъ и часто даже имѣютъ цѣлью скорѣе пользу семьи и наслѣдниковъ, а не служатъ въ ущербъ имъ. Всего чаще, повидимому, легаты установлялись въ пользу опекуновъ, какъ бы въ вознагражденіе послѣднихъ за труды ихъ по опекѣ. Нерѣдко также назначались легаты въ пользу храмовъ и въ пользу своего роднаго города. Демосѳенъ, доказывая, что его имущество было расхищено опекунами во время его малолѣтства, аргументируетъ такъ: „Если мой отецъ въ завѣщаніи своемъ назначилъ въ приданое матери и сестрѣ моей и на подарки четыре таланта и три тысячи драхмъ, *то отсюда явствуетъ, что мнѣ онъ оставилъ имущество на сумму по крайней мѣрѣ вдвое большую: ибо отецъ мой не могъ желать сдѣлать болѣе богатыми и безъ того богатыхъ опекуновъ, а своего сына довести до того, чтобы онъ нуждался. Отецъ мой*, продолжаетъ ораторъ, *предоставилъ Ѳеррипиду пользованіе доходами съ 700 минъ и Демофонту далъ два таланта для того, чтобы они заботились обо мнѣ и о моемъ имуществѣ*“ (¹). Если для установленія въ завѣщаніи легата были нужны болѣе или менѣе основательныя причины, и если завѣщатель установленіемъ легата не долженъ былъ наносить ущерба своей семьѣ: то въ тѣхъ случаяхъ, когда такой причины не было, или когда размѣръ легата выходилъ изъ установленныхъ закономъ и обычаемъ границъ, лицо, установлявшее легатъ, должно было заключить съ своими законными наслѣдниками условіе, что они выполнятъ желаніе наслѣдодателя и выдадутъ назначенный имъ легатъ. Соглашеніе такого рода могло писаться въ формѣ завѣщанія наслѣдодателя къ его наслѣдникамъ, въ присутствіи послѣднихъ; вѣроятно, подписывалось ими и, съ общаго согласія, отдавалось на храненіе кому-нибудь

(¹) *Demosthen.* in Aphobum III, § 45. См. также *George Perrot*, Démosthène et ses contemporains. Revue des deux Mondes. 1872, t. 99, p. 615—617.

Digitized by Google

изъ присутствовавшихъ свидѣтелей. — Завѣщаніе Евктемона было, повидимому, именно такого рода договоромъ; но оно представляетъ еще ту особенность, что въ выполненіи установленныхъ въ немъ условій были весьма заинтересованы сами законные наслѣдники, почему завѣщаніе и не могло быть уничтожено безъ согласія послѣднихъ (¹). Такимъ образомъ единственный примѣръ, на которомъ основывается мнѣніе, что завѣщатель въ Аѳинахъ не могъ уничтожить сдѣланнаго имъ завѣщанія безъ согласія усыновленнаго въ этомъ завѣщаніи наслѣдника, не можетъ служить подтвержденіемъ этого мнѣнія. Кромѣ того, противъ оспариваемаго нами положенія говоритъ еще и то обстоятельство, что назначенный въ завѣщаніи наслѣдникъ могъ по смерти завѣщателя отказаться отъ наслѣдства или даже просто воспользоваться вполнѣ предоставлявшейся ему возможностью воздержаться отъ его принятія.

Однимъ изъ послѣдствій указаннаго выше различія между наслѣдниками необходимыми и всѣми остальными лицами, имѣвшими право наслѣдовать, было, что первые могли сами вступать во владѣніе наслѣдствомъ тотчасъ послѣ его открытія, безъ всякихъ формальностей и безъ вмѣшательства какихъ бы то ни было властей; напротивъ, всѣ другіе наслѣдники должны были обращаться къ архонту съ просьбой о вводѣ ихъ во владѣніе наслѣдствомъ, такъ какъ наслѣдство, оставшееся послѣ лица, умершаго безъ прямыхъ нисходящихъ, считалось спорнымъ (²). Архонтъ принималъ мѣры къ опубликованію этой просьбы, для чего она писалась на бѣлой доскѣ и вывѣшивалась въ залѣ, гдѣ архонтъ давалъ аудіенцію; кромѣ того, эта просьба прочитывалась герольдомъ во всеуслышаніе въ первомъ же народномъ со-

---

(¹) См. выше, примѣч. на стр. 158—163.

(²) *Isaei* or. de Pyrrhi hereditate, §§ 59, 60 (*Didot*, p. 257); de Astyphili hereditate, § 3 (*Didot*, p. 298); de Cironis hereditate, § 34 (*Didot*, p. 296); de Philoctemonis hereditate, argumentum. *Demosthen.* or. contra Lacritum, § 4; contra Stephanum II § 22. Просьбы такого рода могли быть подаваемы архонту во всякое время года, исключая мѣсяца скирофоріона (соотвѣтствовавшаго приблизительно нашему іюню). См. объ этомъ *Meier und Schoemann*, Der Attische Process, p. 610 und folg. *Bunsen*, De jure hereditario Atheniensium, p. 83).

Digitized by Google

браніи, и лица, желающія оспаривать просьбу, приглашались заявить о своихъ правахъ на наслѣдство (¹). Если въ теченіе извѣстнаго срока никто не являлся оспаривать поданную просьбу, то архонтъ присуждалъ наслѣдство просителю (²). Если-же являлись и другіе претенденты на наслѣдство, то архонтъ установлялъ процессъ, подлежавшій компетенціи суда Геліастовъ (³), и во владѣніе наслѣдствомъ вступалъ тотъ изъ наслѣдниковъ, въ пользу котораго постановлялось судебное рѣшеніе. Лицо, выигравшее такой процессъ, всетаки не могло быть увѣрено, что наслѣдство останется навсегда въ его рукахъ: ибо права лица, уже

(¹) *Demosthen*, adversus Macartatum, § 4 и слѣд. *Pollux*, Onomasticon, VIII, 95. *Bunsen*, de jure hereditario Atheniensium p. 91. *Meier u. Schoemann*, Der Attische Process. 463—465. *Caillemer* (Revue de législ. 1876, p. 673—674). *Mayer*, die Rechte Israeliten, Athener und Römer, II, 271 B. *Georges Perrot*, въ статьѣ Démosthène et ses contemporains (Revue des deux Mondes 1872. T. 99, p. 620), говоритъ: «Cette publicité n'avait pas seulement pour but d'attirer le plus de concurens possible à l'enchère où serait adjugée la ferme des biens du mineur, elle *était aussi destinée à faire apparaître toutes les créances, toutes les charges dont pouvait être grevée la succession*. C'était alors que devaient se présenter, pour faire valoir leurs droits, tous ceux qui avaient quelque chose à réclamer; s'ils négligeaient d'intervenir à ce moment, ils s'exposaient à voir plus tard leurs demandes écartées par une simple fin de non-recevoir. *L'inventaire dressé et les dettes réglées*, quand tous ceux que la chose intéressait avaient pu visiter les immeubles ou vérifier la valeur des créances dont se composait la succession, le magistrat au jour dit, procédait à l'adjudication».

(²) Примѣръ см. въ рѣчи Изея de Pyrrhi hereditate §§ 40—45 (Didot, 225), также Demosthen. or. in Olympiodorum § 26. Всему этому производству должна была предшествовать запись въ книги фратріи и демы оставителя наслѣдства. *Gans*, I, p. 339, *Bunsen*, p. 84. См. также выше, стр. 156 прим. 3 и 4.

(³) Выдающаяся особенность этого процесса та, что въ немъ не было различія между истцомъ и отвѣтчикомъ. См. *Meier u. Schoemann*, Der Attische Process, s. 460—465. Мы не можемъ здѣсь вдаваться въ подробное изложеніе правилъ аѳинскаго судопроизводства по дѣламъ о наслѣдствѣ. Объ этомъ, кромѣ указаннаго сейчасъ сочиненія, см. *Platner*, Der Process u. die Klagen bei den Attikern; *Heffter*, Athenäische Gerichtsverfassung; *Caillemer*, Le droit de succession à Athènes.

Digitized by Google

получившаго тѣмъ или другимъ путемъ владѣніе наслѣдствомъ, могли быть оспорены другими претендентами, посредствомъ особаго иска о наслѣдствѣ, который могъ быть предъявленъ не только лицами, еще не заявлявшими о своихъ правахъ во время процесса о вводѣ во владѣніе (¹), но даже участвовавшими въ этомъ процессѣ и проигравшими его, если только послѣдніе выставляли новое основаніе въ защиту своихъ претензій, напр., проигравъ дѣло въ качествѣ наслѣдниковъ по закону, требовали впослѣдствіи наслѣдства, основываясь на завѣщаніи умершаго (²). По свидѣтельству Изея, иски о наслѣдствѣ могли быть начинаемы не только противъ лица, введеннаго во владѣніе наслѣдствомъ, но и въ теченіе 5-ти лѣтъ по смерти этого лица, противъ его наслѣдниковъ (³). Замѣтимъ здѣсь еще одно важное правило аѳинскаго права, а именно: если наслѣдникъ, обязанный ходатайствовать о вводѣ его во владѣніе наслѣдствомъ, умиралъ, не получивъ наслѣдства, его право на

(¹) Въ рѣчи о наслѣдствѣ Никострата (§ 25, *Didot*, p. 264) Изей убѣждаетъ судей, что, въ случаѣ сомнѣнія, они должны предпочесть наслѣдниковъ ab intestato наслѣдникамъ по завѣщанію, такъ какъ права первыхъ легче могутъ быть оспариваемы тѣми родственниками, которые, можетъ быть еще предъявятъ впослѣдствіи свои притязанія на наслѣдство.

(²) Примѣръ см. въ рѣчи *Демосѳена* противъ Макартата, §§ 4, 7, 8 и др. *Heffter* полагаетъ, что такой искъ могъ быть предъявленъ и по тому-же основанію. См. Athenäische Gerichtsverfassung p. 344, 345. Опроверженіе этого мнѣнія см. въ статьѣ *Caillemer*'а; срав. *Meier und Schoemann*, Der Attische Process, p. 466, 467.

(³) *Isaei* or. de Pyrrhi hereditate § 58 (*Didot*, p, 257). *Meier und Schoemann* принимаютъ это свидѣтельство безъ всякихъ оговорокъ (Attische Process p. 567). *Platner* (Der Process und die Klagen bei den Attikern II, p. 327 и слѣд.) и нѣкоторые другіе авторы полагаютъ, что 5-ти лѣтняя давность для такихъ исковъ о наслѣдствѣ должна считаться со времени смерти его оставителя, а не со смерти перваго овладѣвшаго имъ наслѣдника. *Caillemer* (Revue de législation 1876, p. 682—685) доказываетъ неоспоримость свидѣтельства Изея, но отказывается найти какое либо разумное оправданіе такому странному, съ точки зрѣнія юриста, постановленію аѳинскаго законодательства.

Digitized by Google

послѣднее прекращалось съ его смертью и не переходило къ его собственнымъ наслѣдникамъ (hereditas non adjudicata non transmittitur). Въ этомъ случаѣ, также какъ при отреченіи одного изъ наслѣдниковъ отъ наслѣдства, для другихъ наслѣдниковъ возникало право приращенія (¹). Итакъ, въ томъ случаѣ, когда наслѣдство было обременено долгами, ничто не обязывало наслѣдника, не принадлежавшаго къ разряду необходимыхъ, хлопотать о пріобрѣтеніи наслѣдства. Но наслѣдникъ, вступившій уже во владѣніе наслѣдствомъ, не могъ отречься отъ послѣдняго по собственному желанію, ибо правило римскаго права—„semel heres, semper heres" примѣнялось къ наслѣднику и въ Аѳинахъ (²).

Но всѣ эти правила, относящіяся до пріобрѣтенія наслѣдства, примѣнимы лишь къ тому случаю, когда наслѣдниками являются боковые родственники и лица, усыновленныя въ завѣщаніи. Вопросъ о томъ, какъ пріобрѣталось наслѣдство въ томъ случаѣ, когда наслѣдниками умершаго были его прямые восходящіе, сколько намъ извѣстно, не поднимался еще въ литературѣ. Выше было упомянуто, что самое существованіе въ Аѳинахъ права всѣхъ вообще восходящихъ родственниковъ на полученіе наслѣдства оспаривается многими учеными. Писатели-же, держащіеся противоположнаго мнѣнія, не говорятъ о томъ, какимъ путемъ пріобрѣталось восходящими родственниками наслѣдство и долженъ ли былъ, напр., отецъ просить архонта о вводѣ его во владѣніе имуществомъ умершаго сына, или-же онъ самъ вступалъ во владѣніе этимъ имуществомъ безъ всякаго вмѣшательства магистрата. Съ точки зрѣнія тѣхъ писателей, которые, подобно Гансу, отрицаютъ въ аѳинскомъ правѣ существованіе наслѣдованія восходящихъ и во всякомъ наслѣдникѣ видятъ непремѣнно сына наслѣдодателя, подобный вопросъ, разумѣется, не можетъ имѣть мѣста. Авторамъ-же, отрицающимъ, что аѳинское законодательство допускало переходъ имущества къ восходящимъ родственникамъ, хотя и слѣдовало-бы разрѣшить этотъ вопросъ, но они обходятъ его

(¹) *Isaei* or. de Hagniae hereditate § 5 и слѣд. *Caillemer* (Revue de législation 1876, p. 687—689). *Gans*, Erbrecht, I, p. 400.

(²) *Demosthenis* or. contra Lacritum § 4.

Digitized by Google

молчаніемъ по той весьма естественной причинѣ, что въ памятникахъ аѳинскаго права не содержится на этотъ счетъ достаточныхъ указаній. У ораторовъ мы постоянно встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, что наслѣдникъ, не принадлежащій къ прямымъ потомкамъ умершаго и желающій ввестись во владѣніе наслѣдствомъ, обыкновенно записывается въ книгахъ фратріи и демы наслѣдодателя, какъ сынъ послѣдняго—обстоятельство, послужившее точкой опоры для мнѣнія Ганса—что по аѳинскому праву наслѣдовать значитъ стать сыномъ оставителя наслѣдства (¹). Но такъ-какъ, съ другой стороны, нельзя не признать достаточно вѣскими доводы, приведенные въ статьѣ Caillemer'a въ доказательство того, что въ Аѳинахъ, по крайней мѣрѣ въ эпоху Изея и Демосѳена, допускалось наслѣдованіе восходящихъ (²), то возникаетъ вопросъ: какъ примирить право восходящихъ умершаго на полученіе его имущества съ непремѣнной, повидимому, обязанностью наслѣдника стать сыномъ наслѣдодателя? Настоятельная необходимость рѣшенія этого вопроса очевидна, такъ какъ, оставляя его нерѣшеннымъ, приходится допустить, что аѳинское законодательство позволяло восходящимъ родственникамъ становиться *сыновьями нисходящихъ*,—выводъ, конечно, нелѣпый. За невозможностью отыскать разрѣшеніе этого вопроса въ источникахъ, приходится искать его логическимъ путемъ.

Принимая во вниманіе, что по коренному аѳинскому воззрѣнію собственность принадлежала не индивидууму, а семьѣ, мы не можемъ допустить предположенія, что аѳинское законодательство исключало восходящихъ родственниковъ изъ числа лицъ, имѣющихъ право на полученіе имущества умершаго.—Прежде всего самое положеніе, что наслѣдникъ долженъ былъ непремѣнно стать сыномъ наслѣдодателя, не точно, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ позднѣйшему аѳинскому праву. Вѣдь усыновленіе брата братомъ, особенно старшаго младшимъ, равно противно природѣ, какъ и усыновленіе, напр., дяди племянникомъ, а между тѣмъ несомнѣнно, что братья наслѣдовали имущество умершаго безъ

(¹) *Gans*, Erbrecht, 412—415.

(²) *Caillemer*, Revue de législation 1875. См. выше, стр. 136—138.

Digitized by Google

потомковъ брата. Кромѣ того, въ рѣчи Изея о наслѣдствѣ Клеонима (¹) Caillemer нашелъ неопровержимое свидѣтельство того, что дядя имѣлъ право наслѣдовать племяннику.— Очевидно, что ни братья, ни дяди умершаго не могли стать къ нему въ положеніе сыновей, и что главною заботою законодателя, при опредѣленіи порядка наслѣдованія, было обезпечить сохраненіе имущества въ семьѣ и родѣ умершаго. Но такъ-какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, религія связывала наслѣдственный переходъ имущества съ заботой о продолженіи семейнаго культа и заставляла аѳинянъ наблюдать за тѣмъ, чтобы умершій и его предки не остались безъ поклонника и безъ могильныхъ трапезъ, то на тѣхъ родственниковъ умершаго, которые получали его имущество, переходило право и обязанность заботиться объ упокоеніи тѣней самого усопшаго и его предковъ и о продленіи ихъ рода на землѣ. Въ исполненіе этой обязанности родственникъ умершаго, получившій наслѣдство послѣ него, усыновлялъ ему одного изъ своихъ нисходящихъ или-же могъ быть ему усыновленъ самъ, если былъ нисходящимъ по отношенію къ нему. Демосѳенъ не говоритъ, что Теопомпъ былъ обязанъ самъ записаться *сыномъ Гагнія II*, а упрекаетъ его за то, что онъ не усыновилъ Гагнію своего сына Макартата (²). Архіадъ умираетъ бездѣтнымъ, сынъ его сестры Леократъ самъ усыновляется ему и получаетъ наслѣдство, хотя на этотъ разъ усыновленіе было незаконно, ибо получить наслѣдство Архіада и дать ему сына долженъ былъ его братъ Митилидъ (³). У Менеклеса не было дѣтей, а у брата его былъ только одинъ сынъ, котораго нельзя было усыновить Менеклесу, такъ-какъ въ такомъ случаѣ самъ братъ Менеклеса остался-бы безъ потомства. Менеклесъ, не имѣя другихъ родственниковъ, усыновилъ посторонняго. Ясно, что не будь этого усыновленія, наслѣдство перешло-бы къ брату, а затѣмъ къ сыну послѣдняго, и тогда, какъ говоритъ ораторъ (⁴), Менеклесъ былъ-бы лишенъ потомства, имя его погибло-бы

(¹) *Isaei* or. de Cleonymi. hered. §§ 44, 45.

(²) *Demosth.* adversus Macartatum. §§ 75—78.

(³) *Demosth.* adv. Leocharem. §§ 17—20.

(⁴) *Isaei* or. de Meneclis hereditate, §§ 10, 17, 44, 45, 46.

Digitized by Google

на землѣ; некому было-бы справлять по немъ sacra patria; некому было-бы каждый годъ родительничать, т. е. воздавать ему божескія почести, какъ предку, и приносить жертвы ([1]). Отсюда съ неопровержимой ясностью слѣдуетъ, что имущество умершаго не всегда получалъ тотъ родственникъ, который могъ стать его сыномъ, что переходъ имущества обусловливался близостью родства, а не возможностью возникновенія со стороны наслѣдника сыновнихъ отношеній къ наслѣдодателю. Разумѣется, въ томъ случаѣ, когда ближайшій родственникъ наслѣдодателя не могъ самъ стать сыномъ послѣдняго и не имѣлъ возможности усыновить ему своего потомка, ничто не мѣшало какъ самому наслѣдодателю заблаговременно, при жизни, озаботиться пріобрѣтеніемъ себѣ потомка путемъ усыновленія, такъ и, послѣ его смерти, призываемому закономъ къ полученію наслѣдства его родственнику принять мѣры къ тому, чтобы его родъ не угасъ. Митилидъ, имѣвшій ближайшее право на полученіе наслѣдства послѣ Архіада, не оспариваетъ законность усыновленія Леократа, потому-что не желаетъ прекращенія рода своего брата. Потомки Митилида, уважая волю послѣдняго, на томъ-же основаніи терпятъ незаконное усыновленіе Леократа 2-го въ семью Архіада ([2]). Но когда Леократъ 2-ой умеръ бездѣтнымъ, потомки Митилида заявили, что они ближайшіе родичи Архіада, что къ нимъ должно перейдти наслѣдство и изъ среды ихъ долженъ быть усыновленъ сынъ Архіаду, дабы не прекратился родъ послѣдняго ([3]). Изъ послѣднихъ словъ оратора видно, что въ томъ случаѣ, когда у умершаго было между боковыми родственниками нѣсколько наслѣдниковъ, имѣющихъ равное право на полученіе наслѣдства, то послѣднее переходило ко всѣмъ имъ, хотя лишь одинъ изъ нихъ усыновлялся оставителю наслѣдства.—Послѣ всего здѣсь сказаннаго было-бы странно сомнѣваться въ правѣ прямыхъ восходящихъ умершаго на полученіе его имущества въ случаѣ его безпотомственной

([1]) *Fustel-de-Coulanges*, La cité antique, p. 32. (Русскій переводъ, стр. 36).

([2]) *Demosthenis* or. adversus Leocharem, §§ 19, 20, 21, 65.

([3]) Ibid. §§ 11 и 67.

Digitized by Google

смерти. Имущество, находившееся въ рукахъ умершаго, принадлежитъ всей семьѣ, въ которой онъ родился: оно дошло къ нему отъ предковъ (1) и къ нимъ-же должно возвратиться, когда онъ не оставитъ, вмѣсто себя, потомка.— Предки болѣе другихъ родственниковъ умершаго были озабочены тѣмъ, чтобы родъ его не пресѣкся, такъ-какъ они сами въ такомъ случаѣ лишались поклонниковъ и рисковали, по смерти своей, остаться безъ могильныхъ жертвъ. Наконецъ, было-бы странно предположить, чтобы предки, на которыхъ аѳинянинъ, по мѣткому выраженію Платона, долженъ былъ смотрѣть, какъ на живыя изображенія своихъ родовыхъ божествъ (2), не имѣли права получить имущества своего потомка и озаботиться пріисканіемъ ему преемника, когда такое право предоставлялось отдаленнымъ родственникамъ.

Если-бы даже мы не имѣли въ цитируемыхъ Caillemer'омъ (3) мѣстахъ рѣчи противъ Леохара прямаго доказательства того, что въАѳинахъ признавалось за отцомъ право на полученіе имущества умершаго безъ потомства сына (4); также, если-бы изъ той-же рѣчи мы не знали, что отецъ имѣлъ право усыновить такому сыну одного изъ своихъ нисходящихъ (5): то и тогда мы принуждены были-бы признать, что не только отецъ, но и дѣдъ (можетъ быть, и прадѣдъ) умершаго имѣли право на полученіе его имущества и могли распоряжаться имъ и передать его назначенному ими наслѣднику. Если восходящіе не имѣли такихъ правъ, то къ чему, напр., было племянникамъ Клеонима ссылаться для доказательства своего права наслѣдовать ему на то, что Поліархъ, дѣдъ ихъ, отецъ Клеонима, назначилъ ихъ наслѣдниками, въ случаѣ, если Клеонимъ умретъ, не оставивъ

---

(1) Сравн. *Isaei* or. de Cironis hereditate, § 32.

(2) Законы XI. (ed. *Didot*, p. 475), нѣмецкій переводъ *Schulthess*'а и *Vögelin*'а. 1842, ч. II, стр. 275, 276.

(3) Revue de législation 1875, p. 14

(4) *Demosthenis* or. adversus Leocharem, §§ 26 et 33.

(5) *Demosthen*. eod. l. §§ 24, 25 и слѣд.

Digitized by Google

потомства (¹)? Если, такимъ образомъ, главнымъ основнымъ моментомъ, опредѣлявшимъ порядокъ наслѣдованія, было стремленіе сохранить имущество въ семьѣ; то рядомъ съ этимъ моментомъ стоялъ другой, именно, вызывавшаяся религіей необходимость оставить послѣ себя сына. Въ древнѣйшій періодъ аѳинскаго права этотъ послѣдній моментъ несомнѣнно выдвигался на первый планъ. Въ то время, когда семья, разростаясь, не дѣлилась и идея семейнаго имущества проводилась строже, чѣмъ впослѣдствіи,—со смертью одного изъ членовъ семьи возникалъ вопросъ не о томъ, къ кому должно перейти его имущество, а о томъ, кому справлять по умершемъ могильныя трапезы и воздавать ему почести, какъ отцу, словомъ—кому стать его сыномъ. Вопросъ объ имуществѣ не возбуждалъ тогда такихъ споровъ между родственниками, такъ какъ оно все равно оставалось общесемейной собственностью по переходѣ его къ пріобрѣтенному тѣмъ или другимъ путемъ сыну умершаго. Позднѣе, когда стали часты раздѣлы недвижимости между родственниками и когда движимая собственность пріобрѣла больше значенія, вопросъ о судьбѣ оставшагося послѣ умершаго имущества выступилъ на первый планъ, и законодательство со временъ Солона обратило на этотъ вопросъ особенное вниманіе (²). Тѣмъ не менѣе, требованіе религіи, чтобы каждый умершій оставилъ по себѣ сына, не потеряло своей силы и оказывало вліяніе какъ на законодательство, такъ и на обычай. Правило, что наслѣдникъ имущества долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ

(¹) *Isaei* or. de Cleonymi hereditate, argumentum et § 4. Законный наслѣдникъ Астифила также ссылается въ опроверженіе показаній противниковъ на то, что Евтикратъ, отецъ Астифила, строго наказалъ своимъ необходимымъ наслѣдникамъ, чтобы никто изъ потомковъ Ѳудиппа (къ которымъ принадлежалъ другой претендентъ на наслѣдство) не смѣлъ приступать къ его могилѣ для выполненія религіозныхъ обрядовъ. Далѣе разсказывается, что Астифилъ не могъ рѣшиться нарушить предписаніе отца и усыновить изъ враждебной послѣднему семьи себѣ преемника. De Astyphili hereditate, §§ 19, 20. Сравн. также or. de Aristarchi hereditate, argument., §§ 1, 10.

(²) Что Солонъ въ законахъ о наслѣдствѣ обратилъ главное вниманіе на переходъ имущества, это видно также изъ постановленій о дочери, остающейся наслѣдницей, и изъ запрещенія лицу усыновленному въ свою очередь прибѣгать къ усыновленію. См. выше, стр. 119—123.

Digitized by Google

занять мѣсто сына оставителя наслѣдства, приходило въ столкновеніе съ правиломъ, что имущество должно переходить за неимѣніемъ нисходящихъ къ ближайшему родственнику въ родѣ отца, а затѣмъ въ родѣ матери. Столкновеніе это было существенной причиной недостаточной опредѣленности порядка наслѣдованія въ аѳинскомъ правѣ, на что нами было уже указано выше (¹). Итакъ, выставленное Гансомъ положеніе, что по аѳинскому праву наслѣдникомъ могъ быть только сынъ или тотъ родственникъ наслѣдодателя, который становился сыномъ послѣдняго, вѣрное въ примѣненіи къ болѣе древнему періоду аѳинской жизни,—въ эпоху, слѣдующую за Солономъ, переходитъ въ другое правило: *имущество должно сохраняться въ семьѣ и родѣ умершаго, и при отсутствіи у послѣдняго прямыхъ нисходящихъ, можетъ переходить въ указанномъ закономъ порядкѣ къ ближайшимъ его родственникамъ*, на которыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возлагается обязанность озаботиться выполненіемъ религіозныхъ обрядовъ по усопшемъ и пріобрѣтеніемъ ему потомка. Обязанность эта была не юридическая, а именно религіозная, хотя выполненію ея законъ и обычай придавали всегда весьма большое значеніе. Всякій претендентъ на наслѣдство обыкновенно спѣшилъ взять на себя выполненіе этихъ обязанностей, чтобы имѣть, на случай возникновенія спора о наслѣдствѣ, въ глазахъ судей лишній доводъ въ свою пользу (²). Съ другой стороны, съ ослабленіемъ религіозныхъ вѣрованій, наслѣдники стали часто пренебрегать выполненіемъ религіозныхъ обязанностей, связанныхъ съ наслѣдствомъ. Жалобы на такое небреженіе нерѣдко встрѣчаются у ораторовъ (³). Дѣло, какъ увидимъ ниже, дошло до того, что умирающій, опасаясь со стороны наслѣдниковъ небрежности въ выполненіи священныхъ обрядовъ, возлагалъ иногда эту послѣднюю обязанность на своихъ рабовъ, которыхъ

(¹) См. выше, стр. 140—150.

(²) *Demosthen.* or. adversus Macartatum, § 75; adversus Leocharem §§ 19—25 и съ 35 по 45. *Isaei* or. de Aristarchi hereditate, argumentum, и т. д.

(³) *Isaei* or, de Astyphili hereditate §§ 4, 5. *Demosthen.* adversus Macartatum, §§ 80, 83, 84. *Isaei* de Meneclis hereditate, §§ 33, 37, 46., de Nicostrati hereditate, §§ 19, 20.

Digitized by Google

отпускалъ на волю подъ условіемъ, что они будутъ заботиться объ упокоеніи души своего господина.

Признавъ несомнѣннымъ, что аѳинское право допускало къ наслѣдованію восходящихъ родственниковъ, какъ въ прямой, такъ и въ боковой линіи, и выяснивъ надлежащее значеніе правила, обязывающаго наслѣдника замѣнить сына наслѣдодателю, возвратимся къ постановленному нами ранѣе вопросу: какимъ путемъ наслѣдство переходило къ восходящимъ? Что касается до боковыхъ восходящихъ и до восходящихъ въ женской линіи (мать, дѣдъ по матери и т. д.), имѣвшихъ также право на полученіе наслѣдства, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эти лица, подобно всѣмъ наслѣдникамъ, не принадлежавшимъ къ разряду необходимыхъ, могли вступить во владѣніе наслѣдствомъ не иначе, какъ при посредствѣ архонта, словомъ, тѣмъ порядкомъ, который указанъ нами выше. Сомнѣніе возбуждаетъ только вопросъ—долженъ-ли былъ прибѣгать къ той же процедурѣ отецъ умершаго?—Мы думаемъ, что отецъ занималъ совершенно особое положеніе между наслѣдниками. Что онъ не былъ необходимымъ наслѣдникомъ своего сына, это разумѣется само собой. Право отреченія отъ полученія сыновняго имущества ему принадлежало въ той же мѣрѣ, какъ и другимъ наслѣдникамъ, не принадлежавшимъ къ разряду необходимыхъ. Но онъ могъ тотчасъ же вступить во владѣніе оставшимся послѣ бездѣтнаго сына имуществомъ, не нуждаясь для этого ни въ чьемъ разрѣшеніи. Впрочемъ, мы должны здѣсь принять во вниманіе еще то обстоятельство, былъ-ли умершій сынъ отдѣленъ или не отдѣленъ отъ отца. Въ послѣднемъ случаѣ отецъ, по смерти сына, продолжалъ оставаться владѣльцемъ всего имущества; а когда умершій былъ сынъ отдѣленный и жившій раздѣльно съ отцомъ, то послѣднему нужно было вступить во владѣніе наслѣдствомъ сына.

Въ источникахъ мы имѣемъ два примѣра, подтверждающіе наше предположеніе. Евктемонъ, по смерти сына своего Филоктемона, продолжаетъ владѣть всѣмъ имуществомъ (¹), которое, по словамъ Изея, было у нихъ общимъ. Леостратъ, на правахъ отца Леократа 2-го, вступаетъ во владѣніе

(¹) *Isaei* or. de Filoctemonis hereditate §§ 34, 38.

Digitized by Google

оставшимся по смерти послѣдняго имуществомъ и усыновляетъ умершему другаго своего сына, Леохара (1). Изъ хода процесса видно, что Леостратъ вступилъ во владѣніе наслѣдствомъ Леократа 2-го самовольно, сейчасъ же по смерти послѣдняго, не позволивъ потомкамъ Митилида отправлять по своемъ сынѣ религіозные обряды и вступить во владѣніе его имуществомъ (2). Потомки Митилида начали процессъ, и изъ дѣла видно, что процессъ этотъ велся такимъ порядкомъ, какъ будто Леостратъ былъ необходимымъ наслѣдникомъ Леократа 2-го, т. е. здѣсь было достаточно одного заявленія архонту со стороны Леострата, что онъ приходится отцомъ Леократу 2-му и что онъ далъ послѣднему сына въ лицѣ Леохара,—заявленія, сопровождавшагося, какъ обыкновенно, предложеніемъ уплатить извѣстную сумму противнику, если послѣдній докажетъ ложность показаній заявляющаго (3),—чтобы владѣніе спорнымъ наслѣдствомъ осталось за Леостратомъ. Противники его, послѣ такого заявленія, не могли начать иска о наслѣдствѣ, а должны были вести рискованный процессъ, имѣвшій цѣлью доказать ложность свидѣтельства Леострата, и только по окончаніи этого процесса судъ могъ уже приступить къ рѣшенію вопроса о томъ, къ кому изъ тяжущихся должно пе-

---

(1) *Demosthen.* or. adversus Leocharem §§ 24—27.

(2) *Demosthen.* ed. l. §§ 32, 33.

(3) Величина этой суммы, называвшейся паракатабола, равнялась одной десятой части стоимости всего наслѣдства. Если противникъ наслѣдника, выдающаго себя за необходимаго, брался доказать ложность заявленія послѣдняго, то онъ долженъ былъ предъявить особый искъ противъ него о ложномъ свидѣтельствѣ (псевдомартиріа). Въ случаѣ выигрыша этого иска наслѣдникомъ, противникъ его долженъ былъ уплатить ему въ вознагражденіе за ущербъ сумму, равную $^1/_6$ стоимости наслѣдства. Если же ложность показаній наслѣдника была доказана въ этомъ процессѣ, то противникъ получалъ предложенную ранѣе наслѣдникомъ въ подтвержденіе вѣрности его показаній сумму, а затѣмъ судъ приступалъ къ разсмотрѣнію правъ обѣихъ сторонъ на полученіе наслѣдства. См. *Coillemer*, Revue de législation. 1876, p. 671, 672. *Meier u. Schoemann*, Der Attische Process, p. 460, 461, 638—645. *Heffter*, Athenäische Gerichtsverfassung, s. 350.

Digitized by Google

рейдти наслѣдство (¹). Такимъ образомъ мы видимъ, что аѳинское право предоставляло отцу, желавшему пріобрѣсти наслѣдство послѣ умершаго сына, тѣ-же преимущества, какія оно давало необходимымъ наслѣдникамъ умершаго. Нѣтъ никакихъ основаній отрицать, что все, сказанное здѣсь объ отцѣ, относится и къ дѣду, хотя въ источникахъ мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ на этотъ счетъ (²).

Покончивъ съ вопросомъ о пріобрѣтеніи наслѣдства, мы должны перейти къ главному для насъ вопросу о послѣдствіяхъ, которыя аѳинское законодательство связывало съ пріобрѣтеніемъ наслѣдства; но предварительно скажемъ нѣсколько словъ о томъ порядкѣ, какой соблюдался аѳинянами при раздѣлѣ наслѣдства.

Хотя аѳинскій законъ и не препятствовалъ, конечно, тому, чтобы наслѣдники владѣли полученнымъ ими наслѣдственнымъ имуществомъ сообща и вели общее хозяйство; хотя примѣры совмѣстной жизни братьевъ и нераздѣльнаго пользованія семейнымъ достояніемъ встрѣчаются у ораторовъ: однако можно съ основательностью предположить, что гораздо чаще наслѣдники, получивъ наслѣдство, спѣшили возможно скорѣе раздѣлиться. Раздѣлы, разумѣется, какъ и вездѣ, не обходились безъ споровъ и ссоръ. По словамъ Плутарха, братья часто являлись совершать раздѣлъ наслѣдства въ такомъ настроеніи, какъ будто шли на войну; нѣкоторые вели себя во время раздѣла отцовскаго имущества подобно пиратамъ, оспаривающимъ другъ у друга добычу; многіе гордились тѣмъ, что путемъ хитрости и обмановъ всякаго рода успѣли получить больше своихъ братьевъ (³). Эта невеселая картина аѳинскихъ нравовъ, нарисованная Плутархомъ, ярко дополняется разсказомъ Изея о двухъ братьяхъ, которые, поссорясь изъ-за ничтожнаго клочка недвижимости, оставленной ихъ отцомъ, подрались такъ жестоко,

---

(¹) *Demosthen.* or adversus Leocharem, §§ 1, 3, 32—45, 45—60.

(²) Разумѣется, мы говоримъ здѣсь о дѣдѣ съ отцовской стороны. Дѣдъ по матери, также какъ и сама мать, долженъ былъ искать наслѣдства, повидимому, тѣмъ же путемъ, какъ и боковые родственники. См. *Isaei* or. de Pyrrhi hereditate, §§ 1—5, de Hagniae hereditate, §§ 21, 30.

(³) *Plutarch*, De fraterno amore, XI, *Didot*, p. 586.

Digitized by Google

что одинъ изъ нихъ убилъ другаго (1). Лизій пишетъ рѣчь въ защиту нѣкоего Мантиѳея, и въ этой рѣчи, обращенной къ сенату, Мантиѳей, въ числѣ другихъ доказательствъ своей честности, приводитъ то, что онъ отдалъ двухъ сестеръ замужъ съ большимъ приданымъ и раздѣлилъ имущество съ братомъ такъ, что послѣдній получилъ изъ отцовскаго наслѣдства большую часть (2). Значитъ, велико было корыстолюбіе аѳинянъ, если честнымъ раздѣломъ имущества съ сестрами и съ братомъ можно было гордиться!—„Если бы, говоритъ одинъ изъ кліентовъ Изея, Пирръ оставилъ родную дочь; то неужели его родственники отказались бы отъ ея имущества и отдали ее замужъ за посторонняго? Не считайте ихъ такими глупцами! Никто не отказывается такъ легко отъ своихъ выгодъ и не предпочитаетъ другихъ себѣ" (3).

Отцы, для того чтобы предотвратить возникновеніе между своими сыновьями распрей при дѣлежѣ наслѣдства, производили этотъ дѣлежъ иногда сами, одѣляя всѣхъ сыновей при жизни или назначая каждому его долю въ завѣщаніи (4).

Приступая къ раздѣлу, приводили въ извѣстность все имущество, оставшееся послѣ умершаго, составляя подробную опись какъ недвижимостей, такъ и движимостей (5). „Кто, аѳиняне, станетъ дѣлить наслѣдственное имущество, не справляясь съ грамотами (письменными актами), изъ которыхъ можно узнать, какъ именно оно велико?"—спрашиваетъ Демосѳенъ въ рѣчи за Формія (6). Кромѣ того, законъ

---

(1) *Isaei* or. de Astyphili hereditate, § 1.

(2) *Lysiae* or. pro Mantitheo, § 10.

(3) *Isaei* or. de Phyrri hereditate, §§ 65 и слѣд.

(4) См. выше, стр. 145, 148 и 151 прим. 2. Иногда сонаслѣдники, приступая къ раздѣлу, обязывали другъ друга клятвой сообща отыскивать все спорное наслѣдственное имущество и раздѣлить его по справедливости. Примѣръ такого взаимнаго обязательства мы находимъ въ рѣчи Демосѳена противъ Олимпіодора. Изъ этой же рѣчи видно, какъ легко нарушались такія клятвенныя обѣщанія.

(5) *Caillemer*, Nouvelle Revue historique de droit français et étranger, 1877, cah. 6, p. 617 et suiv.

(6) *Demosthen.* or. pro Formione, § 19. *Didot*, p. 495.

Digitized by Google

требовалъ, чтобы каждый наслѣдникъ, приступая къ раздѣлу, возвращалъ въ наслѣдственную массу все то, что получено имъ было ранѣе отъ наслѣдодателя въ видѣ подарка, или что онъ долженъ былъ уплатить наслѣдодателю въ силу существовавшихъ между ними обязательствъ. Съ своей стороны наслѣдникъ, бывшій самъ кредиторомъ умершаго, имѣлъ право требовать, чтобы сонаслѣдники причислили этотъ долгъ наслѣдодателя къ общей массѣ долговъ послѣдняго, или же уплатили этотъ долгъ тотчасъ, исключая той его части, которая падала на самого кредитора, какъ на участника въ отвѣтственности за долги умершаго (1). Если одинъ изъ наслѣдниковъ растратилъ часть наслѣдственнаго имущества, то растраченное вычиталось изъ его доли (2). Легаты, назначенные оставителемъ наслѣдства, въ пользу-ли одного изъ наслѣдниковъ (3), или въ пользу посторонняго, могли также выплачиваться изъ наслѣдственной массы до раздѣла (4). При полюбовномъ раздѣлѣ, распредѣленіе между наслѣдниками вещей, входившихъ въ составъ наслѣдственной массы, и уравненіе наслѣдственныхъ долей производилось съ общаго согласія. Иногда, впрочемъ, прибѣгали къ другому способу: одинъ изъ наслѣдниковъ производилъ раздѣлъ, а другіе выбирали себѣ доли (5). По общему соглашенію наслѣдниковъ, нѣкоторыя вещи могли быть исключены изъ раздѣла и оставлены въ общемъ владѣніи и пользованіи, напр. земля или ремесленное и торговое заведеніе могли остаться общей собственностью, и доходы съ нихъ дѣлились между наслѣдниками (6). По древнему обычаю, очевидно, недѣлимы

---

(1) *Demosthen.* or. adversus Spudiam, § 5—20.

(2) *Demosthenis* or. pro Formione, § 8.

(3) Ibid. §§ 34, 35.

(4) См. выше, стр. 162.

(5) *Demosthen.* or. in Olympiodorum, § 13—15. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, право производить раздѣлъ наслѣдственныхъ долей принадлежало старшему сыну, въ чемъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Тоже касается вообще права первородства въ Аѳинахъ, объ этомъ см. выше, стр. 151 примѣч. 2.

(6) *Demosthen.* or. pro Formione, §§ 9, 10 и слѣд. *Lysiae* or. contra Diogitonem, § 4.

Digitized by Google

были также мѣста, отведенныя подъ общее семейное кладбище (¹). Споры, возникавшіе между наслѣдниками по случаю раздѣла наслѣдства, подлежали вѣдѣнію архонта. Послѣдній передавалъ дѣло на судъ геліастовъ въ томъ случаѣ, если одинъ изъ заинтересованныхъ отрицалъ возможность раздѣла и доказывалъ, что послѣдній не можетъ имѣть мѣста. Если же споръ возникъ потому только, что одна изъ сторонъ, не отрицая права другой стороны требовать раздѣла, фактически препятствовала ему, или если наслѣдники, приступившіе къ раздѣлу, не могли полюбовно раздѣлиться; то имѣлъ мѣсто особый искъ, въ которомъ стороны просили архонта о назначеніи экспертовъ для производства раздѣла. Эксперты избирались сторонами по соглашенію; если же такого соглашенія не послѣдовало, то назначались архонтомъ. Эти эксперты, или арбитры (*δαιτηταί*) выслушивали стороны, рѣшали ихъ споры, словомъ, производили ex bono et aequo весь процессъ раздѣла. Они дѣлили имущество по равнымъ долямъ и назначали наслѣдникамъ участки по жребію (²).

Указанное нами выше различіе между наслѣдниками необходимыми и тѣми, которыхъ нельзя причислить къ этому разряду, съ особенной силой высказывается въ различіи тѣхъ послѣдствій, которыя возникали для тѣхъ и другихъ съ пріобрѣтеніемъ наслѣдства. Наслѣдники, принадлежавшіе къ разряду необходимыхъ, т. е. законные нисходящіе наслѣдодателя и усыновленные имъ при жизни, тотчасъ по смерти его продолжали его дѣло и замѣняли его, какъ въ сферѣ частныхъ, имущественныхъ отношеній, такъ и въ отношеніяхъ его къ государству, фратріи, демѣ и, наконецъ, къ остальнымъ членамъ рода, какъ живымъ, такъ и умершимъ. Наслѣдники необходимые становились отвѣтственными за исправное отправленіе тѣхъ общественныхъ и государственныхъ повинностей, которыя лежали на ихъ отцѣ; они должны

(¹) *Demosthen.* or. adversus Macartatum, §§ 79, 81.; contra Eubulidem, § 28.

(²) *Meier und Schoemann*, Der Attische Process, S. 377—380. *Caillemer*, Nouvelle Revue historique de droit français et étranger. 1877. p. 615 et suiv. *Platner*, Der Process und die Klagen bei den Attikern, II, p. 334.

Digitized by Google

были принять на себя заботу о поддержаніи тѣхъ публичныхъ и домашнихъ sacra, которыя отправлялись доселѣ ихъ предкомъ (¹). Мало того, они несли даже отвѣтственность за преступленія отца, такъ какъ атимія, разъ наложенная на гражданина, переходила и на его нисходящихъ (²).

(¹) *Gans*, I, p. 396—398. Налоги, которыми въ чрезвычайныхъ случаяхъ облагались имущества гражданъ, взыскивались и съ малолѣтнихъ; см. *Hermann*. Lehrbuch der Griechischen Antiquitäten: Th. I, §§ 119, 161, 162; II §§ 7, 34, 36, 43; III, § 11. Впрочемъ, наслѣдники несовершеннолѣтніе освобождались отъ несенія особыхъ издержекъ на общественныя и государственныя потребности (тріерархія, литургіи и т. д.) и только спустя годъ по достиженіи совершеннолѣтія для нихъ кончалась эта привилегія. Расходы на нѣкоторыя религіозныя празднества, какъ публичныя, такъ и частныя, обязательны были и для малолѣтнихъ, причемъ за нихъ расходовали, конечно, опекуны.—См. *Lysiae* or. contra Diogitonem. §§ 20—25. Законодательство нерѣдко вооружалось противъ излишней роскоши при отправленіи гражданами ихъ религіозныхъ празднествъ и церемоній. Такъ напр. еще Солонъ запретилъ зарывать болѣе трехъ одеждъ вмѣстѣ съ покойникомъ и приносить на могилахъ въ жертву быковъ, а также вообще ограничилъ издержки на жертвоприношенія и праздники. См. *Du Mesnil Marigny*. L'économie politique des anciens peuples. T. III, p. 60. Paris. 1878 г. 3-me éd. О дѣленіи гражданъ аѳинскихъ на филы, фратріи и демы и о значеніи союзовъ этого рода см. въ книгѣ *Platner*'a «Beiträge zur Kenntniss des Attischen Rechts». Marburg. 1820.

(²) Атимія—уголовное наказаніе, состоявшее въ лишеніи чести. Въ Аѳинахъ, говоритъ Mayer, понятіе о чести было нераздѣльно съ понятіемъ о правахъ человѣка, такъ-что потеря чести вела за собой потерю общественныхъ, человѣческихъ и гражданскихъ правъ. Аѳинское законодательство различало три степени атиміи: 1) Потеря всѣхъ гражданскихъ правъ и конфискація имущества; 2) лишеніе всѣхъ правъ безъ потери имущества и 3) лишеніе нѣкоторыхъ правъ, напримѣръ: права предъявлять нѣкоторые публичные иски, права занимать нѣкоторыя должности, плавать по тому или другому морю и т. п. Первая и вторая степень налагались по закону, какъ наказаніе за важныя преступленія, напр., за государственную измѣну, за оскорбленіе религіи, за взяточничество и казнокрадство со стороны должностныхъ лицъ. Атимія была или самостоятельнымъ наказаніемъ, или являлась необходимымъ послѣдствіемъ присужденія къ наказанію болѣе строгому, какъ напр., къ работамъ на кораблѣ. Лицо, подвергшееся атиміи, теряло не только право на занятіе какой-либо должности и право присутствовать и подавать голосъ въ народномъ собраніи, но изгонялось съ рынка, не допускалось къ участію

Digitized by Google

Законъ, говоритъ Демосѳенъ, постановляетъ, что сынъ долженъ наслѣдовать безчестіе (атимію) своего отца (¹). Изей передаетъ намъ, что граждане, дѣла которыхъ шли плохо и которые имѣли основаніе опасаться наложенія на нихъ атиміи, старались заблаговременно отдавать своихъ дѣтей въ усыновленіе въ чужія семьи, чтобы спасти ихъ отъ безчестія, которое ожидало ихъ отца (²). Нисходящіе лица, подвергшагося уже атиміи, не могли избавиться отъ нея переходомъ въ другую семью, такъ какъ усыновленіе ихъ запрещалось закономъ, который налагалъ иногда атимію даже на того, кто осмѣливался нарушить это запрещеніе (³). Впро-

---

въ отправленіи общественнаго культа и лишалось даже права священнодѣйствовать на своемъ домашнемъ жертвенникѣ. Перваго рода атимія налагалась также и на лицъ, задолжавшихъ государству и не уплатившихъ долга въ установленный срокъ, а также на присужденныхъ къ уплатѣ пени за какой-нибудь проступокъ. Атимія этого рода снималась вмѣстѣ съ уплатой долга или штрафа казнѣ; но въ случаѣ неуплаты, она могла вести за собою продажу имущества съ публичнаго торга и взысканіе долга вдвойнѣ. Третья степень атиміи, состоявшая въ лишеніи нѣкоторыхъ правъ, налагалась за разнаго рода проступки: ей подвергалось, напримѣръ, лицо, предъявившее публичный искъ и получившее въ свою пользу не болѣе ⅙ голосовъ судей. См. *Mayer*, Die Rechte der Israeliten, Athener und Römer, II, §§ 144 и 272. *Wachsmuth*, Hellenische Alterthumskunde, B I, p. 401; B. II, p. 139, 168, 193, 195, 203, 212—214, 225, 251, 280 и слѣд. *Meier und Schoemann*, Der Attische Process, p 563, 734, 741. *Meier*, Historia juris att. de bonis damnatorum. Berlin. 1819. *Hermann*, Lehrbuch der Griechischen Antiquitäten, I, § 124, III, §§ 58, 61, 71. Изъ ораторовъ подробныя свѣдѣнія объ атиміи даетъ *Андокидъ*, см. or. de Mysteriis, § 73—80 и слѣд. Отдѣльныя указанія встрѣчаются нерѣдко и въ рѣчахъ Демосѳена и Изея, см. напр. *Demosthen*. or. contra Androtionem, §§ 33, 34, 50 и слѣд.; contra Timocratem, §§ 39, 50 и др.; contra Aristogitonem, argumentum, и многія мѣста обѣихъ рѣчей contra Theocrinem; *Isaei* or. de Aristarchi hereditate и др.

(¹) *Demosthen*. or. contra Androtionem, § 34, in Timocratem, § 200 и слѣд. Сказанное о сынѣ относится и къ внуку; см. or. contra Theocrinem, § 17.

(²) *Isaei* or. de Aristarchi hereditate, § 17.

(³) *Plutarch*, vitae X oratorum, Antipho, § 28 (*Didot*, p. 1046). *Gans*, Erbrecht, I, p. 315, 316. *Wachsmuth*, см. выше, стр. 181 прим. 2. *Van-den-Es*, De jure familiarum apud Athenienses, p. 92.

Digitized by Google

чемъ, съ точностью неизвѣстно, въ какихъ именно случаяхъ и въ какой мѣрѣ атимія, наложенная на гражданина, переходила на его наслѣдниковъ. Лишеніе всѣхъ правъ, послѣдовавшее за важныя преступленія, какъ напримѣръ за измѣну, а также за нарушеніе военныхъ законовъ, безчестіе, наложенное на магистрата виновнаго въ взяточничествѣ, а также на виновныхъ въ лжесвидѣтельствѣ, подлогахъ и т. п. преступленіяхъ, переходило на наслѣдниковъ (1); но падала-ли на послѣднихъ атимія, налагавшаяся, наприм., за кражу—это вопросъ спорный (2). Что касается до атиміи, налагавшейся на должниковъ казны, не уплатившихъ въ срокъ долга, то этого рода атимія переходила не только на прямыхъ нисходящихъ, но и на другихъ наслѣдниковъ должника, впредь до уплаты долга (3). Разница была въ томъ, что на необходимыхъ наслѣдниковъ эта атимія переходила ipso jure, а на остальныхъ лишь въ случаѣ принятія ими наслѣдства (4). Caillemer справедливо замѣчаетъ, что въ этомъ случаѣ атимія не носила характера уголовнаго наказанія, а была лишь мѣрой обезпеченія уплаты долга (5).

Но допуская наслѣдственность лишенія чести, аѳинское законодательство признавало всетаки преступленіе дѣломъ личнымъ и принимало за правило, что сынъ не можетъ быть преслѣдуемъ за вины своего отца. На этомъ основаніи публичные иски въ Аѳинахъ прекращались смертью виновнаго (6). Впрочемъ, при томъ взглядѣ на отношенія предковъ

---

(1) *Hermann*, Lehrbuch der Griechischen Antiquitäten, § 124, not. 15, 16. Изъ рѣчи *Демосѳена* противъ Афоба видно, что иногда даже въ случаѣ конфискаціи имущества власти находили нужнымъ оставить нѣкоторую часть послѣдняго женѣ и дѣтямъ виновнаго. См. I, § 65.

(2) *Caillemer*, Nouvelle Revue historique, 1877, p. 612.

(3) *Demosthen.* or. adversus Micartatum, § 58; contra Androtionem, § 34; contra Timocratem, § 201; contra Theocrinem, § 2; Demosthenis in Aphobum or., II. §§ 1—5. *Dareste*, Les plaidoyers civils de Démosthène, t. I, p. 41. *George Perrot*, Démosthène et ses contemporains. Revue des deux Mondes. 1872. T. 102. p. 476.

(4) См. выше, стр. 155.

(5) *Caillemer*, см. прим. 2.

(6) *Isocratis* or. de bigis, § 44 (*Didot*, 250). *Heffter*, Athen. Gerichtsverfassung, S. 450.

Digitized by Google

къ потомкамъ, какого держался аѳинскій народъ, случаи, что стороны въ процессахъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ, затрогивали не только поступки и дѣйствія своего противника, но и его предковъ, были очень часты. Въ рѣдкомъ процессѣ мы не встрѣчаемъ того, чтобы обвиняемый или обвинитель не разсказывалъ своей генеалогіи и генеалогіи своего противника, бросая, по возможности, тѣнь на послѣднюю и выставляя на видъ судьямъ доблести своихъ собственныхъ предковъ (¹). Бывали случаи, что въ гражданскомъ дѣлѣ тяжущійся указывалъ судьямъ на преступленія, совершенныя отцомъ его противника, и убѣждалъ судей наказать послѣдняго на этомъ основаніи. Противнику, если онъ хотѣлъ быть увѣреннымъ въ успѣхѣ своихъ доводовъ, приходилось не только доказывать, что онъ не отвѣтственъ за преступныя дѣянія своего родителя, но и брать на себя защиту послѣдняго отъ обвиненій (²).

Если атимія, которой подвергся оставитель наслѣдства, переходила на его наслѣдниковъ, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ зато на наслѣдниковъ переходили тѣ почести и привилегіи, которыми пользовался ихъ предокъ. Во время господства аристократіи были наслѣдственными даже многія должности, переходившія къ старшему въ извѣстномъ аристократическомъ родѣ. Многія жреческія должности и въ позднѣйшую эпоху были наслѣдственными въ извѣстныхъ фамиліяхъ (³), также какъ долгое время были наслѣдственны въ нѣкоторыхъ семьяхъ извѣстныя знанія, ремесла и искусства. Но этого рода привилегіи сюда не относятся.

(¹) Такъ Андокидъ старается смягчить судей указаніемъ на древность своего рода и на добрую славу предковъ. См. or. de Mysteriis, §§ 144—150. Точно также нерѣдко отцы, обвинявшіеся въ преступленіяхъ, просили судей о снисхожденіи, указывая на то, что наказаніе понесутъ и ихъ дѣти. Защита Полистрата построена, между прочимъ, на томъ, что сыновья его извѣстны своими заслугами отечеству и что потому было бы несправедливо подвергнуть ихъ безчестію. Lisiae or. pro Polistrato, §§ 26—35. Лизій, въ этой рѣчи, а также Деносѳенъ въ рѣчи contra Aristogitonem, §§ 76—80, свидѣтельствуютъ, что указаніе на дѣла предковъ и на имѣющихся въ домѣ потомкомъ обыкновенно практиковалось обвиняемыми, которымъ угрожало уголовное наказаніе. См. также or. in Midiam, §§ 143—145, 180.

(²) *Isocratis* or. de bigis, §§ 2, 3, 49.

Digitized by Google

Въ демократическомъ государствѣ всѣ почетныя отличія, по правилу, давались обыкновенно только лицу и прекращались съ его смертью, не переходя къ наслѣдникамъ; но исключенія допускались и здѣсь. Такъ нѣкоторыя извѣстныя личности, какъ напр. Гармодій и Аристогитонъ, а позднѣе Демосѳенъ и др. были почтены тѣмъ, что получили для себя и для своихъ потомковъ право обѣдать въ Пританеѣ на общественный счетъ. Привилегія эта, которой, какъ извѣстно, требовалъ себѣ Сократъ, переходила къ старшему агнату мужскаго пола, и женщины ей не могли пользоваться (¹), такъ какъ онѣ не могли принимать участіе въ общественныхъ обѣдахъ (²). Иногда также граждане, отличившіеся своими заслугами отечеству, освобождались отъ платежа извѣстныхъ податей и несенія извѣстныхъ повинностей. Хотя этого рода привилегія была обыкновенно пожизненной; но иногда она простиралась и на наслѣдниковъ. Примѣры лицъ, получавшихъ подобную привилегію, читатель можетъ найти въ рѣчи Демосѳена противъ Лептина (³). Во главѣ списка этихъ личностей стоятъ опять таки потомки Гармодія и Аристогитона (⁴). Привилегіи этого рода давались иногда даже иностранцамъ (⁵). Обычай давать такія почетныя отличія былъ, по мнѣнію Caillemer'а, общегреческимъ (⁶).

Выше неоднократно упоминалось о томъ, что наслѣдственное право аѳинянъ было неразрывно связано съ культомъ умершихъ. Было говорено также и о томъ, что на наслѣдника переходила обязанность поддерживать домашній культъ умершаго, озаботиться погребеніемъ послѣдняго и

(¹) *Platner*, Beiträge zur Kenntniss des Attischen Rechts, 57—80. *Hermann*, Lehrbuch der Griechischen Antiquitäten, Th. I, § 5. II, § 34. *Mayer*, I, § 76. *Fustel-de-Coulanges*, La cité antique, liv. IV, chap. III, IV.

(¹) *Caillemer*, Le droit de successions à Athènes (Nouvelle Revue historique, 1877, p. 610).

(²) Объ общественныхъ столахъ въ Пританеѣ и о параситахъ см. *Fustel-de-Coulanges*, La cité ant., liv. III, ch. VII. *Hermann*, Lehrbuch der Gr. Antiquitäten II, § 36.

(³) *Demosthen.* or. adversus Leptinem (*Didot*. p. 239—265).

(⁴) Eod. loc., §§ 18. 127, 128, 160.

(⁴) Eod. loc., §§ 29—46.

(⁶) *Caillemer*, Nouvelle Revue historique de droit, p. 611.

Digitized by Google

аккуратнымъ исполненіемъ по отношенію къ нему и къ его предкамъ всѣхъ священныхъ обрядовъ, установленныхъ религіей. Наслѣдство и отправленіе обязанностей культа умершихъ у Грековъ были также тѣсно связаны другъ съ другомъ, какъ и у Индусовъ. „Нужно быть лишеннымъ всякаго стыда, чтобы осмѣлиться требовать наслѣдство того, которому не озаботились воздать почестей, предписанныхъ обычаемъ“ (1). Демосѳенъ въ рѣчи противъ Макартата также доказываетъ права своего кліента на наслѣдство, основываясь на томъ, что именно онъ (кліентъ оратора) долженъ совершать священные обряды по умершемъ (2). Такимъ образомъ на наслѣдниковъ падали издержки на похороны наслѣдодателя. Демосѳенъ указываетъ, какъ на примѣръ величайшаго нечестія, на то, что Аристогитонъ не похоронилъ самъ своего отца и не вознаградилъ лицъ, похоронившихъ послѣдняго, за ихъ издержки (3). Кромѣ того, въ указанные обычаемъ и религіозными предписаніями дни наслѣдникъ долженъ былъ приносить на могилы наслѣдодателя и его умершихъ предковъ трапезы, предназначавшіяся для питанія тѣней умершихъ, нуждавшихся, по древнему вѣрованію, въ пищѣ (4). Такія трапезы было обязательно приносить умершему на третій день послѣ его смерти, а затѣмъ ежегодно въ годовщину его смерти. Въ этотъ день вся семья покойнаго совершала могильныя трапезы въ честь его и воздавала ему почести (5). Посѣщеніе могилы наслѣдодателя и принесеніе жертвъ ему было такой обязанностью наслѣдника, отъ которой онъ не могъ никоимъ образомъ уклониться. За малолѣтнихъ, больныхъ или отсутствующихъ наслѣдниковъ исполняли эти обязанности ихъ закон-

---

(1) *Isaei* or. de Nicostrati hereditate, § 19. De Astyphili hereditate, § 4.

(2) *Demosthen.* or. adversus Macartatum, §§ 59, 65.

(3) *Demosthen.* contra Aristogitonem or. I, § 54, 58, 83.

(4) *Isaei* or. de Cironis hereditate, § 39, de Meneclis her. § 37. *Fustel-de-Coulanges*, La cité antique, p. 15—26.

(5) *Isaei* or. de Meneclis hereditate, § 49. *Fustel-de-Coulanges*, La cité antique, pages 30—35.

Digitized by Google

ные представители или повѣренные (1). Фюстель-Куланжъ справедливо говоритъ: „Нарушеніе этого долга было величайшимъ нечестіемъ, потому что перерывъ этого служенія былъ пагубенъ для мертвыхъ и уничтожалъ ихъ блаженство“ (2). Изъ существъ благодѣтельныхъ маны предковъ дѣлались въ такомъ случаѣ злыми и недоброжелательными божествами, готовыми вредить живущимъ (3). Вотъ почему аѳиняне такъ заботились, чтобы не угасла ни одна семья и не прекращались жертвы покойникамъ (4). Наслѣдникъ, не выполняющій лежащей на немъ обязанности заботиться о загробномъ упокоеніи и блаженствѣ умершаго, могъ быть привлеченъ за это къ суду, какъ виновный въ нечестіи, и подвергнутъ атиміи. Наслѣдникъ-же, не принадлежавшій къ разряду необходимыхъ, не могъ даже претендовать на наслѣдство, если отказывался похоронить умершаго (5). Это поклоненіе мертвымъ было общимъ вѣрованіемъ во всей Греціи, и повсюду наслѣдственный переходъ имуществъ былъ связанъ съ обязанностью отправленія этого культа (6). Но въ періодъ упадка древнихъ религіозныхъ вѣрованій, когда воззрѣнія на міръ и на загробную жизнь измѣнились, когда многіе осмѣливались даже высказывать сомнѣніе въ существованіи боговъ (7),

(1) *Isaei*, or. de Astyphili hereditate, § 4; de Cleonymi hereditate, § 10.

(2) La cité antique, p. 33.

(3) Ibid. p. 18.

(4) Забота объ этомъ принадлежала къ числу обязанностей архонта эпонима, который наблюдалъ за тѣмъ, исполняютъ ли граждане религіозные обряды ихъ домашняго культа. См. *Fustel-de-Coulanges*, La cité antique, p. 36 *Demosthen*. or. adversus Macartatum, §§ 54, 75. *Isaei* or. de Apollodori hereditate, § 30.

(5) *Demosthen*. adversus Macartatum, §§ 58, 62, 66, in Timocratem, § 107; Andocidis or. de Mysteriis, § 74; *Isaei* or. de Astyphili hereditate, § 32. *Lisiae* contra Agoratum, § 15. *Van-den-Es*, p. 142, 143. *Meier und Schoemann*, p. 288 и слѣд.

(6) Исей въ одной изъ своихъ рѣчей называетъ обычай усыновленія съ цѣлью пріобрѣтенія поклонника по смерти общимъ, какъ Грекамъ, такъ и варварамъ. De Meneclis hereditate, § 24. *Fustel-de-Coulanges*, La cité antique, p. 78—93. Le droit de propriété à Spartes, Journal des savants, 1880, cah. 2.

(7) Таковъ былъ, напр. Протагоръ, говорившій, что онъ не знаетъ, существуютъ-ли боги.

Digitized by Google

когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, узы родства ослабѣли и уровень нравственности народной понизился,— многіе наслѣдники уже не такъ ревностно заботились о выполненіи своего долга по отношенію къ усопшимъ. Мы уже указывали на нерѣдко встрѣчающіяся у ораторовъ жалобы на небрежность наслѣдниковъ, отказывавшихся иногда не только совершать обряды почитанія своего усопшаго предка, но даже уплатить издержки на его похороны (¹). Было говорено также и о томъ, что, опасаясь такого пренебреженія къ своей памяти со стороны своихъ наслѣдниковъ, нѣкоторые возлагали эту обязанность посмертнаго почитанія на своихъ рабовъ, отпуская ихъ на волю подъ условіемъ, что по смерти своего господина они выполнятъ надъ нимъ всѣ похоронные обряды и будутъ воздавать ему почести, предписанныя религіей по отношенію къ манамъ предковъ. О существованіи такого обычая свидѣтельствуютъ могильныя надписи, найденныя въ Дельфахъ (²). Въ этихъ надписяхъ иногда даже указывается, каковы именно должны быть тѣ приношенія, которыхъ требуетъ покойный.—Наблюденіе за исправностью выполненія вольноотпущенными такихъ обязанностей лежало на наслѣдникахъ умершаго. Послѣдніе, въ случаѣ замѣченной ими со стороны такого вольноотпущеннаго небрежности въ выполненіи того условія, подъ которымъ ему была дана свобода, могли жаловаться суду. Оказавшійся виновнымъ вольноотпущенный вновь могъ быть судебнымъ рѣшеніемъ обращенъ въ рабство и вмѣстѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ поступалъ въ собственность наслѣдниковъ, которые сами уже должны были заботиться о могилѣ усопшаго (³).

На наслѣдниковъ умершаго переходила также, лежавшая при жизни на немъ самомъ, обязанность кормить престарѣлыхъ членовъ семьи и его родственницъ, а также отдавать послѣднихъ замужъ съ приданымъ. Греческіе писатели очень часто говорятъ о почтительномъ обхожденіи съ престарѣлыми родителями и о доставленіи имъ алиментовъ, какъ

(¹) *Demosthenis* or. contra Aristogitonem, §§ 33, 54, 58, 83; *Isaei* or. de Astyphili hereditate, §§ 4, 32, 36, а также выше, стр. 174, 175.

(²) Inscriptions recueillies à Delphes par MM. *Wescher et Foucart*. №№ цитированы въ статьѣ *Caillemer*'a.

(³) *Caillemer*, Nouvelle Revue historique de droit etc. 1877. p. 608.

Digitized by Google

о первой обязанности потомковъ (¹). У Изея племянники Клеонима выражаются такимъ образомъ: „Если-бы Поліархъ (отецъ Клеонима), нашъ дѣдъ, былъ теперь живъ и нуждался въ пропитаніи, или если-бы Клеонимъ умеръ, оставивъ бѣдныхъ дочерей, то на насъ, по причинѣ близости родства, лежала-бы, конечно, обязанность въ первомъ случаѣ—кормить старика дѣда, а во второмъ—или самимъ жениться на дочеряхъ Клеонима, или отдать ихъ за кого-либо замужъ, давъ имъ приданое“ (²). Въ другой рѣчи ораторъ разъясняетъ законъ, повелѣвающій дѣтямъ кормить престарѣлыхъ родителей, именно: отца, мать, дѣда и бабку и родителей послѣднихъ. Эти лица, говоритъ ораторъ, суть начало колѣна (stirpis), и ихъ имущества переходятъ по закону къ ихъ сыновьямъ и внукамъ; а потому на послѣднихъ необходимо также падаетъ забота о пропитаніи своихъ предковъ, даже тѣхъ, отъ которыхъ имъ ничего не досталось (³). Наслѣдники, отказавшіеся отъ исполненія обязанности содержать престарѣлыхъ родителей умершаго, а также не позаботившіеся надлежащимъ образомъ о судьбѣ его дочерей и т. д., могли быть принуждены къ этому судомъ. Искъ, предъявлявшійся противъ нихъ, принадлежалъ къ числу публичныхъ, и послѣдствіемъ его было не только денежное взысканіе съ такого наслѣдника въ пользу оставленныхъ имъ безъ вниманія родственниковъ, но и наложеніе на него атиміи (⁴). Впрочемъ, послѣдняго рода обязанности лежали не на однихъ только наслѣдникахъ, но даже на тѣхъ ближайшихъ родственникахъ, которые по закону

(¹) *Andocidis* or. de Mysteriis, § 74; *Lysiae* or. contra Agoratum, § 75; *Demosthen.* contra Timocratem, § 203, *Xenophon.* commentar. de Socrate II, 2, 13. *Platon*, de legibus XI (нѣмецкій переводъ *Schulthess*'а, B, II, p. 275); *Аристотель*, Политика, кн. I, гл. 5. См. *Van-den-Es*, De jure familiarum apud Athenienses, p. 139, 140.

(²) *Isaei* or. de Cleonymi hereditate, § 39.

(³) *Isaei* or. de Cironis hereditate, § 32.

(⁴) *Van-den-Es*, De jure familiarum, p. 14—15, 42—45, 140—145. *Meier und Schömann*, Der Attische Process, p. 286—293. *Heffter*, Athenäische Gerichtsverfassung, p. 170, 192—195. Къ цитируемымъ этими авторами мѣстамъ прибавимъ еще § 55 рѣчи *Демосѳена* противъ Аристогитона, обвиняемаго ораторомъ въ дурномъ обращеніи съ матерью, а также въ томъ, что онъ продалъ за границу свою сестру.

Digitized by Google

могли отказаться отъ полученія наслѣдства. Племянники Клеонима были обязаны выдать замужъ дочерей его даже въ томъ случаѣ, если-бы послѣднія не имѣли никакого имущества.

Наслѣдникъ, вступая въ наслѣдство, получалъ какъ недвижимое, такъ и движимое имущество наслѣдодателя, причемъ, по словамъ Mayer'a, на первое аѳиняне смотрѣли какъ на существенную часть наслѣдства; а на послѣднее— какъ на добавочную (¹). Въ составъ имущества входили также и долговыя требованія, которыя наслѣдодатель имѣлъ къ его должникамъ. Наслѣдникъ имѣлъ полное право обратиться къ послѣднимъ съ требованіемъ объ уплатѣ ихъ долга. Право это, разумѣется, принадлежало не только наслѣдникамъ необходимымъ, но и всѣмъ остальнымъ (²). Наоборотъ, наслѣдникъ умершаго долженъ былъ, конечно, отвѣчать и за долги его не только обществу, но и частнымъ лицамъ. Какъ права требованія, принадлежавшія наслѣдодателю, такъ и его долги дѣлились, конечно, между наслѣдниками пропорціонально долямъ полученнаго каждымъ наслѣдникомъ имущества. Наглядный примѣръ этому мы встрѣчаемъ въ рѣчи Демосѳена противъ Навзимаха и Ксенопиѳа. Оба названныя здѣсь лица утверждали, что опекунъ ихъ былъ долженъ ихъ отцу 4000 талантовъ; уплату означенной суммы они потребовали съ сыновей уже умершаго опекуна, которыхъ было четверо. Въ результатѣ оказалось, что каждый изъ наслѣдниковъ кредитора долженъ былъ предъявить отдѣльно искъ къ каждому изъ сыновей должника, и такимъ образомъ вмѣсто одного взысканія явилось восемь отдѣльныхъ требованій, каждое цѣною въ 30 минъ (½ таланта) (³). Въ рѣчи Лизія, озаглавленной „De pecuniis publicis", мы находимъ, наоборотъ, примѣръ иска, предъявленнаго кредиторомъ противъ одного изъ наслѣдниковъ должника сполна. Но самъ истецъ въ данномъ случаѣ, какъ вѣрно замѣтилъ Caillemer, сознается, что искъ о всей суммѣ долга предъявленъ имъ неправильно, что онъ искалъ-бы

(¹) *Mayer*, Die Rechte der Israeliten, Athener und Römer, II, p. 530.

(²) *Demosthenis* or. contra Lacritum, § 44, 45.

(³) *Demosthen*. or. contra Nausimachum et Xenopithem, arg. § 2.

Digitized by Google

лишь третью часть требуемой суммы съ отвѣтчика, если бы остальные наслѣдники должника находились въ Аѳинахъ (1).

Въ ученой литературѣ можно считать вполнѣ установившимся взглядъ, что аѳинское законодательство, подобно римскому, смотрѣло на наслѣдника, какъ на преемника юридической личности оставителя наслѣдства. Говорятъ, что въ силу этого преемства личности наслѣдодателя наслѣдникъ дѣлался полнымъ хозяиномъ имущества умершаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, становился отвѣтственнымъ за всѣ долги послѣдняго (2). Дѣйствительно, источники свидѣтельствуютъ, что и въ Аѳинахъ полученіе наслѣдства и обязанность платить долги наслѣдодателя были неразрывно связаны между собою. Демосѳенъ въ рѣчи противъ Лакрита говоритъ, что нѣтъ такого закона, который дозволялъ бы лицу, владѣющему имуществомъ своего брата и имѣющему право отчуждать послѣднее по своему усмотрѣнію, отказываться отъ выполненія обязательствъ, принятыхъ на себя этимъ братомъ (3). Еще болѣе рѣшительное свидѣтельство на этотъ счетъ мы находимъ въ рѣчи Изея о наслѣдствѣ Аристарха. По закону наслѣдство должно было принадлежать дочери Аристарха, какъ единственной его наслѣдницѣ; но все наслѣдственное имущество захватили себѣ боковые родственники, выдавая себя за наслѣдниковъ по усыновленію. Такъ какъ однако незаконность ихъ усыновленія, на которомъ они основывали свои претензіи, могла быть легко доказана, то они на судѣ заявили, что отецъ ихъ, бывшій первымъ владѣльцемъ этого имущества, заплатилъ изъ своихъ собственныхъ средствъ всѣ долги, которыми это имущество было будто-бы обременено, такъ-что уже поэтому наслѣдственное имущество должно оставаться за ними (4). Внукъ Аристарха (сынъ дочери), для котораго написана рѣчь Изея, такъ отвѣчаетъ на этотъ доводъ: „Я ясно докажу вамъ, судьи, что против-

---

(1) Nouvelle Revue historique, 1877. p. 620 et suiv. Cp. *Lisiae* or. de pecuniis publicis.

(2) *Mayer*, Die Rechte der Israeliten, Athener und Römer. II, p. 428, 530. *Caillemer*, Nouvelle Revue historique. 1877 p. 605.

(3) *Demosthen.* or. contra Lacritum, § 4.

(4) *Isaei* or. de Aristarchi hereditate, § 15.

Digitized by Google

ники мои лгутъ. Ибо, если это наслѣдство было дѣйствительно такъ обременено долгами, какъ они говорятъ, то не они, конечно, выплатили-бы эти долги изъ собственныхъ ихъ средствъ (такъ какъ это дѣло не касалось до нихъ, а надлежало о немъ позаботиться тѣмъ, кто имѣлъ право требовать себѣ въ супружество мою мать), и они, конечно, не ввели-бы Аристарха во владѣніе такимъ обремененнымъ долгами наслѣдствомъ, отъ котораго они не получили-бы никакой выгоды, а, напротивъ, великіе убытки. Обыкновенно всѣ, у кого домашнія дѣла идутъ плохо, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ атиміи, могущей постигнуть отца, стараются раздать ихъ въ усыновленіе въ чужія семьи; а противники мои сами добровольно бросаются на имущество, обремененное долгами, чтобы потерять чрезъ это свое собственное достояніе. Не вѣрьте имъ, судьи! Имущество это было свободно отъ долговъ и принадлежало исключительно моей матери; они-же, побуждаемые жаждою къ богатству, выдумали все это, чтобы лишить такимъ путемъ мою мать ея достоянія" (¹). Caillemer изъ цитированныхъ сейчасъ словъ Изея заключаетъ, что лицо, являвшееся претендентомъ на наслѣдство, надѣялось обыкновенно пріобрѣсти преимущество передъ другими соискателями, указывая на произведенную имъ расплату съ кредиторами умершаго. Далѣе, названный авторъ отсюда-же выводитъ, что наслѣдникъ, принявшій наслѣдство, долженъ былъ отвѣчать передъ кредиторами не только стоимостью послѣдняго, но и собственнымъ имуществомъ, такъ-что пріобрѣтеніе наслѣдства съ излишкомъ обременнаго долгами причиняло наслѣднику большой убытокъ и подвергало риску его собственное имущество. Того-же мнѣнія держится Mayer, цитируя указанныя мѣста источниковъ (²).

По нашему мнѣнію, основываясь на одномъ этомъ мѣстѣ у Изея, нельзя еще положительно утверждать, что всѣ наслѣдники безъ различія должны были, по пріобрѣтеніи наслѣдства, отвѣтствовать за долги его оставителя своимъ собственнымъ имуществомъ свыше стоимости наслѣдствен-

---

(¹) Eod. loc. § 16—17.

(²) *Caillemer*, Nouvelle Revue hist. de droit. 1877. p. 606. *Mayer*. Die Rechte der Israeliten, Athener und Römer, II, § 272.

Digitized by Google

наго актива. Въ данномъ случаѣ Киронидъ, незаконно завладѣвшій наслѣдствомъ, очевидно, выдавалъ если не себя, такъ Аристарха младшаго, за необходимаго, наслѣдника своего естественнаго отца, Аристарха старшаго (¹). Для потомковъ Киронида было выгодно указать на то, что отецъ ихъ, въ качествѣ необходимаго наслѣдника, уплатилъ всѣ долги, лежавшіе на наслѣдствѣ и далеко превышавшіе стоимость послѣдняго. Во первыхъ, принятіе на себя Киронидомъ такой обязанности должно было служить, по мнѣнію его потомковъ, доказательствомъ того, что онъ дѣйствовалъ, какъ наслѣдникъ необходимый; во вторыхъ, на произведенную имъ уплату долговъ изъ собственныхъ средствъ они указываютъ какъ на основаніе, въ силу котораго наслѣдство должно остаться въ ихъ рукахъ. „Пусть наши наслѣдственныя права должны уступать предъ правами нашего противника; но послѣдній уже не имѣетъ права требовать отъ насъ выдачи наслѣдственнаго имущества: такъ какъ отецъ нашъ заплатилъ изъ собственныхъ средствъ въ удовлетвореніе обязательствъ, лежавшихъ на наслѣдствѣ, сумму, большую стоимости всего наслѣдства, и въ вознагражденіе за эту уплату наслѣдство должно остаться за нами".—Такова аргументація потомковъ Киронида. Оратору было нужно опровергнуть такимъ образомъ: во первыхъ то, что они были необходимыми наслѣдниками; а во вторыхъ то, что долги не превышали стоимости наслѣдства и были ими уплачены сполна. Онъ привелъ уже въ своей рѣчи и законы, и свидѣтельскія показанія, подтверждающіе, что ни Киронидъ, ни сынъ его не могли быть необходимыми наслѣдниками и вообще не имѣли права на наслѣдство при жизни матери истца (²), и, выходя изъ этого, уже доказаннаго имъ положенія, старается опровергнуть фактъ уплаты ими наслѣдственныхъ долговъ. Аргументація его такова: Киронидъ и его сыновья не были необходимыми наслѣдниками Аристарха старшаго и не на нихъ лежала обязанность уплатить всѣ наслѣдствен-

(¹) Это видно изъ того, что Киронидъ и его сынъ вступили во владѣніе наслѣдствомъ самовольно, а не въ силу adjudicatio архонта. См. argumentum и §§ 5, 24 рѣчи.

(²) См. §§ рѣчи 1—15.

Digitized by Google

ные долги; а если они выдавали себя за необходимыхъ наслѣдниковъ и присвоили себѣ наслѣдство, то стало быть это было для нихъ выгодно, и наслѣдство не было чрезмѣрно обременено долгами. Оратору не зачѣмъ было въ данномъ мѣстѣ говорить о томъ, что всякій наслѣдникъ обязанъ отвѣчать за долги оставителя наслѣдства своимъ собственнымъ имуществомъ. Его слова о такой безусловной отвѣтственности относятся здѣсь только къ наслѣдникамъ необходимымъ и распространять ихъ на всѣхъ наслѣдниковъ безразлично, по нашему мнѣнію, нѣтъ достаточныхъ основаній.

Итакъ, изъ приведенныхъ сейчасъ словъ Демосѳена и Изея можно вывести съ достовѣрностію только слѣдующее: 1) что съ полученіемъ наслѣдства на наслѣдниковъ падала обязанность платить долги его оставителя; 2) что на наслѣдниковъ необходимыхъ эта обязанность переходила тотчасъ съ момента открытія наслѣдства, и они не могли никоимъ образомъ отказаться отъ выполненія ея, хотя бы долги превышали стоимость оставленнаго умершимъ имущества. Но обязаны-ли были всѣ другіе наслѣдники, не принадлежавшіе къ разряду необходимыхъ и имѣвшіе право отказаться отъ полученія наслѣдства, отвѣчать, въ случаѣ пріобрѣтенія ими послѣдняго, передъ кредиторами оставителя свыше силъ наслѣдственнаго актива?—на этотъ вопросъ въ указанныхъ мѣстахъ источниковъ, по нашему мнѣнію, не содержится прямаго отвѣта. Ибо если придавать цитированнымъ выше словамъ Изея то значеніе, какое признаютъ за ними обыкновенно, то тогда можно будетъ также вывести изъ нихъ, что не только необходимый наслѣдникъ умершаго отвѣчалъ за долги послѣдняго собственнымъ имуществомъ, но что такая-же обязанность лежала и на тѣхъ родственникахъ умершаго, къ которымъ переходило право располагать рукою его дочери, оставшейся единственною наслѣдницей послѣ него (¹). Едва-ли, однако, кто согласится допустить подобный выводъ.

Выше мы видѣли, что ближайшій родственникъ умершаго, оставившаго наслѣдницею дочь, долженъ былъ непремѣнно или самъ жениться на этой послѣдней, или вы-

(¹) *Isaeus*, l. c.

Digitized by Google

дать ее за мужъ, давъ ей извѣстное приданое, если сама она была бѣдна. За выполненіемъ этой обязанности наблюдалъ архонтъ, и виновный въ неисполненіи ея родственникъ, вслучаѣ жалобы со стороны эпиклеры (дочь наслѣдница), подвергался атиміи и долженъ былъ уплатить штрафъ въ 1000 драхмъ (¹). Трудно, конечно, представить себѣ, чтобы сверхъ этой довольно тяжелой обязанности заботиться о судьбѣ оставшейся послѣ умершаго дочери, родственники его были еще обязаны платить изъ собственныхъ средствъ всѣ его долги. Остается внѣ всякаго сомнѣнія, что въ такомъ случаѣ кредиторы могли получить удовлетвореніе только изъ имущества, оставшагося послѣ умершаго должника; точно также, какъ это имѣло мѣсто при искахъ къ малолѣтнимъ, когда кредиторъ могъ требовать отъ ихъ опекуна лишь выдачи всего имущества опекаемыхъ, а не имѣлъ права обращать свое взысканіе на имущество самого опекуна (²).

Кромѣ всего сказаннаго, сомнѣнія наши относительно существованія въ аѳинскомъ правѣ обязательной отвѣтственности всѣхъ наслѣдниковъ умершаго за его долги собственнымъ имуществомъ, свыше средствъ оставленнаго имъ наслѣдства, основываются еще на слѣдующихъ соображеніяхъ:

Извѣстно, что аѳинское законодательство не относилось такъ строго къ должникамъ, какъ древне-римское. До Солона, правда, неисправный или несостоятельный должникъ переходилъ самъ со всею своею семьею подъ власть кредитора; но этотъ законодатель отмѣнилъ личную экзекуцію, постановивъ, что за долги лица отвѣчаетъ лишь его имущество (³). Личный арестъ съ тѣхъ поръ могъ быть примѣняемъ лишь противъ должниковъ казны и въ искахъ по обязательствамъ, заключеннымъ между торговцами, на основаніи особыхъ для этихъ лицъ законовъ (⁴). Вообще, способы

(¹) См. выше, стр. 189, примѣч. 2, 4. *Demosthen.* or. contra Macartatum, § 54; *Heffter*, Athenäische Gerichtsverfassung, p. 192—195.

(²) Ср. *Meier und Schoemann*, Der Attische Process, p. 570 u. folg.

(³) *Heffter*, Die Athenäische Gerichtsverfassung, p. 456. *Mayer*, Die Rechte der Israeliten, Athener und Römer, I. § 108.

(⁴) *Demosthen.* or. adversus Lacritum, §§ 15, 16; adversus Dionysiodorum, § 4; contra Androtionem, § 56; contra Timocratem, § 144. *Hermann*, Th. III, § 72. n. 19. 20. *Meier und Schoemann*, p. 580 ff.

Digitized by Google

взысканія долга не отличались въ Аѳинахъ тѣмъ суровымъ отношеніемъ къ должнику, какое замѣчается во многихъ древнихъ кодексахъ. По признаніи за кредиторомъ права на удовлетвореніе, судъ назначалъ извѣстный срокъ должнику для исполненія судебнаго рѣшенія. Въ теченіи этого срока должникъ могъ условиться съ кредиторомъ о времени и способѣ удовлетворенія. Если должникъ не уплачивалъ въ этотъ срокъ долга и не успѣвалъ выпросить у кредитора отсрочки, то послѣдній могъ явиться въ домъ къ должнику, взять и унести къ себѣ любую вещь изъ его имущества. При значительной величинѣ долговой претензіи, у должника могло быть отнято владѣніе всѣмъ его имуществомъ, какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ. Захваченное такимъ образомъ имущество служило вѣрителю обезпеченіемъ уплаты долга. Должнику предоставлялось на выборъ или расплатиться съ кредиторомъ, или требовать продажи забранныхъ послѣднимъ вещей и возвращенія себѣ имѣющаго остаться за удовлетвореніемъ вѣрителя излишка отъ суммы, вырученной путемъ этой продажи (¹). Вѣритель, почему либо не

Heffter, p. 425. *George Perrot*, «Démosthène et ses contemporains», см. Revue des deux Mondes. 1872, T. 102 p. 482 et suiv.

(¹) *Heffter*, p. 454—456; *Meier und Schoemann*, p. 746—747, а также цитированные ими источники. *George Perrot* говоритъ слѣдующее о тѣхъ неудобствахъ и затрудненіяхъ, которыя возникали на практикѣ при такомъ порядкѣ взысканія: «Можно догадываться о томъ, сколько споровъ могъ возбудить подобный способъ исполненія. То должникъ жаловался на оцѣнку, сдѣланную кредиторомъ, доказывая, что она гораздо ниже дѣйствительной стоимости имущества, и обвинялъ противника въ желаніи получить такимъ путемъ гораздо болѣе, чѣмъ ему слѣдовало; то послѣ рѣшенія суда онъ уступалъ какому нибудь собрату, посредствомъ фиктивной продажи, владѣніе недвижимостью, на которую было обращено взысканіе; иногда онъ установлялъ по ней ипотеку заднимъ числомъ, и означенное имѣніе становилось такимъ образомъ гарантіей ранѣе сдѣланнаго долга и залогомъ въ рукахъ третьяго лица. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ онъ негодовалъ, раздражался, поддерживаемый своими друзьями и сосѣдями. Поднимался такой же крикъ, какой при малѣйшемъ поводѣ поднимаютъ нынѣшніе аѳиняне; раздавались угрозы, и отъ бранн нерѣдко переходили къ дракѣ: такъ что кредиторъ иногда не выносилъ изъ своей экспедиціи никакой другой выгоды, кромѣ контузій да нѣсколькихъ выбитыхъ зубовъ». (Démosthène et ses contemporains. Revue des deux Mondes 1872. T. 102, p. 484).

Digitized by Google

желавшій слѣдовать этому пути при взысканіи, а также встрѣчавшій препятствія къ такому удовлетворенію своихъ претензій со стороны должника или третьихъ лицъ, могъ прибѣгнуть къ другой мѣрѣ, а именно: онъ могъ предъявить искъ объ исполненіи рѣшенія суда, аналогичный съ римскимъ actio judicati. Искъ этотъ могъ быть предъявленъ не только противъ должника, но и противъ третьихъ лицъ, владѣвшихъ принадлежавшимъ должнику имуществомъ (¹). Послѣдствіемъ такого иска было наложеніе на должника судомъ штрафа въ пользу казны, равнявшагося при искахъ о денежной суммѣ цѣнѣ иска, а въ искахъ объ извѣстной вещи опредѣлявшагося судомъ по предложенію истца. По наложеніи штрафа, отвѣтчикъ заносился въ списокъ должниковъ казны и подвергался атиміи, послѣдствіемъ которой могла быть конфискація его имущества. Разумѣется, отвѣтчику было выгоднѣе уплатить долгъ кредитору добровольно, не заставляя послѣдняго обращаться въ судъ съ помянутымъ искомъ, такъ-что эта мѣра имѣла въ виду побудить должника къ скорѣйшей расплатѣ съ кредиторомъ. Но такъ какъ должникъ, уплативъ наложенный на него штрафъ, могъ всетаки упорствовать въ отказѣ удовлетворить кредитора, то можно предположить, что послѣдствіемъ указаннаго иска было также предоставленіе вѣрителю права произвести имущественную экзекуцію при содѣйствіи подлежащей власти (²). О конкурсномъ процессѣ, при стеченіи нѣсколькихъ вѣрителей, въ памятникахъ аѳинскаго права не имѣется никакихъ свѣдѣній, хотя несомнѣнно, что кредиторы, претензіи которыхъ были обезпечены залогомъ, имѣли преимущественное право на удовлетвореніе (³). Несостоятельный должникъ всегда могъ избѣ-

---

(¹) *Heffter*, p. 459, 460; *Meier und Schoemann*, p. 748. Примѣръ см. въ процессѣ Демосѳена съ Афебомъ. *Demosthenis* or. adversus Onetorem I, argumentum. *Dareste*, Les plaidoyers civils de Démosthène, T. I. p. 70.

(²) *Heffter*, p. 462—465. *Meier und Schoemann* p. 748—752

(³) *Meier und Schoemann*, p. 511. Геффтеръ полагаетъ, что при конкурсѣ нѣсколькихъ кредиторовъ каждый изъ нихъ старался на сколько возможно полнѣе удовлетворить себя фактическимъ путемъ, т. е., что имущество должника просто расхищалось его кредиторами и счастливъ былъ успѣвшій захватить болѣе другихъ. Не рѣдко, конечно,

Digitized by Google

жать всѣхъ непріятныхъ послѣдствій столкновенія съ кредиторами, выдавъ послѣднимъ все имущество сполна. Въ рѣчахъ Демосѳена нерѣдко упоминается о такой добровольной уступкѣ имуществъ (¹). Этой выдачею всего своего имущества должникъ погашалъ всѣ претензіи кредиторовъ, которые должны были сами вѣдаться другъ съ другомъ относительно способа соразмѣрнаго удовлетворенія, а не могли уже обращаться вновь съ искомъ ни къ самому должнику, ни къ его наслѣдникамъ, исключая, разумѣется, того случая, когда они имѣли возможность доказать, что должникъ обманулъ ихъ, скрывъ часть своего имущества какимъ-бы то ни было образомъ. На впавшаго въ несостоятельность гражданина аѳинское законодательство, по крайней мѣрѣ послѣ Солона, не налагало никакого наказанія, если только онъ своимъ упорствомъ въ выдачѣ имущества, послѣ состоявшагося уже противъ него судебнаго рѣшенія, не вызывалъ самъ наложенія на него судомъ штрафа въ пользу казны (²). Замѣтимъ также, что если не законъ, то покрайней мѣрѣ нравы предписывали кредиторамъ возможно большую гуманность по отношенію къ несостоятельному должнику и его семьѣ (³). Право несостоятельнаго должни-

---

могли возникать по этому поводу споры между кредиторами, разрѣшавшіеся судебнымъ порядкомъ. Какъ-бы ни казался страннымъ подобный способъ удовлетворенія, но отрицать возможность его существованія нельзя, имѣя въ виду прямыя указанія источниковъ (*Demosthen.* adversus Pantaenetum). Вообще несомнѣнно, что въ Аѳинахъ какъ веденіе процессовъ съ должниками, такъ и взысканіе долга по судебному рѣшенію было дѣломъ далеко не легкимъ. Являвшаяся слѣдствіемъ этого необезпеченность удовлетворенія подрывала кредитъ и затрудняла торговые обороты. Въ долгъ вѣрили рѣдко, и проценты были, конечно, весьма высоки, тѣмъ болѣе, что опредѣленіе ихъ размѣра законодательство вполнѣ предоставляло усмотрѣнію сторонъ. Для обезпеченія удовлетворенія прибѣгали къ залогу, который для большаго успокоенія кредитора часто облекался въ форму купли-продажи. *Heffter*, p. 466, 467; *Mayer*, Die Rechte der Israeliten, Athener und Römer, I, § 108. *George Perrot*, Démosthène, l. c.

(¹) *Demosthen.* or. cont. Pantaenetum, § 49; cont. Apaturium, § 25; in Stephanum, I, § 64; pro Phormione, §§ 25, 50.

(²) См. выше, стр. 195.

(³) *Demosthen.* or. in Stephanum prior, §§ 67, 70.

Digitized by Google

ка погасить всѣ претензіи кредиторовъ добровольной выдачей своего имущества наводитъ на мысль: не могли-ли также и наслѣдники, не принадлежавшіе къ разряду необходимыхъ, выдать все обремененное долгами наслѣдство кредиторамъ его оставителя и освободиться такимъ путемъ отъ всякой отвѣтственности передъ послѣдними за эти долги? Такая выдача всего наслѣдства сполна фактически была тѣмъ возможнѣе, что наслѣдственному имуществу составлялась обыкновенно опись и оцѣнка, какъ объ этомъ было говорено выше (¹). Но дѣло, конечно, здѣсь не въ существованіи фактическихъ препятствій къ такой выдачѣ; а въ томъ, соединялась-ли въ аѳинскомъ правѣ съ самымъ понятіемъ наслѣдственнаго перехода всегда и непремѣнно обязанность наслѣдника платить всѣ долги оставителя, хотя-бы сумма послѣднихъ была выше наслѣдственнаго актива?— Выше мы не разъ уже говорили, что въ основаніи всѣхъ опредѣленій аѳинскаго законодательства о наслѣдственномъ переходѣ лежало воззрѣніе на имущество, какъ на собственность семьи, а не индивидуума, и что порядокъ призванія наслѣдниковъ опредѣлялся съ одной стороны потребностью сохранить имущество умершаго въ его семьѣ, а съ другой желаніемъ обезпечить покойнику выполненіе установленныхъ религіею обрядовъ пріобрѣтеніемъ ему поклонника (²). Равнымъ образомъ, было нами указано и на то, что существовавшее въ аѳинскомъ правѣ различіе между наслѣдниками необходимыми и наслѣдниками, не принадлежавшими къ этому разряду, вытекало также изъ древняго воззрѣнія на семью, какъ на собственницу имущества, управляемаго ея главою, за хозяйственную дѣятельность котораго отвѣтственны всѣ его подвластные, которые поэтому обязательно наслѣдуютъ умершему главѣ и платятъ всѣ его долги (³). На чемъ-же могло основываться привлеченіе и наслѣдниковъ, не принадлежавшихъ къ разряду необходимыхъ, къ отвѣтственности за долги оставителя свыше средствъ оставленнаго послѣднимъ имущества?—Возможны три различныхъ предположенія на этотъ счетъ:

(¹) См. выше, стр. 166, примѣч. 1; стр., 178, примѣч. 6.

(²) См. выше, стр. 170—175.

(³) См. выше, стр. 152—155.

Digitized by Google

a) Основаніе этой отвѣтственности могло лежать въ представленіи, что съ принятіемъ наслѣдства на наслѣдника переходитъ личность наслѣдодателя ([1]).

b) Отвѣтственность наслѣдника за долги умершаго могла возникать изъ того, что съ принятіемъ наслѣдства онъ становился членомъ семьи умершаго и въ этомъ качествѣ приравнивался къ наслѣдникамъ необходимымъ послѣдняго ([2]).

c) Для наслѣдника, не принадлежавшаго къ числу подвластныхъ умершаго, отвѣтственность за долги послѣдняго могла являться лишь слѣдствіемъ перехода къ нему наслѣдственнаго имущества.

Что касается до перваго изъ этихъ предположеній, то идея преемства наслѣдникомъ юридической личности наслѣдодателя была, повидимому, совершенно чужда аѳинскому законодательству, такъ-что аѳиняне видѣли прежде всего въ наслѣдствѣ имущество. По крайней мѣрѣ нигдѣ нѣтъ указаній на то, чтобы на наслѣдника смотрѣли, какъ на преемника личности наслѣдодателя. Переходъ на наслѣдника атиміи, которой подвергся наслѣдодатель при жизни, а равнымъ образомъ и наслѣдственное пользованіе извѣстными почетными наградами вовсе не указываютъ на существованіе въ аѳинскомъ законодательствѣ помянутой идеи ([3]). Постановленія объ атиміи и о почетныхъ наградахъ относятся больше къ области публичнаго права, чѣмъ частнаго, и вызваны соображеніями политическими, а не явились, какъ слѣдствіе воззрѣнія, что наслѣдникъ продолжаетъ личность наслѣдодателя. Кромѣ того, наказаніе родственниковъ за преступленіе одного изъ родичей, а равнымъ образомъ и перенесеніе на нихъ государственною властью наградъ, заслуженныхъ однимъ изъ нихъ,—явленіе, свойственное не одному аѳинскому праву: оно замѣчается почти у всѣхъ народовъ, какъ древняго, такъ и новаго міра, право которыхъ намъ болѣе или менѣе извѣстно. И если хотятъ найдти источникъ подобныхъ по-

---

([1]) Ср. *Caillemer*. Nouvelle revue historique. 1877. p. 605.

([2]) *Gans*, Erbrecht, I, S. 414—415.

([3]) Ср. *Mayer*. Die Rechte der Israeliten, Athener und Römer, II, S. 30 n. 12.

Digitized by Google

становленій, то его надо искать не въ идеѣ преемства наслѣдникомъ личности наслѣдодателя, а въ воззрѣніи на всѣхъ родичей, какъ на членовъ одного цѣлаго, связанныхъ между собою полной общностью интересовъ. Круговая порука родичей, родовая месть, наказаніе всего рода за преступленія родича и другія сродныя этимъ институты общи всѣмъ народамъ, и всѣ коренятся въ представленіи о родственномъ союзѣ, какъ о единомъ цѣломъ, члены котораго связаны самыми крѣпкими узами. Что аѳиняне, признавая атимію наслѣдственной, выходили изъ этого-же воззрѣнія, это доказать не трудно: стоитъ только припомнить, что атимія, какъ уголовное наказаніе за важныя преступленія, переходила не на всѣхъ наслѣдниковъ, а лишь на прямыхъ нисходящихъ преступника (¹). Что касается до атиміи, налагавшейся на государственныхъ должниковъ, то хотя она и переходила на всѣхъ наслѣдниковъ, получившихъ наслѣдство умершаго, но была лишь мѣрой взысканія. Постановленія о ней вызывались интересами фиска и никоимъ образомъ не могутъ служить основаніемъ для предположенія, что наслѣдникъ считался продолжателемъ личности наслѣдодателя. Справедливость сказаннаго нами подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что аѳинское законодательство признавало наслѣдственными только штрафы въ пользу казны; штрафы-же въ пользу частныхъ лицъ, потерпѣвшихъ убытки отъ правонарушенія, не падали на наслѣдниковъ правонарушителя. Иски о вознагражденіи убытковъ представляютъ тому наглядный примѣръ. Когда кому либо былъ причиненъ намѣренно убытокъ, то по аѳинскимъ законамъ потерпѣвшій имѣлъ право искать съ виновника вознагражденіе вдвойнѣ; но искъ этого рода могъ быть предъявленъ только противъ самого виновника, а не про-

(¹) Въ позднѣйшемъ періодѣ аѳинской жизни, съ признаніемъ за каждымъ членомъ семьи большей самостоятельности, большей независимости отъ того родственнаго союза, къ которому онъ принадлежалъ, наказаніе потомковъ за преступленія предковъ стало казаться несправедливымъ. Возраженія противъ такой отвѣтственности сыновей за отцовъ встрѣчаются уже у ораторовъ (см. напр. *Isocratis* or. de bigis); но болѣе развиты они въ 9-й книгѣ Платоновыхъ разговоровъ о законахъ перев. Schulthess'a и Vögelin'a, см. т. II стр. 125 и слѣд.)

Digitized by Google

тивъ его наслѣдниковъ. Если даже виновный въ нанесеніи намѣреннаго ущерба другому лицу умеръ уже послѣ предъявленія противъ него иска потерпѣвшимъ, но до постановленія рѣшенія, то процессъ не могъ быть продолжаемъ противъ наслѣдниковъ. Къ послѣднимъ можно было предъявить лишь требованіе о простомъ вознагражденіи, и искъ, предъявляемый противъ нихъ, не могъ имѣть штрафнаго характера (¹).

Ораторы, повидимому, вездѣ безразлично употребляютъ выраженія „наслѣдство" и „имущество умершаго", совершенно отождествляя эти два понятія (²); а говоря о наслѣд-

---

(¹) *Meier und Schömann*, Der Att. proc., S. 453, 475 u. ff. У ораторовъ мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ подобнаго рода исковъ. Каллипъ обвинялъ банкира Пазія въ завѣдомо неправильной выдачѣ третьему лицу денегъ, которыя слѣдовало, будто бы, получить самому Каллипу, и предъявилъ противъ него штрафной искъ о вознагражденіи за убытки. Если-бы Каллипъ выигралъ этотъ искъ, то Пазій принужденъ бы былъ заплатить за убытки in duplum. Пазій умеръ, и штрафной искъ о вознагражденіи убытковъ былъ погашенъ его смертью. Противъ его наслѣдниковъ можно было предъявить лишь обыкновенный гражданскій искъ объ уплатѣ извѣстной денежной суммы. См. *Demosthen.* contra Callippum, argumentum et § 14. Точно также Навзимахъ и Ксенопиѳъ ищутъ съ наслѣдниковъ своего опекуна убытки не вдвое, какъ искали-бы съ самого опекуна, если-бы онъ былъ живъ. (См. *Demosthen.* exceptio adversus Nausimachum et Xenopithem; ср. in Aphobum III. §§ 59 и 60. Ср. *Platner*, Der Process. und die Klagen bei den Attikern. II, p. 289). Кромѣ этихъ двухъ примѣровъ, цитируемыхъ Caillemer'омъ, (Nouvelle revue historique, p. 612, n. 4), см. еще рѣчь Демосѳена противъ Калликла. Калликлъ ищетъ съ сосѣда вознагражденіе за вредъ, причиненный его полю дождевою водой, направившейся на это поле вслѣдствіе разрушенія сосѣдомъ рва, отводившаго воду. Отвѣтчикъ возражаетъ, что ровъ былъ засыпанъ еще въ то время, когда полемъ владѣлъ его отецъ, и что онъ не долженъ быть привлекаемъ поэтому къ отвѣтственности по иску объ убыткахъ.

(²) Взглядъ на наслѣдственный переходъ, какъ на переходъ имущества, на наслѣдство, какъ на имущество, оставленное умершимъ, и на наслѣдника, какъ на преемника имущества оставителя, постоянно высказывается ораторами. См. *Isaei* or. de Cironis hereditate, § 32; de Astyphili hereditate, argumentum, §§ 1—5, 8, 15—18, 24; de Hagniae hereditate, §§ 1, 2, 37, 39—43, 45 и слѣд.; de Apollodori hereditate, §§ 6, 10, 14, 29—33, 35; de Philoctemonis hereditate, §§ 9, 23, 28, 30,

Digitized by Google

ственныхъ долгахъ, обыкновенно выражаются такъ: „наслѣдникъ получилъ имущество, обремененное долгами“ (¹). Послѣднія выраженія даютъ намъ право заключить, что аѳиняне не представляли себѣ наслѣдство, какъ совокупность правъ и обязательствъ, и что долги не включались ими въ понятіе наслѣдственнаго имущества, какъ *bona passiva*, а тяготѣли надъ послѣднимъ, если можно такъ выразиться, извнѣ. Нигдѣ, напротивъ, мы не встрѣчали такихъ выраженій, въ которыхъ высказывался-бы взглядъ на наслѣдника, какъ на преемника личности умершаго. Въ виду всего вышесказаннаго приходится признать, что аѳиняне видѣли въ наслѣдствѣ простой переходъ имущества умершаго къ его преемникамъ.

Оставшееся послѣ умершаго имущество принадлежитъ его прямымъ нисходящимъ, къ которымъ тотчасъ-же переходитъ и обязанность уплатить всѣ долги умершаго. Обязанность эта лежитъ на нихъ не потому, что они суть будто-бы, представители личности умершаго, а основывается на принадлежности ихъ къ одной съ нимъ семьѣ и на подчиненіе ихъ его власти; причемъ предполагается, что вся его хозяйственная дѣятельность и всѣ его имущественныя распоряженія, какъ распоряженія семейнаго главы, были направлены на пользу семьи. Говоря иначе, необходимый наслѣдникъ отвѣчаетъ за долги оставителя наслѣдства потому, что послѣдніе являются настолько-же и его

35, 37, 38, 45 и др.; de Dicaeogenis hereditate, §§ 7, 9, 35; de Nicostrati hereditate, §§ 7—10, 15, 16, 20 и др.; de Pyrrhi hereditate, §§ 1—5, 42, 43, 46, 48, 50, 55, 59, 60, 67, 72—75; de Menecles hereditate, §§ 13, 39, 45; de Cleonymi hereditate, §§ 1, 2, 4, 5, 16, 24, 27, 28, 34, 40, 44, 45, 50. Словомъ, нѣтъ ни одной рѣчи Изея, гдѣ бы указанный взглядъ не проводился съ замѣчательною послѣдовательностію. Тоже мы встрѣчаемъ и у другихъ ораторовъ. См напр. *Lysiae* or. contra Diogitonem, §§ 22, 23; de bonis Aristophanis, §§ 32, 45—48, pro Mantitheo, § 10; *Andocidis* or. contra Alcibiadem, § 15; *Isocratis* Aegineticus, §§ 5, 12 и др. *Demosthenis* or. contra Olympiodorum, §§ 6, 37 и др.; in Stephanum I, § 3; II § 27; adversus Leocharem, §§ 19, 20, 24—28, 39, 49, 65; adversus Macartatum, §§ 51, 62; Contra Spudiam § 1; adversus Beotum I, § 6, II, § 13—15; contra Nausimachum et Xenopithem, § 28; pro Phormione, §§ 8—10; adversus Lacritum, § 4; in Aphobum I, §§ 42, 69, II, §§ 1—4, 13.

(¹) *Demosthenis* or. adversus Nausimachum et Xenopithem, § 7; adversus Beotum, § 22; *Isaei* or. de Aristarchi hereditate, §§ 15—17.

Digitized by Google

собственными долгами, насколько они суть долги предка. Вѣрность этого положенія подтверждается тѣмъ, что необходимые наслѣдники имѣли даже до нѣкоторой степени право наблюдать за распоряженіями отца и могли въ нѣкоторыхъ случаяхъ отказаться выполнять ихъ. Такъ, если отецъ при жизни оказывался неспособнымъ къ разумному управленію имуществомъ, то сыновья, какъ выше было указано (¹), имѣли право ходатайствовать объ отнятіи у него права распоряженія послѣднимъ. Точно также, если отецъ обѣщалъ при жизни или назначилъ въ завѣщаніи кому либо подарки безъ достаточныхъ основаній, а, напротивъ, побуждаемый къ тому гнѣвомъ, страстью къ женщинѣ или другимъ какимъ либо обстоятельствомъ, помрачившимъ его разсудокъ; а равно въ томъ случаѣ, когда такое распоряженіе было сдѣлано подъ вліяніемъ старческой дряхлости, слабоумія или вслѣдствіе принужденія,—сыновья были не обязаны выполнять таковыхъ распоряженій (²). Какъ ни покажется, можетъ быть, это страннымъ, но сказанное нами здѣсь вѣрно и въ примѣненіи къ тому случаю, когда наслѣдниками являются сыновья, уже отдѣлившіеся отъ отца. Хотя по выдѣлѣ ихъ изъ семьи, они становятся, повидимому, полными хозяевами принадлежащаго имъ имущества, и отецъ не имѣетъ права не только отобрать у нихъ это имущество обратно, но даже вмѣшиваться въ хозяйственныя распоряженія; но въ глазахъ закона этотъ раздѣлъ сыновей съ отцомъ есть явленіе только какъ-бы временное, случайное, которое теряетъ свое значеніе со смертью отца, такъ какъ отдѣлившіеся сыновья возвращаютъ тогда въ общую массу все то имущество, которое получено было ими ранѣе отъ отца, и передѣляютъ между собою все семейное достояніе. Разумѣется, въ такомъ новомъ передѣлѣ не будетъ надобности въ томъ случаѣ,

---

(¹) См. выше, стр. 151, 152, примѣч. 1, 2.

(²) *Demosthenis* in Stephanum or. posterior, § 14. Хотя приводимый ораторомъ законъ говоритъ о завѣщаніи въ смыслѣ назначенія наслѣдника; но указанныя здѣсь условія дѣйствительности посмертныхъ распоряженій примѣнимы, очевидно, и къ завѣщаніямъ, въ которыхъ установлялся только легатъ. Мы видѣли, что при существованіи прямыхъ наслѣдниковъ, размѣръ легатовъ, даже установленныхъ по разумнымъ и достаточнымъ основаніямъ, подлежалъ извѣстнымъ ограниченіямъ.

Digitized by Google

когда отецъ самъ еще при жизни отказался отъ главенства въ семьѣ и раздѣлилъ все семейное имущество между сыновьями, не оставивъ за собой ничего и предоставивъ сыновьямъ давать ему пріютъ и пропитаніе. А пока отецъ живъ и удерживаетъ въ своихъ рукахъ часть своего имущества, законъ продолжаетъ смотрѣть на него, какъ на главу семьи, и всѣ распоряженія его по оставшемуся въ его личномъ завѣдываніи имѣнію признаются попрежнему распоряженіями законнаго представителя семьи, обязательными для его подвластныхъ, которые все также отвѣтственны за эти распоряженія, какъ и прежде, не смотря на свое видимое отдѣленіе отъ семьи. Но если безграничная отвѣтственность необходимаго наслѣдника по всѣмъ долгамъ оставителя наслѣдства обусловливалась принадлежностью его къ семьѣ послѣдняго, то не становился-ли и всякій другой наслѣдникъ, по принятіи имъ наслѣдства, въ одинаковое положеніе съ наслѣдникомъ необходимымъ? Предположеніе это мы охотно допустили-бы въ томъ случаѣ, если-бы оказалось вѣрнымъ, что аѳинское законодательство всякаго наслѣдника считало сыномъ наслѣдодателя; но мы уже указали на полную несостоятельность этого мнѣнія, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ періоду, послѣдовавшему за изданіемъ законовъ Солона (¹). Убѣдившись, что по аѳинскому праву имущество умершаго могло переходить къ тѣмъ родственникамъ, которые не могли стать въ положеніе сыновей, т. е. къ его восходящимъ, а равнымъ образомъ, найдя положительныя свидѣтельства тому, что наслѣдники изъ боковыхъ нисходящихъ не всегда были обязаны вступать въ семью умершаго (²), мы поневолѣ должны относиться съ недовѣріемъ къ господствующему между учеными воззрѣнію, что по аѳинскимъ законамъ всякій наслѣдникъ непремѣнно отвѣчалъ передъ кредиторами наслѣдодателя ultra vires hereditatis. Наше недовѣріе находитъ еще большее оправданіе въ различіи основаній, по которымъ призываются къ наслѣдству прямые нисходящіе умершаго и другіе его наслѣдники. Въ то время, какъ первые еще при жизни своего предка являются обязательно участниками въ его имуществѣ и въ его

(¹) См. выше, стр. 159, 170 и слѣд.

(²) *Isaei* or. de Menecles hereditate, §§ 33, 46.

Digitized by Google

долгахъ, относительно послѣднихъ нельзя сказать того же самаго. Чтобы доказать это, попытаемся уяснить себѣ имущественныя отношенія между семьями, отдѣлившимися отъ одной общей семьи—родительницы. Мы уже сказали, что имущество, остающееся въ рукахъ отца при раздѣлѣ его съ сыновьями, продолжаетъ считаться общимъ имуществомъ всѣхъ его нисходящихъ, говоря иначе—имуществомъ всѣхъ членовъ семьи-родительницы; а потому, по смерти отца, оно дѣлится между семьями его сыновей поровну (¹), при чемъ на каждую семью, участвующую въ раздѣлѣ, падаетъ и обязанность участвовать въ уплатѣ всѣхъ долговъ отца, такъ какъ его долги суть долги семьи родительницы. Имущество, перешедшее въ руки сына при раздѣлѣ его съ отцомъ, также не становится полной собственностью перваго; къ сыну переходитъ лишь право исключительнаго пользованія и право самостоятельнаго распоряженія доставшейся ему долей въ своемъ личномъ интересѣ и въ интересѣ его собственныхъ нисходящихъ; право-же собственности на имущественную долю, выдѣленную семьѣ-дочери (просимъ позволенія употреблять этотъ терминъ), продолжаетъ оставаться у семьи-родительни-

---

(¹) Что наслѣдство между нисходящими дѣлилось именно такимъ образомъ, объ этомъ см., между прочимъ, у *Caillemer*'a, Revue de législation. 1877, а также у *Grasshoff*'a, Symbolae ad doctrinam juris Attici de hereditatibus I. De successione ab intestato. Berolini. 1877, p. 21—30.

(²) Не смотря на признаніе за каждымъ индивидуумомъ права на обладаніе и распоряженіе его имуществомъ, послѣднее и въ народномъ собраніи аѳинянъ, и въ ихъ законодательствѣ продолжало считаться принадлежностью всей семьи. Аѳинское воззрѣніе на собственность особенно хорошо выражено у Платона. См. разговоры о законахъ, XI. Философъ представляетъ себѣ людей жалующимися на то, что они не имѣютъ права распоряжаться своимъ имуществомъ на случай смерти, и законодатель такъ отвѣчаетъ на эту жалобу: «Для васъ, жизнь которыхъ такъ кратковременна, очень трудно знать то, что принадлежитъ вамъ и еще труднѣе узнать себя самихъ. Поэтому, какъ законодатель, я объясню вамъ, что не только имущество, которымъ вы доселѣ обладаете, не ваше, но и вы сами не хозяева себѣ: ибо вы вмѣстѣ со всѣмъ вашимъ достояніемъ принадлежите всему вашему роду, тому, который былъ до васъ и тому, который будетъ послѣ васъ; а весь родъ со всѣмъ своимъ имуществомъ принадлежитъ государству». См. разговоры о законахъ, кн. XI нѣмец. перев. Schulthess'a и Vögelin'a, II. p. 255—258.

Digitized by Google

цы (*). Отсюда вытекаетъ обязанность сыновей возвратить свои доли въ общую массу при окончательномъ раздѣлѣ семейнаго имущества по смерти отца; на этомъ-же основывается право восходящихъ и боковыхъ родственниковъ на наслѣдство. Это право семьи родительницы на имущество отдѣлившагося отъ нея сына можно сравнить съ правомъ квиритскаго собственника, въ рукахъ котораго осталось только nudum jus; права же на это имущество семьи-дочери можно будетъ приравнять къ правамъ бонитарнаго собственника. Вотъ почему, какъ только сынъ умираетъ, не оставивъ по себѣ потомковъ, и семья-дочь прекращаетъ, стало быть, свое существованіе, имущество сына возвращается къ членамъ семьи-родительницы. Сынъ, распоряжаясь выдѣленнымъ ему имуществомъ самостоятельно, можетъ обременить послѣднее долгами, но за долги эти семья, изъ которой онъ выдѣлился, не можетъ быть привлечена къ отвѣтственности въ той-же мѣрѣ, въ какой она отвѣтственна за долги своего главы. Ибо сынъ не уполномоченъ вести дѣла семьи; онъ не заботится объ ея интересахъ, а ведетъ свое хозяйство, имѣя въ виду свой личный интересъ и интересъ своихъ собственныхъ потомковъ. Семья никогда не платитъ долговъ своего сочлена, если они сдѣланы не по уполномочію ея представителя. Это правило должно одинаково примѣняться къ сыновьямъ неотдѣленнымъ и отдѣленнымъ (*). Сынъ, отдѣлившійся отъ семьи, получилъ въ свое распоряженіе извѣстную часть, и если онъ сдѣлался несостоятельнымъ, то семья отвѣчаетъ за его долги только той долей своего имущества, право распоряженія которой было уступлено этому сыну. Пользуясь выраженіями, употребленными нами ранѣе, можно сказать, что семья-мать обязана отвѣчать за долги семьи-дочери лишь тѣмъ имуществомъ, которое возвратилось къ первой, по прекращеніи существованія послѣдней. Именно съ этой точки зрѣнія долженъ быть обсуждаемъ вопросъ о размѣрѣ отвѣтственности за долги умершаго наслѣдниковъ, не принадлежавшихъ къ числу его подвластныхъ. Понятно, послѣ сказаннаго, почему мы не можемъ допу-

(*) См. *Isocratis Trapezificus*, §§ 4, 35, 37. Ср. *Meier und Schoemann*, Der Attische Process, p. 431; *Van-den-Es*, De jure familiarum apud Athenienses, p. 138.

стить того предположенія, что аѳинское законодательство налагало, напр. на отца, получающаго имущество умершаго сына, обязанность уплатить всѣ долги послѣдняго, свыше средствъ этого имущества. Допущеніе возможности такой отвѣтственности отца за долги сына было-бы, въ примѣненіи къ аѳинскому праву, такъ-же нелѣпо, какъ было-бы нелѣпостью утверждать, что древне-римскій pater familias обязанъ былъ, по возвращеніи къ нему находившагося въ рукахъ сына peculium'а, отвѣчать передъ кредиторами этого сына сполна, а не стоимостью имуществъ, входившихъ въ составъ пекуліума (¹). Сказанное объ отцѣ примѣнимо и къ другимъ, какъ восходящимъ, такъ и боковымъ родственникамъ умершаго, являющимся его наслѣдниками. Всѣ они имѣютъ право на полученіе имущества умершаго, вслѣдствіе принадлежности къ одной съ нимъ семьѣ-прародительницѣ, сохраняющей верховное право на это имущество, и никто изъ нихъ не обязанъ платить собственными средствами его долговъ, какъ во время его жизни, такъ и по смерти. Отвѣтственность за долги умершаго въ этомъ случаѣ возникаетъ для наслѣдника вслѣдствіе перехода къ послѣднему имущества, которое оставитель при жизни обременилъ долгами, и размѣръ этой отвѣтственности долженъ, слѣдовательно, ограничиваться средствами этого имущества. Такъ-что родственникъ, хотя и принявшій наслѣдственное имущество, но потомъ добровольно выдавшій его все сполна кредиторамъ умершаго, избавляется отъ дальнѣйшей отвѣтственности за долги послѣдняго (²). Намъ остается сказать о тѣхъ

(¹) Что аналогія съ римскимъ институтомъ peculium'а здѣсь возможна, это очевидно. Но несомнѣнно, что аѳинское право гораздо ранѣе, чѣмъ римское, пришло къ признанію за сыномъ большей самостоятельности въ отношеніи къ праву сына имѣть собственное имущество и что уже во времена Солона оно держалось въ этомъ отношеніи тѣхъ воззрѣній, которыя стали проникать въ римскую жизнь лишь въ императорскій періодъ, когда появились peculium castrense, peс. quasi castrense и, наконецъ, peculium adventitium.

(²) Это положеніе не противорѣчитъ правилу, что наслѣдникъ, принявшій наслѣдство, уже не можетъ отказаться отъ него. Родственникъ, выдавшій наслѣдственное имущество кредиторамъ, не лишается вслѣдствіе этой выдачи своего качества наслѣдника, а избавляется только отъ обязанности платить долги наслѣдодателя. Онъ, напримѣръ, остается обязаннымъ совершать въ честь усопшаго всѣ требуемые религіей обряды и не можетъ отказаться отъ выполненія этой обязанности ни въ какомъ случаѣ.

Digitized by Google

наслѣдникахъ, которые, не будучи по рожденію членами семьи, подвластной умершему, и не принадлежа къ этой семьѣ при его жизни, усыновляются ему по смерти. Очевидно, что на этого рода наслѣдниковъ, по принятіи ими наслѣдства, можно смотрѣть, какъ на прямыхъ потомковъ умершаго и, сообразно съ этимъ воззрѣніемъ, обсуждать вопросъ объ отвѣтственности ихъ за долги ихъ усыновителя. Но нѣкоторые факты, уже приведенные нами выше, противорѣчатъ подобному заключенію. Мы уже имѣли случай указать на то обстоятельство, что лицо, усыновлявшееся умершему, очень часто являлось не единственнымъ наслѣдникомъ послѣдняго. Такъ, возможны были случаи, что усыновленному по завѣщанію назначалась извѣстная часть имущества, тогда какъ остальное все переходило къ законнымъ наслѣдникамъ (¹). Случалось и такъ, что изъ нѣсколькихъ родственниковъ, получившихъ наслѣдство, выбирался одинъ, записывавшійся сыномъ умершаго (²). Иногда родственникъ, бывшій единственнымъ наслѣдникомъ умершаго, усыновлялъ ему впослѣдствіи одного изъ своихъ нисходящихъ (³). Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ странно будетъ предположить безусловную отвѣтственность усыновленнаго такимъ образомъ наслѣдника по долгамъ умершаго усыновителя. Три племянника дѣлятъ, напр., между собою наслѣдство дяди, и одинъ изъ нихъ усыновляется послѣднему, т. е. беретъ на себя обязанность справлять поминки по умершемъ и продолжать его домашній культъ: было-бы, конечно, очевидной несправедливостью возлагать еще на этого послѣдняго племянника и обязанность платить долги умершаго свыше силъ доставшагося ему наслѣдственнаго имущества, когда его братья, участвовавшіе наравнѣ съ нимъ въ раздѣлѣ дядинаго имущества, избавлены отъ такой обязанности. Приходится, такимъ образомъ, признать, что усыновленіе, имѣвшее мѣсто уже по смерти усыновителя, служило во многихъ случаяхъ

(¹) *Isaei* or. de Dicaeogenis hereditate, argumentum.

(²) *Demosthen.* or. adversus Leocharem, § 66.

(³) Такъ могъ-бы поступить Теономъ. См. выше, стр. 149. Также поступилъ Леостратъ, усыновивъ Леократу II-му Леохара. Adversus Leocharem, § 24. См. также or. de Aristarchi hereditate, argumentum.

Digitized by Google

лишь средствомъ для продолженія семейнаго культа и фамильнаго имени умершаго, не оказывая никакого вліянія на отношенія наслѣдниковъ къ имуществу умершаго и его долгамъ. Да и вообще трудно предположить, чтобы наслѣдникъ, усыновленный завѣщаніемъ, по принятіи имъ наслѣдства могъ быть привлекаемъ, подобно сыну законному или усыновленному при жизни, къ отвѣтственности за всѣ долги завѣщателя своимъ собственнымъ имуществомъ. Противъ наложенія на него такой отвѣтственности говоритъ уже то обстоятельство, что завѣщателю принадлежала полная свобода обременить оставляемое имъ по завѣщанію наслѣдство всякаго рода легатами и свести такимъ образомъ до минимума стоимость переходящаго къ наслѣднику имущества (¹). Впрочемъ, мы

(¹) *Isaei* or. de Nicostrati hereditate, § 9. Каллій, какъ разсказываетъ Андокидъ, пожелалъ сдѣлать народъ аѳинскій наслѣдникомъ всего своего имущества, на случай если самъ умретъ бездѣтнымъ. (Andocidis or. contra Alcibiadem, § 15). Предположимъ, что подобное намѣреніе осуществилось-бы и все имущество Каллія сдѣлалось-бы собственностью аѳинскаго народа: тогда, какъ мы думаемъ, благодарные согражданe жертвователя, а особенно гордые такимъ поступкомъ съ его стороны его фраторы не затруднились бы отыскать такое лицо, на которое возложили бы обязанность родительничать въ память Каллія. Это лицо могло бы быть записано въ книгѣ фратріи сыномъ Каллія, носило бы имя послѣдняго; но, конечно, не отвѣчало бы за его долги. Обязанъ-ли былъ наслѣдникъ платить подарки и пожертвованія, обѣщанные наслѣдодателемъ при жизни, но не выданные за смертію? Мы имѣемъ въ источникахъ только одинъ примѣръ подобнаго случая. Менексенъ обѣщалъ пожертвованіе въ пользу своего роднаго города и умеръ, не выполнивъ обѣщанія. Послѣ сына его, Дикэогена, умершаго бездѣтнымъ, наслѣдниками явились съ одной стороны сестры Дикэогена и ихъ потомки, съ другой сынъ нѣкоего Проксена, также Дикэогенъ по имени, получившій $^1/_8$ наслѣдства на основаніи завѣщанія. Наслѣдники не могли мирно раздѣлиться, и между ними постоянно возникали процессы. Въ рѣчи, написанной Изеемъ по случаю одного изъ этихъ процессовъ для противниковъ Дикэогена, ораторъ упрекаетъ послѣдняго въ томъ, что онъ не выполнилъ обѣта, даннаго Менексеномъ, къ потомкамъ котораго онъ себя причисляетъ. Но изъ упрека, дѣлаемаго ораторомъ, никоимъ образомъ нельзя вывести, какъ это сдѣлалъ Caillemer (Nouv. revue hist. 1877, p. 606), того заключенія, что наслѣдникъ Менексена былъ обязанъ исполнить обѣщаніе послѣдняго. Во первыхъ, если бы на наслѣдникѣ дѣйствительно лежала такая обязанность, то ее долженъ бы былъ выполнить еще

Digitized by Google

охотно можемъ допустить, что практика аѳинскихъ судовъ въ этомъ случаѣ была неоднообразна: такъ какъ народное сознаніе въ рѣшеніи этого вопроса могло колебаться между представленіемъ объ усыновленіи, какъ о замѣнѣ естественнаго рожденія, и воззрѣніемъ, что усыновленный по завѣщанію есть всетаки чужой въ семьѣ усыновителя. Во всякомъ случаѣ остается неоспоримымъ то положеніе, что для наслѣдниковъ, не принадлежавшихъ къ семьѣ умершаго, отвѣтственность за долги послѣдняго возникала лишь вслѣдствіе полученія этими лицами его имущества и должна была ограничиваться средствами этого имущества. Выше средствъ послѣдняго она становилась обязательной только въ томъ случаѣ, когда наслѣдникъ отказывался добровольно выдать обремененное долгами наслѣдство на удовлетвореніе кредиторовъ, или не могъ доказать, что оно уже выдано имъ сполна.

Въ виду этихъ, выведенныхъ нами логическимъ путемъ, заключеній, особенное значеніе пріобрѣтаютъ для насъ данныя, находящіяся въ рѣчи Демосѳена противъ Лакрита, которую мы не разъ уже цитировали. Торговецъ Андроклъ далъ взаймы купцу Артемону довольно большую денежную сумму. Должникъ умеръ, не уплативъ долга. Кредиторъ обращается съ искомъ къ брату умершаго Лакриту и доказываетъ, что послѣдній долженъ уплатить долгъ во первыхъ потому, что торговля велась братьями очевидно сообща и что Лакритъ, какъ старшій между братьями и завѣдывавшій всѣми дѣлами по молодости послѣднихъ, самъ участвовалъ въ заключеніи этого займа и ручался кредитору за своевременную уплату, что онъ даже самъ писалъ и запечатывалъ и надписывалъ заемное обязательство (синграфа) на

сынъ Менексена; во вторыхъ, обязанность эта равно лежала бы на всѣхъ наслѣдникахъ Менексена, слѣдовательно, также на кліентахъ Изея, и городъ не замедлилъ бы потребовать отъ нихъ выполненія обѣщанія ихъ предка. Намъ кажется, что упомянутый упрекъ оратора имѣетъ тоже значеніе, какъ и другіе упреки, дѣлаемые имъ въ этой рѣчи противнику его кліентовъ: ораторъ желаетъ указать на нерадѣніе послѣдняго къ общественнымъ интересамъ. Пріемъ, обыкновенно употреблявшійся тяжущимися въ аѳинскихъ судахъ для того, чтобы уронить своего противника во мнѣніи судей. (См. *Isaei* or. de Dicaeogenis hereditate, §§ 40 и слѣд. до конца рѣчи).

Digitized by Google

имя своего брата (¹). Изъ самаго содержанія документа, предъявленнаго ко взысканію, видно, что это былъ заемъ подъ залогъ товаровъ, которые должны быть привезены на кораблѣ, отправляющемся въ плаваніе. Взысканіе по такимъ торговымъ обязательствамъ производилось съ большой строгостью, на основаніи особыхъ законовъ. Въ самомъ документѣ, между прочимъ, сказано, что кредитору, въ случаѣ неуплаты долга въ срокъ и недостаточности для покрытія его суммы, имѣющей быть вырученной отъ продажи залога, предоставляется право получить удовлетвореніе изъ всѣхъ имуществъ должника, находящихся на сушѣ и на морѣ, въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, словомъ, поступать съ имуществомъ должника и съ нимъ самимъ такъ, какъ будто-бы послѣдній, будучи присужденъ судомъ къ уплатѣ, не исполнилъ судебнаго рѣшенія въ указанный срокъ (²). Но такъ какъ Лакритъ возражаетъ, что онъ не долженъ платить по этому документу, ибо онъ не участвовалъ въ обязательствѣ, данномъ его братомъ и не поручался за послѣдняго; то кредиторъ требуетъ съ него уплаты, какъ съ наслѣдника должника, получившаго имущество послѣдняго. Лакритъ возражаетъ на это, что онъ не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности въ качествѣ наслѣдника, ибо онъ не владѣетъ имуществомъ умершаго брата. Опроверженіе обоихъ возраженій Лакрита составляетъ цѣль рѣчи Демосѳена. Что-же говоритъ ораторъ? Онъ нигдѣ не указываетъ, какъ выше мы замѣтили, на то, что Лакритъ въ качествѣ наслѣдника долженъ отвѣчать свыше силъ наслѣдства. Въ § 4 рѣчи ораторъ утверждаетъ только, что все имущество умершаго должника находится въ рукахъ отвѣтчика, къ которому перешло по наслѣдству, и что нѣтъ закона, который позволялъ бы лицу, владѣющему и управляющему по собственному произволу имуществомъ брата, не платить долговъ брата. О размѣрѣ, въ которомъ Лакритъ отвѣтственъ за эти долги, ораторъ не говоритъ ни слова, да и не имѣетъ надобности говорить: такъ какъ, во первыхъ, не его дѣло указывать на стоимость наслѣдственнаго имущества, перешед-

---

(¹) *Demosthen.* or. adversus Lacritum, argumentum et §§ 7, 8, 13, et coet.

(²) Eod. l. § 40. Ср. выше, стр. 195—197.

Digitized by Google

шаго къ отвѣтчику; а во вторыхъ, онъ считаетъ Лакрита отвѣтственнымъ сполна, какъ соучастника въ торговомъ предпріятіи и въ обязательствѣ брата и какъ поручителя за послѣдняго. Слова оратора вездѣ ясны и не даютъ повода ни къ какимъ сомнѣніямъ. Неяснымъ остается только одно: на какомъ основаніи Лакритъ отказывался отвѣчать въ качествѣ наслѣдника? Утверждалъ-ли онъ, что онъ совсѣмъ не вступалъ во владѣніе наслѣдствомъ своего брата, или-же, не отрицая перехода къ нему братняго имущества, указывалъ на то, что онъ потомъ отступился отъ этого имущества, выдавъ его все? Ораторъ два раза говоритъ объ этомъ возраженіи своего противника (¹). и оба раза изъ его словъ можно вывести, что Лакритъ могъ отказываться отъ уплаты долговъ своего брата какъ по тому, такъ и по другому основанію: т. е. онъ могъ утверждать какъ то, что онъ не наслѣдникъ брата, ибо не принималъ его наслѣдства, такъ и то, что онъ, получивъ наслѣдственное имущество, впослѣдствіи отступился отъ него. Было-бы странно, конечно, если-бы Лакритъ сталъ отрицать свое право быть наслѣдникомъ брата, умершаго безъ потомства. Возраженіе, что онъ не есть наслѣдникъ, очевидно, могло быть основано имъ лишь на отказѣ его отъ принятія наслѣдства. Рядомъ съ этимъ возраженіемъ Лакрита въ рѣчи указана возможность другаго, именно, что онъ уступилъ имущество своего брата, которое, слѣдовательно, уже находилось въ его владѣніи. Въ чью-же пользу онъ могъ отступиться отъ полученнаго имъ наслѣдства? Мы не имѣемъ права предположить, что здѣсь подразумѣвается передача Лакритомъ полученнаго имъ имущества въ руки другихъ сонаслѣдниковъ, такъ какъ въ рѣчи нѣтъ никакого намека на такую передачу; остается, слѣдовательно, возможнымъ одно только предположеніе, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о выдачѣ наслѣдникомъ всего наслѣдства въ пользу кредиторовъ наслѣдодателя. Разумѣется, Лакритъ не могъ предъявить обоихъ указанныхъ сейчасъ возраженій вмѣстѣ; но какъ человѣкъ ловкій (ораторъ рисуетъ его намъ, какъ ученаго и краснорѣчиваго софиста и въ тоже время, какъ изворотливаго и опытнаго въ надуватель-

(¹) Eod. loc., §§ 4 et 49

Digitized by Google

ствѣ торговца ([1])), онъ въ своемъ возраженіи могъ нарочно выразиться неясно, сказавъ просто, что онъ не наслѣдуетъ имущества брата. Выражаясь такъ, онъ давалъ поводъ къ промаху со стороны истца. Послѣдній могъ исключительно обратить свои усилія на то, чтобы доказать принятіе Лакритомъ братняго наслѣдства. Лакритъ тогда-бы отвѣтилъ, что не отрицаетъ полученія имъ наслѣдства, но что онъ уступилъ (выдалъ) сполна все имущество умершаго брата и не можетъ быть поэтому привлеченъ къ отвѣтственности кредиторами послѣдняго. Предвидя возможность подобной уловки со стороны отвѣтчика, ораторъ и опровергаетъ заранѣе оба возраженія, указывая, что Лакритъ продолжаетъ владѣть и управлять всѣмъ имуществомъ брата. Германнъ, ссылаясь на эту рѣчь, замѣтилъ, что Лакритъ отказывается платить долги своего брата, повидимому, уже по принятіи имъ наслѣдства послѣдняго, и, основываясь на этомъ примѣрѣ, названный ученый не рѣшился дать опредѣленнаго отвѣта по вопросу о томъ, налагали-ли аѳинскіе законы на наслѣдниковъ обязанность платить всѣ долги наслѣдодателя свыше средствъ оставленнаго послѣднимъ имущества ([2]). Мы не только охотно присоединяемся къ этой догадкѣ, высказанной извѣстнѣйшимъ знатокомъ греческихъ древностей и греческаго права, но идемъ даже далѣе. Съ нашей точки зрѣнія, указываемыя ораторомъ возраженія Лакрита служатъ доказательствомъ того, что въ Аѳинахъ наслѣдникъ могъ и по принятіи наслѣдства умершаго избавиться отъ всякой отвѣтственности передъ кредиторами послѣдняго, отказавшись въ пользу ихъ отъ всего полученнаго по наслѣдству имущества. Замѣтимъ здѣсь еще одно обстоятельство, имѣющее, по нашему мнѣнію, немаловажное значеніе для правильнаго пониманія разбираемой нами рѣчи,—это именно особое положеніе отвѣтчика, какъ иностранца. Лакритъ и его братъ—уроженцы города Фазелиса ([3]) и принадлежатъ къ числу тѣхъ иностранныхъ купцовъ, которые въ большомъ

([1]) Eod. loc., §§ 15, 40 и др.

([2]) *Hermann*, Lehrbuch der Griechischen Antiquitäten, § 71, n. 2.

([3]) Phaselis—греческій городъ въ Ликіи, на границахъ Памфиліи Strabo).

Digitized by Google

количествѣ стекались въ Аѳины по своимъ торговымъ дѣламъ и иногда подолгу проживали тамъ. Торговые законы аѳинянъ, вообще строгіе по отношенію къ должникамъ (¹), должны были примѣняться съ особенной строгостью по отношенію къ должникамъ изъ иностранцевъ, которые, выѣхавъ изъ Аѳинъ, легко могли уклоняться отъ уплаты долговъ (²). Въ данномъ случаѣ такъ и было. Должникъ умеръ, а наслѣдники его и не думали расплачиваться съ его кредиторами, жившими въ Аѳинахъ. Является въ Аѳины братъ должника, и кредиторъ, конечно, спѣшитъ предъявить къ нему взысканіе. Потому-то ораторъ во всей своей рѣчи главнымъ образомъ старается показать судьямъ, какъ его кліентъ былъ обманутъ должниками, и на Лакрита онъ указываетъ, какъ на участника въ обязательствѣ и на главнаго обманщика, который безсовѣстнымъ образомъ пользуется довѣріемъ, оказываемымъ ему со стороны аѳинскихъ купцовъ, благодаря его богатству. На возраженія Лакрита ораторъ почти не обращаетъ вниманія. Онъ главнымъ образомъ бьетъ на то, чтобы возбудить негодованіе судей противъ иностраннаго торговца, обманывающаго довѣріе аѳинянъ, и вся рѣчь направлена преимущественно противъ личности Лакрита, котораго не щадитъ ораторъ (³); причемъ сильно достается отъ послѣдняго и всѣмъ согражданамъ Лакрита, которыхъ онъ называетъ самыми нечестивыми и коварными людьми изъ всѣхъ грековъ и варваровъ, ведущихъ торговлю съ аѳинянами, обвиняетъ ихъ въ страсти къ сутяжничеству и въ постоянномъ нарушеніи ими принимаемыхъ на себя обяза-

---

(¹) См. выше, стр. 195 примѣч. 4. Ср. *Demosthen.* orationes adversus Apaturium, adversus Formionem, adversus Lacritum, adversus Dionysiodorum.

(²) *Hermann*, Lehrbuch der Griechischen Antiquitäten, Th. III, § 41, S. 360: «Sei es in Folge wechselseitiger Verträge oder eigener Gesetzgebung der fremde Kaufmann dem eingeborenen in allen Rechtsfragen völlig gleichgestellt». Соглашаясь вполнѣ съ этимъ положеніемъ, мы думаемъ однако, что на практикѣ аѳинскіе суды строже относились къ иностраннымъ купцамъ, чѣмъ къ своимъ согражданамъ.

(³) *Demosthen.* or. adversus Lacritum, §§ съ 15 по 43, особенно §§ 16, 17, 22, 26, 28, 41, 43, 46.

Digitized by Google

тельствъ (¹). Итакъ мы видимъ, что въ данномъ случаѣ процессъ носилъ совершенно исключительный характеръ, вполнѣ невыгодный для отвѣтчика, который могъ проиграть свое дѣло именно вслѣдствіе особенности своего положенія (съ иностранцами въ древности, какъ извѣстно, вообще не очень церемонились). Но если даже, находясь въ такихъ невыгодныхъ условіяхъ, Лакритъ могъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности за долги своего брата, доказавъ, что онъ уступилъ все полученное имъ послѣ этого брата имущество; то тѣмъ болѣе могъ воспользоваться всегда подобнымъ возраженіемъ аѳинскій гражданинъ. Конечно, можно не согласиться съ нашимъ предположеніемъ относительно тѣхъ возраженій, которыя могли быть сдѣланы Лакритомъ противъ иска со стороны кредиторовъ его умершаго брата. Мы не станемъ даже особенно настаивать на этомъ предположеніи, хотя оно представляется намъ весьма вѣроятнымъ. Но во всякомъ случаѣ мы рѣшительно утверждаемъ, что §§ 4 и 49 разбираемой рѣчи не даютъ никакихъ основаній для заключенія, что по аѳинскому праву наслѣдникъ, разъ принявшій наслѣдство, неизбѣжно былъ обязанъ платить всѣ долги его оставителя свыше стоимости полученнаго имъ наслѣдства.

Впрочемъ, мы не утверждаемъ безусловно, что аѳинское право освобождало непремѣнно всякаго наслѣдника, не принадлежавшаго къ разряду необходимыхъ, отъ обязанности платить всѣ долги оставителя въ томъ случаѣ, если онъ добровольно выдавалъ на удовлетвореніе кредиторовъ полученное имъ наслѣдство. Мы уже выше указали на возможность исключеній изъ этого правила по отношенію къ наслѣдникамъ, усыновленнымъ въ завѣщаніи. Сказано было также и о томъ, что, въ случаѣ спора, обязанность доказать отреченіе отъ всего наслѣдства и выдачу всего наслѣдственнаго имущества должна была лежать, конечно, на наслѣдникѣ, и если послѣдній не могъ представить надлежащихъ доказательствъ тому, что все наслѣдство выдано имъ сполна, то долженъ былъ, конечно, отвѣчать за всѣ долги наслѣдодателя безъ всякаго ограниченія. Кромѣ того, исключеніе изъ указаннаго нами правила могло имѣть мѣсто еще въ томъ случаѣ, когда наслѣдниками являлись родственники,

---

(¹) *Demosthen.* adversus Lacritum, §§ 1, 2.

Digitized by Google

хотя и не принадлежавшіе къ одной семьѣ съ умершимъ, но жившіе нераздѣльно съ нимъ и имѣвшіе общее съ нимъ имущество и общее хозяйство. Случаи, что члены семьи не дѣлились по смерти главы, были нерѣдки даже во времена ораторовъ (¹). Иногда и по раздѣлѣ семейнаго имущества родственники могли сообща вести какое нибудь дѣло, въ общихъ выгодахъ и на общій счетъ. Во всѣхъ такого рода случаяхъ вопросъ объ отвѣтственности всѣхъ членовъ за долги, сдѣланные однимъ изъ нихъ, могъ обсуждаться различно, смотря по обстоятельствамъ даннаго случая. За неимѣніемъ въ источникахъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ, мы ограничимся лишь указаніемъ на возможность примѣненія въ аѳинскихъ судахъ къ рѣшенію дѣлъ этого рода тѣхъ же принциповъ, которымъ издавна слѣдуетъ въ этомъ отношеніи индусское законодательство.

Въ заключеніе напомнимъ читателю сказанное нами выше о недостаточной опредѣленности частнаго гражданскаго законодательства аѳинянъ. Вѣчная борьба политическихъ партій въ городѣ и частыя войны съ внѣшними врагами поглощали всѣ духовныя силы народа, направляя ихъ на заботы внутренней и внѣшней политики; а дѣло установленія прочнаго порядка въ частномъ гражданскомъ быту и послѣдовательнаго развитія институтовъ частнаго права отодвигалось вслѣдствіе этого постоянно на второй планъ. Послѣ Солона, законы котораго хотя и признавались всегда, но не всегда соблюдались подъ вліяніемъ постояннаго перехода власти отъ одной партіи къ другой, и къ которымъ, кромѣ того, было сдѣлано много прибавленій въ позднѣйшее время, мы надолго не видимъ какой либо серьезной попытки привести въ порядокъ издававшіеся въ разное время гражданскіе законы. Только послѣ сверженія 30 тирановъ было найдено необходимымъ собрать и пересмотрѣть вновь всѣ прежніе законы. Потребность въ этомъ ощущалась, впрочемъ, еще гораздо ранѣе. Языкъ старинныхъ источниковъ права и даже начертаніе буквъ, которыми они были написаны, сдѣлались давно уже непонятными для народа, и ораторы пользовались нерѣдко этимъ, толкуя въ свою пользу малопо-

---

(¹) См. *Demosthen.* or. in Neaeram, §§ 2, 6, 7; adversus Boeotum, §§ 13—15, 57—60; adversus Leocharem, § 18.

Digitized by Google

нятныя для большинства гражданъ изреченія закона. Самое содержаніе законовъ устарѣло и измѣнилось въ силу новыхъ обычаевъ и новыхъ постановленій. Старые законы, говоритъ Курціусъ въ своей Исторіи Греціи, какъ бы выкапывались изъ подъ кучи позднѣйшихъ постановленій, часто совершенно противорѣчившихъ имъ (¹). По изгнаніи 30 тирановъ, при архонтѣ Евклидѣ нѣкто Тисаменъ внесъ предложеніе, чтобы была признана полная сила за древними аѳинскими законами и чтобы законы Солона и тѣ изъ законовъ Дракона, которые оставались неотмѣненными, были вновь пересмотрѣны, переписаны и дополнены законами, согласными съ требованіями даннаго времени. Работа эта, какъ извѣстно, была возложена на особую коммисію номотетовъ. Въ результатѣ работъ этой коммисіи явился при Евклидѣ новый сборникъ законовъ, написанный на понятномъ для народа языкѣ. Въ судахъ запрещено было ссылаться на законы, не вошедшіе въ этотъ сборникъ. Но задача строгаго регулированія частно-правовыхъ отношеній не была достигнута изданіемъ этого сборника, въ который вошли постановленія разновременныя и различныя по своему духу. Кромѣ того, возвращеніе къ законамъ Дракона и Солона, ставившее публичное и частное право на ту точку развитія, на которой оно находилось цѣлыя столѣтія назадъ, не могло вполнѣ удовлетворять потребностямъ времени. Въ результатѣ явилась необходимость новыхъ постановленій и дополненій къ правиламъ, вошедшимъ въ сборникъ, и аѳинское законодательство едва-ли много выиграло по отношенію къ стройности, полнотѣ и ясности своихъ постановленій съ окончаніемъ законодательныхъ работъ номотетовъ (²). А аѳинскіе суды не могли помочь дѣлу усовершенствованія законодательства, такъ какъ въ составъ ихъ входили не опытные судьи, а часто совершенно несвѣдущіе въ этомъ отношеніи граждане, руководившіеся при рѣшеніи дѣлъ не столько правилами закона, сколько личнымъ взглядомъ, складывавшимся подъ вліяніемъ краснорѣчія того или другаго ора-

---

(¹) *Курціусъ*, Исторія Греціи, перев. *Корсакъ*, т. 3, стр. 44—45.

(²) *Mayer*, Die Rechte der Israeliten, Athener und Römer, I. § 9. S. 30. H. *Grasshoff*, Symbolae ad doctrinam juris Attici de hereditatibus, p. 2. not. 3, 4. *Heffter*, Die Athenäische Gerichtsverfassung, § 1. p. 3—9.

Digitized by Google

тора, подъ вліяніемъ политическихъ и личныхъ симпатій и антипатій, а нерѣдко также подъ вліяніемъ личнаго интереса. Продажность и несправедливость, царствовавшія въ аѳинскихъ судахъ эпохи упадка націи, оставляютъ крайне тяжелое впечатлѣніе. Плохое состояніе финансовъ государства, почти непрерывавшееся послѣ Пелопонезской войны, заставляло иногда прибѣгать къ самымъ несправедливымъ мѣрамъ для пополненія государственной казны. Наиболѣе употребительною и, конечно, самою вредною изъ всѣхъ этихъ мѣръ была конфискація имущества богатыхъ гражданъ, подвергавшихся этому наказанію по обвиненіямъ часто завѣдомо ложнымъ (¹). Гражданскіе споры между частными лицами также невсегда рѣшались въ пользу того, на чьей сторонѣ было право; а, наоборотъ, нерѣдко дѣло выигрывалъ тотъ изъ тяжущихся, который успѣвалъ склонить судей на свою сторону обѣщаніемъ пожертвованій въ пользу казны и на общественныя нужды. Тяжущійся обыкновенно говорилъ судьямъ: „если вы постановите рѣшеніе благопрі-

---

(¹) *Курціусъ*, Исторія Греціи, т. III, стр. 209: «Въ какомъ печальномъ состояніи было чувство, руководившее большинствомъ гражданъ, когда они находили весьма естественнымъ, что совѣтъ, не зная чѣмъ покрыть текущіе расходы, предпринималъ обвиненіе въ государственной измѣнѣ, чтобы добыть денегъ посредствомъ конфискаціи имущества обвиненныхъ; когда обвинители осмѣливались говорить присяжнымъ, что нечѣмъ будетъ платить жалованья, если они не произнесутъ предложеннаго имъ приговора; когда Лизій, въ качествѣ защитника несчастныхъ дѣтей Аристарха (*or. de bonis Aristophanis. Didot*, p. 180,) открыто объявилъ, что возложенное на него дѣло затрудняется тѣмъ, что съ одной стороны имущество, о которомъ идетъ рѣчь, весьма значительно, а съ другой государственная казна опустѣла и нуждается въ прибавкѣ!» Разумѣется, положеніе дѣлъ не всегда было такъ ненормально. Спѣшимъ оговориться, что мы вовсе не склонны видѣть одни лишь недостатки въ аѳинскомъ судоустройствѣ. Судъ геліастовъ имѣлъ, конечно, и свои хорошія стороны. Но подробный разборъ достоинствъ и недостатковъ аѳинскаго судоустройства былъ бы совершенно лишнимъ въ нашей работѣ, тѣмъ болѣе, что въ литературѣ есть не мало сочиненій, спеціально посвященныхъ вопросу организаціи суда въ Аѳинахъ. (См., между прочимъ, по этому вопросу небольшую, но интересную статью *Фюстель-Кулажа* «L'organisation de la justice dans l'antiquité et les temps modernes», Revue des deux Mondes, 1871, 91, p. 670 et suiv.).

Digitized by Google

ятное для меня, то поступите не только справедливо, но и сообразно съ интересами государства и съ вашей собственной пользой" (¹). Понятно, что при такихъ условіяхъ рѣшенія суда далеко не всегда согласовались съ требованіями закона и справедливости. Вотъ почему мы нисколько не удивились бы, если-бы встрѣтили по вопросу объ отвѣтственности наслѣдниковъ за наслѣдственные долги рѣшенія аѳинскихъ судовъ, противорѣчащія выведеннымъ нами выше положеніямъ, и во всякомъ случаѣ, даже тогда, въ виду всего сказаннаго, затруднились-бы видѣть въ такихъ рѣшеніяхъ достаточное опроверженіе нашему мнѣнію.

Но если, въ силу особенныхъ условій аѳинской исторіи, частное право аѳинянъ не получило надлежащаго развитія и не успѣло сложиться въ стройную систему; если, вдобавокъ, свѣдѣнія объ этомъ правѣ, доставляемыя дошедшими до насъ источниками, крайне неполны, отрывочны и невсегда достовѣрны; если, благодаря послѣднему обстоятельству, изслѣдователь, желающій возстановить на основаніи имѣющихся скудныхъ данныхъ физіогномію того или другаго института древне-аѳинскаго частнаго права, поневолѣ долженъ давать въ своемъ изслѣдованіи мѣсто догадкамъ и предположеніямъ: тѣмъ не менѣе, изученіе аѳинскаго права представляетъ весьма большой интересъ и является существенно необходимымъ, когда мы хотимъ прослѣдить исторію развитія какого либо изъ юридическихъ институтовъ, общихъ всѣмъ народамъ, достигшимъ извѣстной ступени культуры; а особенно, когда мы желаемъ уяснить себѣ происхожденіе изслѣдуемаго института, указать идеи, лежавшія первоначально въ его основаніи, и опредѣлить причины, вліявшія на послѣдующее его развитіе и измѣненіе. Особенно важно и необходимо знакомство съ аѳинскимъ правомъ при изученіи исторіи институтовъ права семейнаго и наслѣд-

(¹) Подобный пріемъ со стороны тяжущихся былъ настолько употребителенъ, что мы у ораторовъ не имѣемъ почти ни одной такой рѣчи, гдѣ-бы онъ не занималъ болѣе или менѣе виднаго мѣста. Противника обыкновенно упрекали въ сокрытіи своего имущества, въ излишней скупости и въ нерадѣніи объ общей пользѣ. Такъ какъ читателю стоитъ просмотрѣть любую рѣчь Исея или Демосѳена, чтобы убѣдиться въ истинѣ здѣсь сказаннаго, то мы считаемъ излишнимъ прибѣгать къ цитатамъ.

Digitized by Google

ственнаго, въ чемъ читатель самъ могъ убѣдиться даже изъ нашего краткаго очерка.

Что касается до другихъ государствъ древней Греціи, то гражданское законодательство ихъ намъ извѣстно еще менѣе, чѣмъ аѳинское. Основываясь на близкомъ родствѣ всѣхъ греческихъ племенъ, на единствѣ ихъ языка и религіозныхъ вѣрованій, на постоянномъ общеніи ихъ между собою, на нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ историческихъ памятниковъ и на изслѣдованіяхъ такихъ ученыхъ, какъ Германнъ, Фюстель Куланжъ, Клодъ Жаннетъ (Les institutions sociales de Sparte, 2 éd., 1880) и др.,—можно однако предположить, что развитіе институтовъ семейнаго и наслѣдственнаго права шло во всѣхъ общинахъ Греціи приблизительно по одному и тому-же пути. Отклоненія могли быть только въ частностяхъ.

Обозрѣніемъ постановленій аѳинскаго права объ отвѣтственности наслѣдниковъ за долги наслѣдодателя мы оканчиваемъ первую главу нашего изслѣдованія. Исторія древне-римскаго института наслѣдства и объясненіе причинъ, вызвавшихъ появленіе въ римскомъ законодательствѣ правила объ отвѣтственности наслѣдниковъ за обязательства наслѣдодателя ultra vires hereditatis, какъ по особой важности предмета, такъ и по самой обширности его, должны занять отдѣльное мѣсто въ нашей работѣ.

Digitized by Google

ДОПОЛНЕНІЯ.

Излагая высказанныя въ литературѣ мнѣнія относительно существовавшаго въ древне-аѳинскомъ правѣ порядка призванія родственниковъ къ наслѣдованію, мы не упомянули двухъ новыхъ изслѣдованій по этому вопросу, которыми мы не могли воспользоваться своевременно, а именно: Grasshoff'a, „Symbolae ad doctrinam juris attici de hereditatibus. I. De successione ab intistato". 1877, и Buermanna'a, „Das Attische Intestaterbfolgegesetz" (Reinisches Museum für Philologie. 1877 г. N. Folge, B. XXII, Heft 3, p. 353—385).

Грасгофъ высказываетъ по отношенію къ разсматриваемому имъ вопросу мнѣнія очень близкія къ тѣмъ, которыя были высказаны ранѣе въ не разъ цитированной нами статьѣ проф. Caillemer'a—„Le droit de succession à Athènes". Сущность выводовъ Грасгофа сводится къ слѣдующему:

I. Аѳинское законодательство заботилось, чтобы имущество при наслѣдственныхъ переходахъ сохранялось въ той семьѣ, которой оно принадлежало, а не переходило въ другія семьи (p. 14). Вслѣдствіе этого, мужчины и потомки мужчинъ имѣли преимущественное право на наслѣдство передъ женщинами и ихъ потомствомъ.

II. На этомъ основаніи къ наслѣдству призывались прежде всего сыновья умершаго и ихъ нисходящіе, а за ними слѣдовали дочери и нисходящіе дочерей.

III. При отсутствіи прямыхъ потомковъ, наслѣдство переходило къ отцу умершаго, а черезъ него къ братьямъ и ихъ потомкамъ; за отсутствіемъ послѣднихъ, къ сестрамъ и ихъ потомству. За отсутствіемъ родственниковъ, происходящихъ отъ одного отца съ умершимъ, наслѣдство переходило къ дѣду умершаго съ отцовской стороны и къ нисходящимъ послѣдняго (дяди и потомство дядей; затѣмъ тетки

Digitized by Google

и ихъ нисходящіе). За дѣдомъ съ отцовской стороны и его нисходящими слѣдуетъ бабка наслѣдодателя съ отцовской-же стороны и ея нисходящіе. Но этими предѣлами Грасгофъ не считаетъ возможнымъ ограничивать кругъ родственниковъ съ отцовской стороны, имѣвшихъ право наслѣдовать умершему. На стр. 71 авторъ говоритъ:

„Si vero nemo fuit, qui ab avo defuncti paterno descendit, hereditas ad avi patrem vel defuncti proavum paternum, tum ad avi matrem vel defuncti proaviam paternam venit, si, id quod rarissime accidisse puto, in vivis fuerunt. Neque enim eos ab hereditate excludendos esse credo, non magis, quam defuncti et patrem et avum paternum, aut ceteros ascendentes crederem, si ad eos progredi opus esse videretur.

Post hos avia paterna hereditatem consecuta est. De cuius successione, quamquam certa non reperiuntur testimonia, non est, cur dubitemus. Nam ut matri fuisse successionem eamque post certam cognatorum a patre lineam docebo, ita aviae paternae successio fuerit eaque post avi paterni parentes necesse est.

Aviam paternam ii, qui ab ea descendunt, eadem ratione secuti sunt, qua avum paternum ii, qui ab eo descendunt.

Si ex his nemo superfuit, eadem ratione, qua avi paterni parentibus, aviae paternae patri vel defuncti proavo paterno, tum aviae paternae matri vel defuncti proaviae paternae hereditas obvenit“.

Замѣтимъ, что, по мнѣнію цитируемаго автора, право представительства допускалось аѳинскимъ законодательствомъ какъ въ прямой нисходящей линіи, такъ и въ боковыхъ ad infinitum, и что наслѣдство дѣлилось per stirpes, а не per capita.

IV. По предположенію Грасгофа, только при отсутствіи указанныхъ выше наслѣдниковъ изъ рода отца умершаго, имущество послѣдняго переходило къ его матери и ея роду; причемъ кругъ призываемыхъ къ наслѣдству родственниковъ по матери и порядокъ призванія авторъ опредѣляетъ по аналогіи съ тѣмъ, что было имъ сказано относительно родственниковъ съ отцовской стороны (р. 79).

Мы не будемъ вдаваться въ критическій обзоръ изложеннаго здѣсь мнѣнія Грасгофа; а замѣтимъ только, что признаніе авторомъ преимущественнаго передъ матерью и

Digitized by Google

ея родомъ права на наслѣдство за родственниками изъ линіи прадѣда и прапрадѣда съ отцовской стороны представляется намъ вполнѣ произвольной догадкой, не подтверждаемой свидѣтельствами источниковъ. Во всякомъ случаѣ, эти предположенія Грасгофа не имѣютъ существеннаго значенія для нашей работы. То-же можно сказать и о статьѣ Буэрмана, представляющей попытку объяснить недоразумѣнія относительно древне-аѳинскаго порядка наслѣдованія и возстановить содержаніе того закона о порядкѣ призванія къ наслѣдованію боковыхъ родственниковъ, который цитируется Изеемъ въ §§ 1 и 2 рѣчи о наслѣдствѣ Гагнія. Насколько удачна эта попытка и насколько вѣрны всѣ соображенія Буэрмана относительно этого закона, предоставляемъ судить другимъ; для нашихъ-же цѣлей достаточно указать, что выводы этого автора, также какъ и предположенія Грасгофа, не противорѣчатъ положенію, что въ основаніи аѳинскаго порядка наслѣдованія лежало воззрѣніе на имущество, какъ на собственность семьи; напротивъ, изслѣдованія обоихъ названныхъ авторовъ еще болѣе убѣждаютъ насъ въ истинности этого положенія.

Считаемъ излишнимъ прилагать къ этому выпуску списокъ источниковъ и пособій, которыми мы пользовались, такъ какъ читатели могутъ это найти въ сдѣланныхъ нами ссылкахъ. Во избѣжаніе недоразумѣній, спѣшимъ оговориться, что на страницѣ 21, гдѣ нѣкоторыя фразы заимствованы изъ сочиненія г. В. Миллера—„Очерки арійской миѳологіи“, по недосмотру, опущена ссылка на это сочиненіе.

Еще разъ повторяемъ, что къ крайнему нашему сожалѣнію, мы не имѣли возможности воспользоваться для нашего изслѣдованія всѣми тѣми источниками и пособіями, имѣть которые подъ руками было-бы желательно. Такъ, напр., намъ остался неизвѣстнымъ трудъ Циммера (Altindisches Leben. Berlin. 1879), гдѣ, по словамъ г. Сокольскаго, мастерски сведены всѣ результаты изслѣдованій лучшихъ представителей науки сравнительнаго языковѣдѣнія и индійскихъ древностей по вопросу объ организаціи древне-индійской семьи (см. *Сокольскаго*, „Къ ученію объ организаціи семьи и родства въ первобытныхъ обществахъ,“ преимущественою у Кельтовъ и Германцевъ. С.-Петербургъ. 1881. стр. 15).

Въ своемъ мѣстѣ было указано, что наслѣдственное право ассиро-вавилонянъ, египтянъ и персовъ настолько ма-

Digitized by Google

ло извѣстно, что изъ имѣющихся данныхъ не можетъ быть сдѣлано никакого вывода по интересующему насъ вопросу. Однако открытіе и изученіе письменныхъ памятниковъ, оставленныхъ этими народами, сдѣлавшія такіе значительные успѣхи за послѣднее время, даютъ намъ право надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ труды неугомимыхъ изслѣдователей познакомятъ насъ съ домашнимъ бытомъ, обычаями и частнымъ правомъ этихъ народовъ. Уже въ сборникѣ, изданномъ Оппертомъ и Менаномъ („Documents juridiques de l'Assyrie et de la Chaldée". Paris. 1877 г.), имѣется значительное число памятниковъ юридическаго содержанія, важное научное значеніе которыхъ прекрасно характеризуется слѣдующими словами ученыхъ издателей сборника:

«Les textes que nous publions aujourd'hui appartiennent à un ordre d'idées sur lequel il était difficile de prévoir, lors de la découverte des monuments de Ninive, que nous puissions être renseignés un jour.

Ils permettent, en effet, d'étudier les relations de la vie civile et commerciale des peuples de l'Assyrie et de la Chaldée pendant cette longue période de l'histoire qui était restée si longtemps inaccessible aux recherches de la science.

Ce sont des contrats qui consacrent, dans une forme juridique, les intérêts privés des sujets de ces Rois dont les conquêtes ont tour à tour changé la face de l'Asie occidentale».

Къ сожалѣнію, содержаніе указаннаго сборника не настолько еще богато, чтобы имъ можно было воспользоваться для цѣлей нашей работы.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка* [1]		*Напечатано:*	*Нужно читать.*
1	4	снизу	на чтобы	на что бы
3	4	—	наслѣдователя но	наслѣдодателя, но
5	20	сверху	послѣдователями	послѣдовательными
—	3	снизу	heriditas	hereditas
—	2	—	4844	1844
6	2	сверху	имущество и	имущество, и
—	5	снизу	современному праву см.	современному праву; см.
7	21	сверху	умершаго?	умершаго.
8	14	снизу	умершаго а	умершаго, а
—	13	—	въ томъ что	въ томъ, что
—	11	—	основанію къ силѣ	основанію—къ силѣ
9	16	сверху	это имущество	эти имущества
10	14	—	принадлежности, требуется	принадлежности требуется
12	18	—	оставителя, отказался	оставителя отказался
13	15	—	неоходимымъ-ли	необходимъ-ли
14	6	снизу	вести, къ	вести къ
15	4	сверху	Но, возразятъ намъ,—вѣдь	Но—возразятъ намъ—вѣдь
15	13	—	должетъ	долженъ
17	3	—	его имущества его статка	его имущества, его статка
18	7	—	выбыло и	выбыло, и
23	5	—	болѣе и, болѣе	болѣе и болѣе
26	8	снизу	Востока индусскаго и китайскаго	Востока — съ индусскаго и китайскаго
29	10	—	analltique i	analytique
30	7	сверху	блажества	блаженства
—	6	снизу	преступленіемъ	преступленіямъ
31	18	—	дѣйствительнаго	дѣйствительности
33	13	сверху	samonadakas	samanodakas
34	5	снизу	samonadakas	samanodakas
35	5	сверху	одному, принадлежитъ	одному принадлежитъ
36	3	—	её	ея
37	14	—	смотря потому	смотря по тому,

[1] Примѣчанія въ общемъ счетѣ.

Digitized by Google

Стр.	*Строка.*		*Напечатано:*	*Нужно читать.*
40	13	—	слѣдовательно не	слѣдовательно, не
41	18	снизу	abrége susbstantiel	abrégé substentiel
45	11	сверху	Code civile	Code civil.
46	5	снизу	Cesetzbuch	Gesetzbuch
55	9	сверху	значенія	значеніе
—	5	снизу	опредѣляется	опредѣляются
57	18	сверху	полученія	полученіе
61	18	снизу	строгому	строго
62	11	—	существуетъ	существуютъ
74	16	сверху	отцомъ	послѣднимъ
81	21	—	имущество по смерти	имущество,—по смерти
—	22	—	ея,—они	ея, они
93	7	—	отвѣтственности отправленіе	отвѣтственности лежитъ отправленіе
49	2	снизу	Ta-tsing-leu-lée, livre III, p. 1. Code Annamite, sect. XI, XXXVII, XXXVIII.	Ta-tsing-leu-lée, sect. CCCXIV, art. 6—8. sect. CCCXIX, art. 2—5 Code Annamite, livr. III, part. 2, sect. III, XXXIII, XXXVII, XXXVIII.
103	16	сверху	никогда	никогда
113	12	—	наслѣдованнаго	унаслѣдованнаго
116	4	снизу	Du droit pe proprieté	Du droit de proprieté
123	3	сверху	правила, права	правила права
138	17	—	родственникъ	родственниковъ
166	16	—	Georges	George

Digitized by Google

Digitized by Google

Цѣна 1 руб. 50 коп. сер.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google